

СВОЕ СЛОВО.

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый

(ВМѢСТО «ФИЛОСОФСКАГО ТРЕХМѢСЯЧНИКА»)

профессоромъ А. А. Козловымъ.

№ 1.

(Цѣна 2 руб. съ пересылкой).

Кіевъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

1888.

СВОЕ СЛОВО.

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

п и з д а в а е м ы й

(ВМѢСТО «ФИЛОСОФСКАГО ТРЕХМѢСЯЧНИКА»)

профессоромъ А. А. Козловымъ.

№ 1.

(Цѣна 2 руб. съ пересылкой).

Кіевъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

1888.

Дозволено цензурою. Київъ, 28 іюля, 1888 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	1
Бесѣды съ петербургскимъ Сократомъ	3—82
Бесѣда первая	3
Бесѣда вторая	24
Бесѣда третья	47
Замѣтка о книгѣ г. Штеина	82
Нѣчто о „научной философiи“ и научномъ философѣ	89
Отвѣтъ на рецензію г. Мокіевскаго	125
Отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“	136

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я считаю полезнымъ объяснить на счетъ предлагаемаго сборника съ моими читателями вообще и особенно съ бывшими подписчиками и читателями издаваемаго мною въ 1886 году журнала: „Философскій Трехмѣсячникъ“. Въ свое время я уже заявилъ читателямъ этого журнала, что послѣдствія тяжелой болѣзни, поразившей меня въ томъ же году, заставили меня остановить изданіе на 1887 годъ „Философскаго Трехмѣсячника“. Такъ какъ послѣдствія этой болѣзни въ извѣстной степени продолжаютъ и до сихъ поръ, то я и теперь все таки не могу возобновить изданіе журнала, обязаннаго предъ его подписчиками срочнымъ выходомъ.

Таже болѣзнь, хотя и нисколько не тронула моихъ умственныхъ силъ, но все таки не позволила мнѣ продолжать моей преподавательской дѣятельности въ университетѣ. Отсюда въ моемъ распоряженіи осталось нѣкоторое свободное время, которое, вмѣстѣ съ остаткомъ прежде бывшихъ силъ, я и могу посвятить всегда любимой мною философской наукѣ и ставшей для меня теперь единственнымъ утѣшеніемъ.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго я предпринимаю, вмѣсто прежняго обязательнаго и срочнаго журнала, изданіе сборника, который и будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія статей. Статьи эти будутъ философскаго содержанія, хотя, можетъ быть, среди нихъ появятся и произведенія общенаучнаго или даже беллетристическаго характера.

Что касается до моихъ философскихъ воззрѣній и моего направленія, то оно останется тѣмъ же, съ которымъ мои читатели

познакомились и прежде. При этомъ я постараюсь о болѣе полномъ и понятнѣйшемъ выраженіи моихъ философскихъ воззрѣній на міръ и жизнь, по скольку они выработались у меня въ силу жизненнаго опыта и теоретическаго изученія науки.

Надѣюсь, что въ этомъ сборникѣ, кромѣ моихъ работъ, появятся труды и другихъ, болѣе или менѣе сочувственныхъ по направленію и воззрѣнію, лицъ. Предполагаю ежегодно издавать одну книжку моего сборника большаго или меньшаго объема, который будетъ зависѣть отъ состоянія моихъ силъ, а также и отъ помощи, которую мнѣ могутъ оказать другія лица.

О выходѣ книжки буду извѣщать читателей черезъ газеты.

Какъ при изданіи „Философскаго Трехмѣсячника“, такъ и при изданіи этого сборника я приглашаю моихъ постоянныхъ читателей обращаться ко мнѣ съ своими недоумѣніями и вопросами, по поводу напечатаннаго мною или моими сотрудниками. На всякій серьезно и основательно поставленный вопросъ будетъ, по мѣрѣ силъ, данъ отвѣтъ въ слѣдующей книжкѣ сборника. Само собою разумѣется, что, при постановкѣ вопросовъ, должны быть принямы въ соображеніе требованія цензуры, литературнаго приличія и т. под.

А. К.

25 мая 1888 г.

ВЕСѢДЫ

СЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ СОКРАТОМЪ.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Въ разговоръ о субстанціи, завязавшемся между Калановымъ и Сократомъ, онъ защищаетъ мысль, что субстанціи не могутъ находиться въ пространство и быть доступны внѣшнимъ чувствамъ. Потомъ въ разговоръ съ Красоткинымъ Сократъ оспариваетъ мысль, что матеріальные атомы суть субстанціи.

Уже года два, какъ познакомился я съ человѣкомъ, котораго въ нашемъ кружкѣ называли не иначе, какъ Сократомъ Ивановичемъ, а за глаза такъ и просто Сократомъ, хотя настоящее его имя было Алексѣй Ивановичъ.

Кто и что такое былъ Сократъ Ивановичъ, и какъ я съ нимъ познакомился, о томъ я расскажу какъ либо на досугъ, въ другой разъ, а теперь скажу, что видѣть его, когда я по дѣламъ пріѣзжалъ изъ родной Калуги въ славный Петрополь, стало для меня обычною и настоятельною потребностью.

Разъ пріѣхавъ въ Петербургъ въ маѣ 188* года, я пошелъ на другой день къ своему пріятелю, Калганову, жившему близко отъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ я остановился. Калганова я засталъ на выходѣ изъ дома. Онъ мнѣ обрадовался и воротился назадъ, располагая остаться со мной дома. Но я просилъ его не церемониться со мною и отправляться, куда ему было нужно.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, мнѣ никуда не нужно. Отправлялся я къ Сократу. Вы знаете, что сегодня воскресенье и у Сократа, по обычаю, пекутъ отличный широгъ съ сигомъ. Я и отправился къ

нему принять участіе въ „отечественномъ симпозионѣ“, по его выраженію.

— Ну вотъ и отлично, сказалъ я, такъ и я съ вами отправлюсь. И очень радъ повидать Сократа.

Наняли извозчика на Пески, гдѣ уже давно живетъ Сократъ на одной и той же квартирѣ. Войдя въ квартиру, мы по установившемуся у насъ обычаю, прямо безъ доклада вошли въ комнату Сократа. Онъ сидѣлъ передъ какой то книгой и, увидѣвъ насъ, всталъ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ здороваться съ нами, особенно со мною, какъ съ пріѣзжимъ. Пока я съ Сократомъ размѣнивался вопросами и отвѣтами обычными у людей, долго не видавшихся, Калгановъ овладѣлъ книгою, которую читалъ Сократъ и началъ ее разсматривать. Петръ Оомичъ Калгановъ, вообще человѣкъ смиренный, нѣсколько задумчивый, малоразговорчивый, въ присутствіи Сократа иногда выходилъ изъ своей обычной апатіи и становился весьма возбужденнымъ и болтливымъ. Онъ не могъ вытерпѣть, чтобы не задрать чѣмъ либо Сократа и не вступить съ нимъ въ споръ, хотя въ тоже время былъ несомнѣнно расположенъ къ нему. Вѣроятно, его возбуждали вообще необычныя философскія воззрѣнія Сократа, казавшіяся совершенно дикими чело-вѣку, не искусившемуся въ философской діалектикѣ.

— Ну, вотъ посмотрите, Платонъ Михайловичъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и показывая на толстую книгу, которую читалъ Сократъ, всегда то его застанешь за какой либо нѣмецкой философіей въ полпуда вѣсомъ. На одной страницѣ я насчиталъ разъ двадцать повторяющееся слово: Substanz. И вообще въ нѣмецкомъ не силсъ, а эту философскую тарабарщину—ни одного слова не понимаю. О чемъ это, Сократъ Ивановичъ?

Сократъ. Солидная книга! Авторъ хочетъ здѣсь доказать, что существуетъ *только одна* субстанція.

Калгановъ. Что же это значитъ на человѣческомъ, а не на тарабарскомъ языкѣ?

Сократъ. Зачѣмъ же тарабарскомъ? Скажите лучше такъ: на

языкъ философіи, науки, которой я не изучалъ, да и изучать не желаю. Языкъ этотъ для незнающаго такъ же не понятенъ, какъ языкъ физики, математики, астрономіи для незнакомыхъ съ этими науками.

Калгановъ. Ну, пусть такъ! Скажите же, что это значитъ, что существуетъ только одна субстанція? Да прежде, я не знаю, что значитъ это словечко: *субстанція*?

Сократъ. Словечко это латинское, происходитъ отъ словъ: *sub*, что значитъ *подъ*, и *stare*—*стоять*. Отсюда *substantia*, по слово-производству, значитъ то, что стоять, пребываетъ *подъ* чѣмъ нибудь, или составляетъ основаніе для чего либо. Въ философскомъ языкѣ *подъ* субстанціей разумѣютъ неизмѣнное бытіе въ противоположность смѣняющемуся, независимое, самостоятельное въ противоположность зависимому. Это смѣняющееся и зависимое на томъ же языкѣ называется *акциденціей* или *аттрибутомъ*. Точно также можно обозначить словомъ субстанція то, *что есть*, пребываетъ, сравнительно съ акциденціей или съ тѣмъ, что измѣняется, *бываетъ*. Значитъ, при словѣ субстанція всегда разумѣютъ и акциденцію, и оба слова служатъ поясненіемъ другъ другу. Вотъ, какъ говорится, *номинальное опредѣленіе* слова: субстанція, общее для всѣхъ философскихъ школъ. Затѣмъ, *реальное опредѣленіе* субстанціи, т. е., исчерпывающее ея дѣйствительную природу, различно и зависитъ отъ основныхъ началъ, которыхъ держится та или другая школа.

Калгановъ. Опять пошли словечки: номинальное, реальное опредѣленіе, да еще у каждой школы различное. Вотъ такъ-то и всегда философія! То ли дѣло физика или химія? Тамъ нѣтъ ни номинальныхъ, ни реальныхъ, а просто принятыхъ всѣми физиками и химиками опредѣленія.

Сократъ. По моему, вовсе не бѣда, что есть словечки; бѣда была бы, если бы ихъ не было, что значило бы, что не было бы науки, въ нашемъ случаѣ, логики. Для знакомыхъ съ этой наукой и наши словечки понятны. Точно также напрасно вы, Петръ Оо-

мичъ, думаете, что въ другихъ наукахъ, напимѣръ, физикѣ и химіи, нѣтъ реальныхъ и номинальныхъ опредѣленій... ..

Въ это время, слышавшійся въ передней, шумъ смолкъ; и въ комнату вошли три человека: одинъ папъ общій хорошій знакомый, Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ, а два другіе мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстные.

Карамазовъ. Я уже вижу, что стычка у Петра-Ѳомича съ Сократомъ Ивановичемъ началась и жалѣю только, что мы не попали къ началу побоища, а потому, Сократъ Ивановичъ, не здороваясь и не обращая на насъ вниманія, извольте продолжать рѣчь, начало которой мы слышали въ передней. Послѣ за пирогомъ поздороваемся и потолкуемъ.

Съ этими словами Карамазовъ указалъ пришедшимъ съ нимъ лицамъ на два свободные стула и сѣлъ смирно самъ.

Сократъ (продолжая). Ну, пусть будетъ по вашему, Алексѣй Ѳедоровичъ! Опять онъ задралъ меня на споръ. Да, па чемъ, бипш, мы остановились? Вспомнилъ! Вотъ въ физикѣ, напимѣръ, чѣмъ не словечко: эфиръ, и точно также имѣетъ номинальное и реальное опредѣленіе и точно также реальныя опредѣленія различны, смотря по различію теорій. Номинальное опредѣленіе, общее всѣмъ: эфиръ есть причина свѣта, а реальное будетъ заключаться въ изложеніи того понятія, въ которомъ будетъ объясняться, что такое эта причина свѣта и какія ея свойства; матеріальный или не матеріальный это дѣятель и какая конституція этого дѣятеля, какой способъ дѣйствій и тому подобное. Ученые физики въ этомъ объясненіи разногласятъ и даютъ реальныя опредѣленія различныя.

Налгановъ. Ну, хорошо! пусть будетъ по вашему! Такъ, значитъ, субстанція есть нѣчто постоянное, неизмѣнное. Что же бы это могло быть? Я люблю примѣры, а то безъ примѣровъ—то вы меня сейчасъ спутаете. Вотъ, напимѣръ, камень. Что это — субстанція?

Сократъ. Нѣтъ, камень субстанціей и быть не можетъ, ибо субстанція есть нѣчто нераздѣльное, единое само въ себѣ и само по себѣ, а камень... ..

Калгановъ. Такъ камень не субстанція; ну, а собака, субстанція или нѣтъ?

Сократъ. И собака не субстанція, она каждую минуту растетъ, измѣняется.

Калгановъ. Ну, а человѣкъ, тоже не субстанція.

Сократъ. И человѣкъ не субстанція. Впрочемъ, тутъ нужно объяснить, потому что слова, употребляемая безъ объясненія, могутъ вести къ недоразумѣніямъ. Такъ и слово: человѣкъ, подвержено недоразумѣнію. Субстанція ли человѣкъ или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ того, что будемъ мы разумѣть подъ человѣкомъ.

Калгановъ. Что будемъ разумѣть? Кажется, ясно, что разумѣть! Вотъ, напримѣръ, сказалъ онъ, дотрогиваясь до меня пальцемъ, вотъ это: то, что я вижу, то, что я осязаю, слышу—все это и есть человѣкъ.

Сократъ. Ну, если это, т. е., что видимо, слышимо, осязаемо и такъ далѣе, то это не субстанція. Сейчасъ мы приходимъ уже къ одному изъ реальныхъ, хотя и отрицательныхъ опредѣленій субстанціи. По моему воззрѣнію, я выражу его такъ: все, подлежащее вѣдѣнію чувствъ и занимающее пространство, не есть субстанція.

Калгановъ. Да ужъ не съ ума ли мы съ вами спятили, Сократъ Ивановичъ? Гдѣ же эти ваши субстанціи, коли ихъ нѣтъ нигдѣ? Значить, и небесныя тѣла не субстанціи, а такъ какъ они вмѣстѣ составляютъ міръ, то и міръ не субстанція. Да, докажете же эту чудную вещь, что все то, что мы видимъ, осязаемъ и проч., не субстанція. Такъ какъ субстанція есть нѣчто постоянное, сравнительно съ измѣняющимся, то неужели же въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего постоянного. Все это что-то мудрено для меня, для не философа.

Сократъ. Такъ какъ субстанція пока для насъ есть нѣчто постоянное, сравнительно съ измѣняющимся, и независимое, или само по себѣ сущее, сравнительно съ зависимымъ, сущимъ не по себѣ, а отъ другаго или, пожалуй, въ другомъ, то доступный

чувствамъ, находящійся въ пространствѣ, міръ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ, а потому не можетъ представлять субстанцій, ибо все, что ни встрѣчается въ этомъ мірѣ, не есть само по себѣ.

Калгановъ. Да вотъ, напримѣръ, камень, (беретъ въ руку прессъ-папье), какъ онъ не самъ по себѣ?

Сократъ. А, вотъ, какъ! Этотъ камень бѣлый, по для того, чтобы быть ему бѣлымъ, должны существовать зрѣніе и тотъ, для кого онъ бѣлый. Безъ нихъ онъ не бѣлый и вообще не цвѣтной. Точно также безъ того, кто ощущаетъ что либо тяжелымъ и легкимъ, этотъ камень не тяжелый и не легкій. Безъ того, кто слышитъ, онъ не звучитъ и не не звучитъ; безъ того, кто осязаетъ, онъ не гладкій и не шероховатый, безъ того, кто не ощущаетъ, онъ не твердый и т. д. Такъ и все другое, и самыя небесныя тѣла таковы. Но иначе, какъ въ томъ, что въ немъ видятъ, слышатъ, осязаютъ и проч., камень не только не имѣетъ ничего постоянного, но вовсе не существуетъ, ибо помимо этого, что же онъ? Ничто?

Калгановъ. Какъ ничто? а матерія-то?

Сократъ. Но, вѣдь, матерія-то не видима, вѣдь, она не цвѣтна, вѣдь, звукъ также не она, то, что мы знаемъ какъ твердость, тяжесть, мягкость—это тоже не матерія. Значитъ и по вашему, матерія, если она есть, не подлежитъ чувствамъ.

Калгановъ. Но положимъ, что она не подлежитъ чувствамъ, но, вѣдь, она занимаетъ же пространство?

Сократъ. Ну, что же изъ того, что она занимаетъ пространство? Вѣдь, не пространство видимо, или слышимо, или осязаемо; значитъ, если пространство существуетъ, то оно само еще можетъ быть субстанціей, а ужъ никакъ не то, что въ немъ находится, потому что то, что въ немъ находится въ своемъ бытіи зависимо не отъ себя, а отъ того, кто видитъ, слышитъ и тому подобное. Вѣдь, протяженность тѣлъ, сама по себѣ, не есть видимое или осязаемое. Значитъ, я совершенно вѣрно сказалъ, когда говорилъ, что субстанція не доступна внѣшнимъ чувствамъ, и что субстанція не есть то, что занимаетъ пространство.

Калгановъ. Да, вѣдь, пространство—то есть, слѣдовательно есть и то, что его занимаетъ.

Сократъ. Нѣтъ, оказывается, что то, что его занимаетъ, не есть само по себѣ, а зависитъ отъ другого, зависитъ отъ видѣнія, слышанія или, иначе говоря, существуетъ такимъ, какъ видится, какъ слышится, осязается;—для видящаго, слышащаго, осязающаго, а не само по себѣ. И такъ, все одинъ и тотъ же выводъ: субстанція не подлежитъ чувствамъ и не есть то, что находится въ пространствѣ.

Калгановъ. Но если то, что видимо, слышимо и находится въ пространствѣ, не субстанція, то что же оно такое?

Сократъ. Это не субстанція, а акциденція, атрибутъ....

Но въ это время одинъ изъ пришедшихъ съ Карамазовымъ гостей, уже давно показывавшій признаки петерифіа, сказалъ: „Извините, господа, что я васъ перерву, мнѣ кажется, что вы ведете вашъ споръ не такъ, какъ слѣдуетъ, а потому изъ него ничего выйти не можетъ“.

Тутъ всѣ обратили свой взглядъ на сказавшаго, къ которому обратился также и Сократъ, говоря: „извините, мой почтенный гость, котораго я, по волѣ Алексѣя Федоровича, не имѣлъ чести узнать ни имени, ни отчества, въ нашемъ кружкѣ уже давно установилось такое правило, что споръ ведутъ всегда двое, остальные слушаютъ, но не перебиваютъ, хотя бы спорящіе, по ихъ мнѣнію, говорили что либо не надлежащее. Такъ какъ споры, по большей части, ведутъ со мной, то я, не допуская, чтобы говорили разомъ многіе, соглашаюсь однако, чтобы одинъ бесѣдующій уступалъ продолженіе своей бесѣды другому, если онъ на то согласенъ, о томъ же предметѣ или о другомъ. И такъ, если Петру Омичу угодно уступить вамъ споръ со мной, то я согласенъ; если же онъ хочетъ продолжать, то пусть продолжаетъ.“

Калгановъ (недовольнымъ тономъ). Нѣтъ, я и самъ еще не усталъ и въ чужой помощи не нуждаюсь. И такъ; къ дѣлу! Ка-

жется, давеча вы говорили, что акциденціи находятся въ субстанціяхъ и что одни безъ другихъ быть не могутъ.

Сократъ. Да, говорилъ, что акциденціи относятся къ субстанціямъ, хотя сказать, что онѣ находятся *въ субстанціяхъ* можетъ быть, и поостерегся, потому что это выраженіе, впрочемъ, часто употребляемое въ философскихъ сочиненіяхъ, можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ, ибо оно не точное, а фигуральное, взятое отъ пространственныхъ отношеній, нисколько не выражающихъ дѣйствительныхъ отношеній акциденцій къ субстанціи. Значить, лучше всего выразиться такъ: акциденціи относятся къ субстанціи, отъ нея зависятъ и связаны въ ея единствѣ.

Калгановъ. Ну, хорошо! мнѣ все равно! Во всякомъ случаѣ акциденціи не суть что либо совершенно отдѣльное отъ субстанціи. Но теперь какъ же это понимать? Вы недавно сказали, что цвѣтъ, гладкость, шероховатость и т. под. вещей суть акциденціи, но въ то же время говорите, что субстанціей никакъ не можетъ быть то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ и находится въ пространствѣ, а между тѣмъ цвѣтность, гладкость, шероховатость, твердость, мягкость и т. под. подлежатъ чувствамъ и находится въ пространствѣ. Значить, акциденціи находятся въ пространствѣ, а субстанція не находится. Мнѣ кажется тутъ противорѣчіе. По крайней мѣрѣ, для меня это рѣшительно непонятно.

Сократъ. Ай да Петръ Оомичъ, подловилъ! Конечно, тутъ нѣчто неладное, изъ котораго можно выйти, кажется, лучше всего тѣмъ, чтобы признать, что и самыя акциденціи не находятся въ пространствѣ. И такъ, о себѣ сущія вещи не находятся въ пространствѣ и также ихъ качества не находятся въ пространствѣ. Или иначе говоря, въ пространствѣ нѣтъ ничего дѣйствительно сущаго, т. е. ни субстанцій, ни акциденцій, такъ какъ все сущее исчерпывается и тѣми, и другими.

Калгановъ. Такъ вотъ какъ! въ пространствѣ ни субстанцій, ни акциденцій, значить, ничего не существуетъ. Ну, а пространство то существуетъ? И что же оно-то, субстанція или акциденція?

Сократъ. Ни субстанція, ни акциденція, и не существуетъ само по себѣ, а, слѣдовательно, и въ немъ ничего не можетъ самостоятельно существовать.

Калгановъ. Значить, откуда же это пространство со всѣми предметами внѣшняго міра?

Сократъ.. Это актъ мыслящаго и представляющаго субъекта, только въ этомъ актѣ и существуетъ пространство съ предметами внѣшняго міра, или матеріальными вещами.

Калгановъ. Коли внѣшній міръ ничто, значить, это мы создаемъ его. Тогда, что же существуетъ само по себѣ? Докажите и объясните, ради Бога, всю эту премудрость. По моему, ничего не можетъ быть яснѣе, какъ то, что пространство и міръ въ немъ существуютъ сами по себѣ, что этотъ міръ чуждъ намъ и не зависитъ отъ насъ, а напротивъ, что онъ ограничиваетъ насъ и что мы отъ него зависимъ.

Сократъ. А вотъ посмотримъ и начнемъ сперва съ пространства. По самому своему понятію, пространство таково, что оно состоитъ изъ частей, которыя однѣ внѣ другихъ, или, иначе говоря, пространство непрерывно и въ силу этой непрерывности всякое пространство заключается въ пространствѣ и въ себѣ заключаетъ пространство. Таково пространство въ своемъ цѣломъ, таково оно и въ своихъ частяхъ. Всякая часть пространства въ свою очередь состоитъ изъ частей, а эти части изъ своихъ частей и т. д. въ безконечность. Но если это соединеніе частей есть реальное или дѣйствительное соединеніе, то не иначе, какъ если оно состоитъ изъ реальныхъ и опредѣленныхъ составныхъ элементовъ, какъ бы они малы ни были. Составное же, которое не состоитъ изъ опредѣленныхъ реальныхъ элементовъ, а по своему составу, идетъ въ безконечность, не можетъ быть реальнымъ и есть нѣчто только представляемое и воображаемое, какъ напримѣръ, вообще число съ его долями, существующее въ воображеніи. Но гдѣ же эти реальные элементы пространства? Мы нигдѣ на нихъ не мо-

жемъ напасть, поэтому то мы всякое пространство можемъ понимать не иначе, какъ такъ, что и оно состоитъ изъ пространствъ и т. д. безъ конца. Но если не существуютъ въ дѣйствительности послѣдніе элементы пространства, то не существуетъ и само составное.

„Далѣе, если бы пространство существовало само по себѣ, то оно было бы въ этомъ собственномъ существованіи такимъ же, какимъ оно является въ нашемъ субъективномъ представленіи, со всѣми его свойствами, а именно: безграницностью, непрерывностью, безконечною дѣлимостью и неизмѣнностью. Но тогда спрашивается, какъ это пространство вошло въ сознаніе и какъ это сознаніе можетъ заключать его такимъ, какимъ оно существуетъ и внѣ сознанія. Тогда, значитъ, безконечная протяженность во всѣхъ направленіяхъ существовала бы и въ сознаніи, т. е., значитъ, что и само сознаніе было бы протяженно. Но едва ли кто нибудь допуститъ чудовищную нелѣпость, что сознаніе или то, что мы разумѣемъ подъ своимъ я, протяженно, безконечно — дѣлимо, непрерывно и проч. Но этой нелѣпости еще было бы мало: надобно было бы допустить еще и другую, что таковое пространство существуетъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ внѣ сознающаго субъекта, а другой въ сознающемъ субъектѣ, а если субъектовъ много, то повторяется столько разъ, сколько субъектовъ. И такъ, заключаю я: пространство съ его свойствами не можетъ существовать само по себѣ, независимо отъ сознанія и есть только актъ представленія сознающаго субъекта, значитъ, и все, существующее въ пространствѣ, само по себѣ не существуетъ, а находится только въ представленіи субъекта; значитъ, и субстанцій въ пространствѣ быть не можетъ или, иначе говоря, вещи, находящіяся въ пространствѣ и доступныя нашимъ чувствамъ, не суть субстанціи....

Въ это время въ комнату вошла кухарка и, обращаясь къ хозяину, объявила, что поданъ пирогъ. Сократъ остановился и пригласилъ присутствующихъ позавтракать, а Карамазова просилъ познакомить съ нимъ и другими приведенныхъ имъ лицъ.

— „Рекомендую вамъ Сократъ Ивановичъ“, сказалъ Карамановъ, указывая на одно изъ этихъ лицъ, именно на того, который раньше пытался вмѣшаться въ споръ Сократа къ Калгановымъ, „Николая Ивановича Красоткина, великаго реалиста, который, какъ врачъ, въ случаѣ нужды можетъ починить ваше тѣло, если оно испортится“. Затѣмъ онъ представилъ ему и другаго, назвавши его Пваномъ Автоповичемъ Шугаевымъ. Точно также онъ, по порядку представилъ этихъ лицъ мнѣ и Калганову, и обратно насъ имъ

— Потомъ мы всѣ вошли въ сосѣдную комнату, гдѣ на накрытомъ столѣ уже готовы были водка, закуска и пирогъ съ сигомъ.

— „Пожалуйте, господа, приступимъ къ *отечественному симпозиону*“, приглашалъ Сократъ, наливая рюмки водкою. „Уничтожимъ эти субстанціи, говорилъ онъ, ослабляясь и указывая на пирогъ и закуску, и произведемъ пріятныя акциденціи въ нашей собственной субстанціи“.

Послѣ того всѣ начали завтракать, приправляя ѣду и питье шутками и смѣхомъ, предметомъ которыхъ были главнымъ образомъ потребляемыя субстанціи, а также и самъ хозяинъ.

Когда позавтракали, то опять перешли въ комнату Сократа. На столъ были поданы двѣ бутылки дешёвенькаго крымскаго вина, „чтобы промочить горло, когда у спорящихъ языкъ прильпнетъ къ гортани“, сказалъ Сократъ.

Споръ снова возгорѣлся, хотя на этотъ разъ Сократомъ поспѣшили овладѣть Красоткинъ.

Красоткинъ. А вѣдь сознайтесь, Сократъ Ивановичъ, что давеча г. Калгановъ слишкомъ скоро и легко уступилъ вамъ въ вопросѣ о матеріи. Я могу согласиться съ вами, что субстанціи не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онѣ не суть матерія. Матерія, какъ это доказано современной наукой, состоитъ изъ атомовъ, которыхъ, конечно, нельзя видѣть, слышать и осязать, но изъ сочетаній которыхъ состоитъ все видимое, слышимое и осязаемое. Эти атомы вѣчны и неизмѣнны;

кромѣ нихъ ничего нѣтъ и все въ мірѣ происходитъ отъ вѣчныхъ движеній, и перераспредѣленій ихъ въ пространствѣ. Эти атомы и суть субстанціи.

Сократъ. А акциденціи?

Красоткинъ. Зависятъ отъ дѣятельности атомовъ.

Сократъ. Въ чемъ же эта дѣятельность?

Красоткинъ. Въ движеніи и различныхъ сочетаніяхъ и перераспредѣленіяхъ.

Сократъ. Ну, а что же такое то, что мы называемъ вещами съ ихъ различными свойствами?

Красоткинъ. Эти вещи съ ихъ свойствами суть сочетанія атомовъ.

Сократъ. Атомы, вѣдь, дѣйствительны, т. е. существуютъ сами по себѣ?

Красоткинъ. Конечно.

Сократъ. Если атомы существуютъ, то, должно быть, существуютъ и сочетанія ихъ, т. е., вещи съ ихъ свойствами.

Красоткинъ. Ну, конечно.

Сократъ. Такъ опять возьмемъ это прессъ-папье. Оно—вещь, т. е. сочетаніе атомовъ, и, конечно, существуетъ. Свойство сего въ томъ, что оно бѣлое, твердое, гладкое, тяжелое и проч. Значитъ, и эти свойства существуютъ.

Красоткинъ. Конечно.

Сократъ. Атомы—въ пространствѣ. Конечно и сочетанія ихъ, т. е. вещи, въ пространствѣ же. Если вещи въ пространствѣ, то и свойства ихъ въ пространствѣ. Значитъ, бѣлизна, гладкость, твердость прессъ-папье находятся въ пространствѣ. Не значитъ ли это, что и сами атомы, отъ сочетаній которыхъ образовался прессъ-папье, бѣлы, гладки, тверды и т. д.?

Красоткинъ. Современная точная наука.....

Сократъ. Ради Аполлона и девяти музъ, извините. Я съ этой почтенной дамой не знакомъ. И у кого ни спрашивалъ, кто она такая и гдѣ ее найти, никто мнѣ не указалъ, а все называютъ либо имена людей, либо заглавія сочиненій.

Красоткинъ. Ну, пожалуй, будемъ вмѣсто слова: наука, говорить: научно развитые и передовые люди.

Сократъ. Опять не могу согласиться. Не знаю, кто, гдѣ и какъ получили патенты на званіе научно-развитыхъ и передовыхъ, и еслибъ увидалъ такого патентованнаго, то, навѣрное, не позволилъ бы себѣ съ нимъ спорить, ибо съ измальства привыкъ имѣть почтеніе ко всякимъ патентамъ и ихъ обладателямъ....

Но въ это время вмѣшался въ рѣчь Карамазовъ, сказавъ, обращаясь къ Красоткину: — извините, Николай Ивановичъ, я забылъ сообщить вамъ, что у нашего почтеннаго хозяина есть слабость, въ родѣ того, какъ нѣкоторые безъ страха и волненія не могутъ видѣть мышей или таракановъ. Онъ безъ сильнаго волненія не можетъ слышать слова: научный, научность, современная наука, передовой ученый и нѣкоторые другіе близкіе къ этимъ. Отъ этого онъ такъ, *sit venia verbo*, и окрысился, хотя и старался скрыть свой, неприличный для философа, предразсудокъ. Извините, Сократъ Ивановичъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Сократу, что я выдалъ вашу слабость.

Сократъ (къ Карамазову). Не хорошо, не хорошо выдавать пріятельскія слабости. (Къ Красоткину). Ну, опять къ дѣлу, Николай Ивановичъ; такъ я спрашиваю вотъ что: если вещи — комбинаціи атомовъ — цвѣтны, звучатъ, пахнутъ, имѣютъ вкусъ, гладки, шероховаты, мягки, тверды, холодны, теплы и т. д., то не имѣютъ ли этихъ свойствъ и сами атомы?

Красоткинъ (недовольнымъ тономъ). Я не видалъ, не нюхалъ и не щупалъ атомовъ и не знаю, какого они цвѣта, или чѣмъ пахнутъ.

Сократъ (ослабляясь). Я понимаю это, Николай Ивановичъ, и не въ этомъ смыслѣ спрашиваю васъ. Я спрашиваю, цвѣтны ли, мягки ли и т. д. атомы по вашему науч..... (запинаясь и выпивая стаканъ вина) по вашему точному понятію о нихъ.

Красоткинъ. Конечно, атомы не цвѣтны, не звучатъ, не пахнутъ и т. д., ибо теперь малому ребенку извѣстно, что свѣтъ есть колебаніе эфира, звукъ — колебаніе воздуха и т. д.

Сократъ. Ну, ужъ и малому ребенку! Я, вотъ, эва какой! (указывая на свою лысину и сѣдую бороду), а долженъ отъ васъ научиться, что свѣтъ *есть* (ударяя на словѣ) колебаніе эфіра, или что звукъ *есть* колебаніе воздуха. Я все думалъ, что не только не есть, а что, напротивъ, нѣтъ ничего разнороднѣе, какъ опущеніе свѣта и колебаніе эфіра, или опущеніе звука и движеніе воздуха.

Красоткинъ. Да что же это, прикидываетесь вы, или въ самомъ дѣлѣ не знаете, что эфиръ есть причина свѣта, а воздухъ — причина звука.

Сократъ. Такъ бы вы и сказали сначала; я, можетъ быть, и спорить бы не сталъ. Два положенія: *a* есть *b* и *a* есть причина *b*, совершенно различны. И такъ, можно сказать, что движеніе эфіра есть причина свѣта, а движеніе воздуха есть причина звука; и многіе совершенно естественно и спокойно думаютъ это. Самъ же я думаю иначе, но теперь не стану высказывать своего мнѣнія, чтобы далеко не отойдти отъ нашего предмета. И такъ, выходитъ, что атомы существуютъ въ пространствѣ; комбинаціи атомовъ, или вещи тоже въ пространствѣ, но свойства этихъ вещей, т. е., ихъ цвѣтность, звучность, пахучесть и прочее не существуютъ въ пространствѣ. Не значить ли это, что эти свойства и вовсе не существуютъ, ибо что-то непонятно, какъ свойства вещей, или комбинацій атомовъ, не находятся въ пространствѣ, когда сами эти атомы находятся въ пространствѣ.....

Красоткинъ. Да вы все выдумываете какія то мнимыя затрудненія! Свойства вещей суть въ пространствѣ; на примѣръ, вещи протяженны, непроницаемы, движутся и такъ далѣе въ пространствѣ, но цвѣтъ, звукъ, запахъ не въ вещахъ, а въ насъ. Это наши субъективныя ощущенія.

Сократъ. Значить, цвѣтность, звучность, гладкость и тому подобное не суть свойства вещей и въ нихъ не находятся, а между тѣмъ, давеча, вы сказали, что они суть свойства вещей.

Красоткинъ. Но они все-таки происходятъ отъ вещей; вещи ихъ причина.

Сократъ. Прекрасно! вещи причина, а они, значитъ, эффектъ. Причина, значитъ, въ пространствѣ, а эффектъ не въ пространствѣ...

Красоткинъ. Какъ? Что такое не въ пространствѣ? Все, что ни существуетъ—существуетъ въ пространствѣ.

Сократъ. Ну какъ же? Цвѣтность, звучность, мягкость и проч. въ пространствѣ или нѣтъ?

Красоткинъ. Они въ насъ, а мы въ пространствѣ, слѣдовательно, и они въ пространствѣ.

Сократъ. Значить, бѣлый цвѣтъ, который я вижу въ пространствѣ, запятомъ этимъ прессъ-папье, находится не въ прессъ-папье, а во мнѣ. Что это въ пространствѣ или нѣтъ?

Красоткинъ. Кажется, ясно! Вы, вѣдь, находитесь въ пространствѣ?

Сократъ. Это смотря по тому, какъ понимать то, что вы называете мною. Если мое тѣло, то оно находится въ пространствѣ, а если настоящее мое „я“, то оно не находится въ пространствѣ и вообще мѣста не имѣетъ.

Красоткинъ. Я не знаю никакого настоящаго вашего „я“, а знаю только то, которое вижу, осязаю и т. д.

Сократъ. Такъ, значитъ, цвѣтъ, который я вижу въ прессъ-папье находится въ моемъ тѣлѣ, а который вы видите, находится въ вашемъ тѣлѣ. Гладкость, которую я осязаю въ прессъ-папье, находится въ моемъ тѣлѣ, а которую вы—въ вашемъ?...

Красоткинъ (смущаясь и сердясь). Да помилуйте, что же это у насъ такое? Неужели вы не знаете, что цвѣтъ, твердость, запахъ суть наши состоянія или ощущенія?

Сократъ. Я добиваюсь только, чтобы вы мнѣ сказали, въ пространствѣ или не въ пространствѣ эти ощущенія?

Красоткинъ. Да ощущенія не въ столѣ и не въ лѣсу, а во мнѣ, въ немъ, въ васъ, въ мозгу, наконецъ въ нервахъ.

Сократъ. Опять тотъ же вопросъ! Вы, я, онъ, по вашему, это есть ни что иное, какъ находящееся въ пространствѣ ваше, мое, его тѣло. Значить, и ощущенія цвѣта, твердости, гладкости, кото-

рыя во мнѣ, въ васъ, въ немъ, находятся въ пространствѣ, занимаемомъ моимъ, вашимъ, его тѣломъ?

Красоткинъ. (все болѣе и болѣе сердясь). Не въ тѣлѣ, а въ мозгу!

Сократъ. Прекрасно! Значить, въ пространствѣ, занимаемомъ мозгомъ. Бѣлизна, твердость, гладкость этого прессъ-папье, которое происходитъ отъ сочетанія атомовъ, находится, однако, не въ атомахъ и не въ прессъ-папье, ихъ сочетаніи, а въ моемъ, вашемъ, его мозгахъ. Ну, а сами то эти мозги тоже, вѣдь, суть вещи и сочетаніе атомовъ. Желательно было бы знать, гдѣ находятся свойства этихъ вещей, т. е. моего, вашего и его мозговъ, напримѣръ, бѣлый или сѣроватый цвѣтъ мозговъ, извѣстный запахъ и т. под., въ пространствѣ самихъ этихъ мозговъ, или же въ пространствѣ еще какихъ либо другихъ мозговъ, или, можетъ быть, уже въ пространствѣ прессъ-папье, стула, стола и т. под. вещей?

Красоткинъ (окончательно разсердясь). Да ужъ мы, кажется, давно вышли изъ научной сферы въ нашемъ спорѣ и входимъ въ какую то трущобу, въ которую мнѣ, хотя и не важному, но все таки представителю (ударяя на словѣ) *точной науки*, входить не слѣдуетъ. Вы, должно быть, хотите привести къ тому, что цвѣтъ, мягкость, шероховатость и т. под. находятся въ духѣ? Я въ эту темную область не хожу (смотря на часы). Э! да уже 3 часа! Какъ же мы заболтались, а мнѣ еще нужно навѣстить двухъ, трехъ больныхъ! Ужъ какъ нибудь въ другой разъ мы dokonчимъ нашъ споръ.

Сократъ. Согласенъ, только съ однимъ условіемъ: начать съ того же пункта, на которомъ мы теперь остановились и при тѣхъ же лицахъ.

Тогда Красоткинъ, держа въ рукахъ шляпу, началъ прощаться съ хозяиномъ и другими лицами. Но въ это время я обратился ко всѣмъ присутствующимъ, прося ихъ вниманія на одну минуту.

„Такъ какъ я надѣюсь въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ выиграть давно тянувшійся процессъ, сказалъ я, то позвольте просить

вась, господа, здѣсь присутствующіе, такъ сказать, заранѣе, всприснуть этотъ выигрышъ и откушать нынче вмѣстѣ со мною въ знаменитомъ Мало-Ярославцѣ. Пожалуйте въ 6 часовъ и всякій прѣхавшій пусть спросить комнату, въ которой служить Степанъ, хорошо знающій нашу компанію“.

Всѣ согласились, только Красоткинъ сказалъ, что обстоятельства могутъ его задержать, а потому, чтобы мы, если онъ не будетъ въ 6 часовъ, его и не ждали. Затѣмъ Красоткинъ, къ которому присоединился и Шугаевъ, распрощавшись съ нами, вышли изъ дома. Тогда Карамазовъ, при оставшихся лицахъ, обратился къ Сократу съ слѣдующими словами:

— „Ну! какъ вы находите новыхъ знакомыхъ, Сократъ Ивановичъ? да скажите-ка, кстати, къ какому пункту вы старались направить вашъ споръ.“

Сократъ. А Богъ ихъ знаетъ, каковы они! Я еще съ однимъ ни слова не сказалъ, а съ другимъ говорилъ слишкомъ мало, чтобы составить основательное мнѣніе. Кажется, что Красоткинъ матеріалистъ. Впрочемъ, теперь чистыхъ и откровенныхъ матеріалистовъ мало. Нынче пошли все научные и позитивные мыслители. Но, если, какъ слѣдуетъ, разобрать эту научность и позитивность, то она окажется тѣмъ, что обыкновенно извѣстно подъ именемъ сенсуализма и матеріализма. Большею частію эти господа не сознаютъ ясно своего матеріализма, а нѣкоторые даже наивно открещиваются отъ него. Впрочемъ, не стоитъ разбирать до тонкости, кто они и что они. Гораздо удобнѣе и интереснѣе отвѣтить мнѣ на другой вашъ вопросъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ! Во всемъ спорѣ и съ Петромъ Ѳомичемъ и съ Красоткинымъ я имѣлъ въ виду одинъ главный пунктъ, а именно: установить непространственное бытіе, или иначе дѣйствительное существованіе духовныхъ явленій, не имѣющихъ мѣста и не занимающихъ пространства. Въ спорѣ съ Петромъ Ѳомичемъ мнѣ для того пришлось прямо отрицать существованіе самого по себѣ пространства таковымъ, каковымъ мы его понимаемъ. Изъ невозможности такого пространства вытекало

бы слѣдствіе, что весь пространственный міръ есть не дѣйстви-
тельно и самостоятельно существующій, но только значковый міръ,
состояцій изъ значковъ, строящихся по законамъ психическаго
акта представленія и мысли. Значить, субстанцій въ таковомъ
значковомъ мірѣ и искать нечего, что и требовалось для меня до-
казать въ начавшемся съ Петромъ Ѳоимичемъ разговорѣ. Въ раз-
говорѣ же съ Красоткинымъ дѣло пошло нѣсколько иначе. Мнѣ
нужно было доказать, что чувственные качества тѣлъ не принад-
лежатъ къ пространственному матеріальному міру и въ немъ не
находятся, а суть непространственные явленія духа.

Нарамазовъ. Ну, а что бы вы сказали, если бы Красоткинъ не
сталъ настаивать, что эти чувственные качества существуютъ и
находятся гдѣ-либо въ пространствѣ? Что, если бы онъ сказалъ,
какъ говорятъ нѣкоторые изъ нихъ, что цвѣтъ, гладкость, мягкость
и проч. не существуютъ, что они суть *ничто*, или, какъ иногда
они выражаются, они суть какая-то *фосфоресценція атомовъ*, а
что дѣйствительныя свойства матеріальныхъ вещей суть только
протяженность, непроницаемость, движеніе, фигура, которыя на-
ходятся въ пространствѣ.

Сократъ. Тогда я прежде всего замѣтилъ бы, что фосфорес-
ценція, какъ метафорическое выраженіе, совершенно ничего не
объясняетъ и къ дѣлу не идетъ, а во вторыхъ, спросилъ бы, что
онъ разумѣетъ подъ бытіемъ и ничто, существующимъ и несуще-
ствующимъ. Тогда, вѣроятно, онъ началъ бы утверждать, что су-
ществуетъ то, что видимо, слышимо, осязаемо и т. под. Но тогда,
какъ же можно утверждать, что цвѣтъ, звукъ, гладкость, мягкость
и проч., и проч., т. е. все то, что видимо, слышимо, осязаемо,
есть какое то ничто, какая то пустая фосфоресценція? Далѣе,
какое же значеніе тогда нужно придавать точнымъ наукамъ, ко-
торыя начинаютъ всегда съ видимаго, слышимаго и т. под. На-
конецъ, я бы доказалъ, что и тѣ свойства вещей, какъ протяжен-
ность, непроницаемость и проч., которыя находятся въ простран-
ствѣ, не только не могутъ быть видимы, слышимы, осязаемы, но

что они суть вѣчто, не само по себѣ существующее, или что они суть только продукты акта представленія и мышленія и существуютъ вмѣстѣ съ пространствомъ только въ нашемъ представленіи и мышленіи.

Карамазовъ. Ну, я удовлетворенъ! Да и вамъ уже пора отдохнуть. И такъ, до свиданія въ Мало-Ярославцѣ.

Затѣмъ мы распростились и разошлись.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Въ разговорѣ съ Шугаевымъ Сократъ оспариваетъ мнѣніе, что субстанцій не существуетъ, а потомъ отъ себя дѣлаетъ характеристику философіи Юма.

Пріѣхавши домой отъ Сократа, я немного отдохнулъ и около 6 часовъ поѣхалъ въ трактиръ Мало-Ярославецъ. Только что я успѣлъ заказать обѣдъ, какъ почти одновременно прибыли Сократъ съ Калгановымъ, а за ними и Карамазовъ. Мы рѣшили немного подождать Красоткина и Шугаева, а пока выпили водочки.

— „А, вѣдь, я помню Красоткина по гимназіи“, сказалъ Калгановъ Карамазову: „только мы были постарше его. Онъ еще, помнится, былъ извѣстенъ въ городѣ по выдресированной имъ дворняшкѣ, которая дѣлала разныя штуки“.

Карамазовъ. Онъ самый и есть. Я познакомился съ нимъ по поводу одной некрасивой исторіи, которую продолжалъ въ какомъ то безуміи покойный братъ Дмитрій. У постели умирающаго мальчика Илюши мы съ Красоткинымъ, несмотря на разницу лѣтъ, даже подружились. Но потомъ я потерялъ его изъ виду и только недавно встрѣтилъ здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ онъ ужъ давно подвизается въ качествѣ врача.

Калгановъ. А другой-то кто такой?

Карамазовъ. А можетъ быть, вы помните вечера и сборища у Виргинскихъ. Если, какъ кажется, вы бывали на этихъ вечерахъ, такъ, вѣроятно, встрѣчали тамъ еще юнаго гимназиста, который обыкновенно препирался о передовитости съ курсисткой, родствен-

ницей Виргинскихъ. Этотъ - то гимназистъ и есть Шугаевъ. Съ нимъ я столкнулся у Красоткина и мало его знаю. Когда онъ и Красоткинъ узнали отъ меня о Сократѣ Ивановичѣ и о нашихъ спорахъ, то просили меня познакомить ихъ съ нимъ и съ другими.

Въ это время какъ разъ вошелъ въ комнату Шугаевъ, извиняясь за Красоткина, что онъ не можетъ быть къ обѣду. Тогда мы сѣли обѣдать и во время первыхъ блюдъ разговаривали мало: каждый занятъ былъ утоленіемъ голода. Я, какъ хозяинъ, заботился, чтобы гости опорожняли палитое имъ вино и, замѣтя, что у Шугаева, сидѣвшаго подлѣ меня, вино почти не тронутъ, сказалъ ему:

— „Что жъ вы ничего не пьете, Иванъ Антоновичъ? По нашему, не хорошо отставать отъ товарищей. Сократъ Ивановичъ говоритъ, что у него въ горлѣ застреваетъ вино, когда онъ видитъ, что другіе не пьютъ“.

— „Да! возникаетъ певольное, хотя и нелѣпое подозрѣніе, что непьющій имѣетъ какой либо злой умыселъ противъ пьющихъ“, подхватилъ, улыбаясь, Сократъ.

— „Вы все шутите, Сократъ Ивановичъ“, возразилъ Шугаевъ, „дѣло не въ умыслѣ, а я вообще мало пью, да кромѣ того и время то не такое, чтобы пить и веселиться“.

— „А что жъ? Развѣ у васъ горе какое? Такъ и съ горя можно“, сказалъ, опять улыбаясь, Сократъ.

— „Личнаго горя нѣтъ. Но вѣдь, можно сильно чувствовать и бѣдствія общественныя и народныя, а имъ у насъ конца нѣтъ. Надѣюсь, философія не запрещаетъ имѣть общественныя чувства?“ спросилъ Шугаевъ какимъ то особенно строгимъ тономъ.

Въ это время человекъ разлилъ шампанское въ бокалы.

Сократъ (взявши въ руки бокалъ). Философія, конечно, не запрещаетъ имѣть общественныя чувства, но, слава Богу, не запрещаетъ также (улыбаясь) и пить вино съ хорошими пріятелями и выражать имъ добрыя чувства и благія пожеланія, а потому я и

приглашаю всѣхъ выпить здоровье Платона Михайловича и пожелать ему выиграть его процессъ.

Тогда я съ своей стороны предложилъ тостъ за Сократа и за процвѣтаніе дорогой для него философіи.

Шугаевъ (обращаясь ко мнѣ). За здоровье Сократа Ивановича я готовъ выпить, но за процвѣтаніе философіи?.... Надобно еще спросить какой?....

Я. Какой? Это вопросъ, на который можно отвѣчать въ различныхъ смыслахъ. Я разумѣю за процвѣтаніе истинной философіи, т. е., и заключающей въ себѣ истину, и имѣющей ее своею цѣлью.

Шугаевъ. Это слово неопредѣленно: истинная философія. Вѣдь, и разныя химеры и фантомы, измышляемые мистиками и метафизиками, считаются ими за истины. (Обращаясь какъ бы ко всѣмъ, но въ сущности къ Сократу). Вы ужъ извините меня, господа; въ наукѣ, по моему, нужно идти прямо и называть вещи ихъ именами, что я и буду дѣлать; науку буду называть наукой, научную философію — философіей, а метафизическія бредни и мистическія мечтанія — бреднями и мечтаніями. Вотъ, напримѣръ, давешній споръ о субстанціяхъ я считаю игрою въ куклы, такъ и буду называть это. Я очень жалѣю, что Красоткинъ, человѣкъ научно развитой, позволилъ себѣ увлечься этой игрою и толковать о субстанціяхъ, тогда какъ научная философія лѣтъ полтора ста тому назадъ выбросила вонъ отъ себя эти куклы и предоставила играть въ нихъ взрослымъ дѣтямъ.

Сократъ. Относительно названій дѣлайте, какъ хотите, только съ однимъ условіемъ: обозначайте, въ какомъ смыслѣ употребляете тѣ или другія слова и названія, а также обозначайте точнѣе время, мѣсто и другія обстоятельства, если это нужно для того, чтобы вѣрнѣе понять вашу мысль. Такъ, напр., извините, я что-то не помню, когда и какъ научная философія совершила указанный вами подвигъ, да и, признаться сказать, не знаю, что нужно разумѣть подъ научною философіей.

Шугаевъ. А случилось это тогда, когда Юмъ показалъ, что субстанція есть только пустая фикція, что это только слово, названіе, подъ которымъ мы разумѣемъ совокупность простыхъ идей или впечатлѣній, соединяемыхъ воображеніемъ. Подъ научною же философіей я разумѣю философію, начавшуюся съ Юма и продолжавшуюся преимущественно въ Англіи, гдѣ она выставила такихъ представителей, какъ Милль, отецъ и сынъ, Бень и много другихъ.

Сократъ. Если бы вы назвали еще десятокъ и даже сотню именъ, то это былъ бы для меня звукъ пустой. Я имѣю честь бесѣдовать съ вами и прошу васъ опредѣлить, что вы разумѣете подъ научною философіей, а Бена или Милля я могу прочесть и одинъ. Всего лучше, мнѣ кажется, было бы вамъ исполнить мою просьбу такъ: сперва опредѣлить, что такое философія, а потомъ что такое научная философія, т. е., указать, чѣмъ отличается она отъ не научной, ибо никакого смысла не было бы говорить о научной, когда бы не существовало ненаучной.

Шугаевъ. Какъ я вижу, вамъ нужна схоластика, до которой я совсѣмъ не охотникъ. Научная философія та, которая не занимается метафизикой и разными выдумками въ родѣ субстанцій, абсолюта и проч. и ничего не хочетъ знать, кромѣ опыта и фактовъ.

Сократъ. Да вы все описываете и расхваливаете какую то научную философію, а я прошу васъ дать мнѣ логическое или, если вамъ нравится, научное опредѣленіе этой философіи. По крайней мѣрѣ, скажите: что такое, по вашему, философія.

Шугаевъ. Да что вы все ставите мнѣ какія то странныя требованія, точно на экзаменѣ или на университетскомъ диспутѣ. Вѣдь, всѣ эти опредѣленія и раздѣленія ничто иное, какъ старая средне-вѣковая схоластика.

Сократъ. Извините, по моему, напротивъ *опредѣленія и раздѣленія* составляютъ истинную *форму науки*, и я иначе, какъ въ этой формѣ, и разговаривать серьезно не могу, особенно, когда вы назвали представителей школы, съ которыми надобно быть какъ

можно осторожнѣе, ибо у нихъ софизмъ дѣло самое обыкновенное. По этому-то я и буду предлагать вамъ вопросы почти о каждомъ словѣ, которое вы будете употреблять. Если же вамъ не нравятся эти опредѣленія и раздѣленія, то бросимъ этотъ разговоръ; насъ, вѣдь, никто не неволить.

Шугаевъ. Что же, по вашему, названные мною писатели недобросовѣстные и не честные люди?

Сократъ. Нисколько. Я думаю, что софизмы ихъ совершенно неумышленные и несознаваемые ими. Вотъ, напр., указываемый вами Милль въ его критикѣ сочиненій Гамильтона постоянно упрекаетъ этого философа въ софизмахъ, а, конечно, считалъ его добросовѣстнымъ и честнымъ человѣкомъ. И такъ, если вамъ неприятны опредѣленія и раздѣленія, бросимъ нашъ разговоръ.

И Сократъ сталъ рѣшительно ѣсть пирожное, запивая его виномъ.

Но черезъ нѣсколько секундъ разговоръ снова поднялъ Карамазовъ, сказавъ:

— „Я не философъ и не знаю правилъ, какихъ должны держаться лица, разногласящія въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ. Но вообще, мнѣ кажется, въ спорѣ, когда онъ не шуточный, а имѣетъ въ виду истину, спорящіе имѣютъ право, ради полного уясненія этой истины, употреблять всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства“.

Шугаевъ. Ну, хорошо. Я готовъ пройти черезъ всю эту схоластику, если Сократу Ивановичу и вамъ всѣмъ это угодно. И такъ, философія, по моему, составляетъ всю совокупность человѣческаго познанія, а слово: научная философія, обозначаетъ философію, выводящую человѣческое познаніе изъ истиннаго его источника—опыта.

Сократъ. Совокупность человѣческаго познанія?... Не совсѣмъ что-то понятно! Значить ли это, что философія заключаетъ всѣ познанія, или другое что?

Шугаевъ. Не заключаетъ, а изслѣдуетъ, какъ образуются и изъ какого источника происходятъ всѣ познанія, къ какому бы предмету они ни относились.

Сократъ. Значить, пельзя ли такъ выразитъся, что философія есть наука объ источникахъ и способахъ познанія.

Шугаевъ. Пожалуй можно, только пужно прибавить объ источникахъ и способахъ человѣческаго познанія, а то, вѣдь, вы, пожалуй, будете разумѣть познаніе какихъ нибудь заоблачныхъ существъ, да и притомъ лучше замѣтитъ слово: „познаніе“ словомъ „познаваніе“. „Познаніе“ что-то отзывается метафизикой.

Сократъ. Ну, пусть познаваніе, я спорить не стану. А вотъ что позвольте спросить? Изучая происхожденіе познаванія, дѣлаетъ ли научная философія какое-нибудь предположеніе, напр., о бытіи того, что познается. Нельзя ли, напр., сказать такъ, что научная философія изслѣдуетъ источники и способы познанія сущаго, того, что существуетъ?

Шугаевъ. Ни-ни! Предметъ научной философіи заключается въ нашемъ сознаніи: только факты или состоянія человѣческаго сознанія и составляютъ предметъ научной философіи.

Сократъ. Прекрасно. Вотъ вы и сами, кажется, вошли во вкусъ подробныхъ опредѣленій и обозначеній. И такъ теорія познаванія не имѣетъ въ виду познанія сущаго. Что же по ней познается?

Шугаевъ. Позпаются явленія сознанія.

Сократъ. Но все же, вѣдь, эти явленія суть, существуютъ, или какъ по вашему? Я, признаться сказать, не могу словъ: „явленія сознанія“ понимать иначе, какъ такъ, что явленія сознанія принадлежатъ кому-либо. Но, чтобы сознать, этотъ кто-мбо долженъ быть. Вообще для меня сознаніе и познаніе возможны только тогда, когда что либо существуетъ, что можетъ быть познано, а также, когда и сознаніе и познаніе принадлежатъ особымъ субстанціямъ или существамъ, способнымъ къ нимъ. Существа эти обыкновенно называются различно: субъектъ познанія, духъ, душа, я, и т. д. Дѣло, вѣдь, не въ имени. Не знаю точно, но, можетъ

быть, г. Красоткинъ думаетъ, что познаніе есть кака-то фосфоресценція, обусловленная сочетаніемъ атомовъ. Не знаю также, думаетъ ли онъ, что атомы сознають и познають, во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, и то, и другое происходитъ отъ силы и дѣятельности атомовъ, которые существуютъ сами по себѣ, не завися отъ чьего-либо сознанія и познанія. Другіе же думаютъ, что и атомы познають, и что, какъ человѣкъ состоитъ изъ сочетанія атомовъ, такъ и человѣческое познаніе состоитъ изъ сочетанія познанія атомнаго. Какъ же вы думаете о томъ, кто познаетъ и кому принадлежать факты сознанія?

Шугаевъ. Бытіе, существованіе есть пустое слово, ничего не прибавляющее къ тому предмету, къ которому прилагается. Все равно, говорить ли о чемъ нибудь, какъ о существующемъ, или безъ этого, потому что слово: существованіе, не соотвѣтствуетъ никакому впечатлѣнію. По Юму, всѣ познанія наши образуются изъ умственныхъ фактовъ или состояній, которыя дѣлятся на два класса: *впечатлѣнія и идеи*. Впечатлѣнія — это первоначальный элементъ, отличающійся яркостью и живостью, а идеи суть блѣдныя копіи, оставляемыя въ умѣ впечатлѣніями, такъ что впечатлѣнія суть причины всего, что есть въ нашемъ умѣ. Для чего нѣтъ впечатлѣнія, то выдумка воображенія, то не существуетъ. Далѣе, эти впечатлѣнія, а также и идеи мы ассоціируемъ другъ съ другомъ по сходству, по смежности въ пространствѣ и времени, и по причинности. Что же касается до мнимыхъ субстанцій, душъ, матеріи и т. под., то вотъ процессъ, какъ, напри- мѣръ, образуются эти мнимыя субстанціи. Положимъ, я вижу бѣлорозовый цвѣтъ этого яблока, ощупываю его гладкую кожу, чувствую его мягкость и слабое сопротивленіе давленію, испытываю его вкусъ и ароматъ. Всѣ эти свойства ощущаются и порознь, а чаще вмѣстѣ. Вотъ этотъ-то опытъ свойствъ, встрѣчающихся порознь и вмѣстѣ, и производитъ иллюзію, что какъ будто они существуютъ не сами по себѣ, а принадлежать чему-то такому, что не они, а что составляетъ субстанцію яблока и что они

на нее, такъ сказать, надѣты, что она имъ служить поддержкой, такъ что эта субстанція существуетъ помимо свойствъ и остается всегда равной самой себѣ, не смотря на то, что свойства то присутствуютъ, то отсутствуютъ. Дѣйствительны только свойства, которыя я называю впечатлѣніями, а субстанція есть наша иллюзія, или выдумка.

Сократъ (улыбаясь). Я вижу, что этимъ мы займемся вплотную, а потому позволю себѣ спросить нашихъ собесѣдниковъ, не чувствуютъ ли они утомленія и не наскучила ли имъ наша бесѣда. Какъ, господа?

Тогда Калгановъ, Карамазовъ и я единогласно заявили, что весьма охотно послушаемъ этотъ разговоръ, который насъ интересуетъ.

Сократъ (обращаясь ко мнѣ). Ну, такъ благоволите, добрѣйшій Платонъ Михайловичъ, приказать чайку для промочки горла (къ Шугаеву). Извините, Иванъ Антоновичъ, но вы все таки не скажали, кто же познаетъ или сознаетъ или, пожалуй, кому принадлежатъ факты познанія и сознанія, а также на кого и для кого суть впечатлѣнія, эти первоначальные элементы.

Шугаевъ. Ясно, что сознаніе принадлежитъ вамъ, мнѣ, ему, людямъ вообще и впечатлѣнія опять таки для меня, васъ, для него, для людей.

Сократъ. Теперь я еще позволилъ бы себѣ обратиться къ вамъ съ маленькой просьбой. Вы сдѣлали указаніе на то, какъ образуются у насъ понятія о мнимыхъ субстанціяхъ въ мірѣ матеріальномъ, а для меня гораздо интереснѣе и важнѣе было бы выслушать ваше объясненіе, какъ образуется наше понятіе о субстанціи духовной, именно, объ нашемъ и чужомъ я. Побужденіе къ моей просьбѣ состоитъ въ томъ, что я, вѣдь, такъ же какъ и вы думаю, что принимаемыя нами матеріальныя субстанціи суть мнимыя, хотя, конечно, происхожденіе этой иллюзіи, вѣроятно, буду объяснять иначе, чѣмъ вы. Такъ для меня гораздо интереснѣе узнать, какъ образуется этотъ пучекъ или связка идей, который мы называемъ

нашимъ и чужими я. Термины: пучекъ, связка идей, употреблены мною въ подражаніе Юму, или кому то изъ корифеевъ вашей теоріи познанія, хотя и не помню кому. Кстати, ужъ не можете ли вы сказать, какія мнимыя субстанціи образуются у насъ прежде: тѣлесныя или духовныя, потому что ихъ только два рода; другія субстанціи, мнимыя или дѣйствительныя, не мыслимы.

Шугаевъ (недовольнымъ тономъ). Я, признаюсь, совершенно не понимаю, ваше, извините за выраженіе, капризное требованіе непременно начать объясненіе съ субстанціи духовной. По моему, это совершенно не важно, съ чего начать; точно также, какъ не имѣетъ никакого значенія вопросъ, о какихъ субстанціяхъ образовались прежде иллюзіи, о матеріальныхъ или духовныхъ. Важно то, что понятія о тѣхъ и другихъ суть наши иллюзіи. Подобно понятію о матеріальныхъ субстанціяхъ, образуется понятіе и о духовныхъ субстанціяхъ представляющихъ совокупность идей, относящихся къ нашимъ чувствамъ, мыслямъ, волненіямъ и соединяемыхъ воображеніемъ.

Сократъ. Не могу согласиться, что мое требованіе имѣетъ своимъ источникомъ капризъ. Оно вытекаетъ во первыхъ изъ убѣжденія, что прежде всего понятіе о субстанціи образуется у насъ на основаніи внутренняго опыта, гдѣ мы знакомимся съ своею собственною субстанціей, или нашимъ я, а ужъ потомъ это понятіе мы переносимъ на другія субстанціи духовныя или матеріальныя. Во вторыхъ, я имѣлъ надежду, что, говоря о происхожденіи субстанціи духовной, вы не будете произвольно употреблять словъ, на употребленіе которыхъ вы не имѣете права и понимать ихъ при этомъ въ общеупотребительномъ смыслѣ, вопреки собственнымъ условнымъ ихъ опредѣленіямъ. Вы, напр., такъ и сыпите словами: я вижу, я чувствую, испытываю; мы ассоціируемъ, мы понимаемъ, факты сознанія моего, твоего, его; наша иллюзія, наша выдумка; свойства существуютъ, субстанціи не существуютъ; дѣйствительны только свойства и т. д. и т. д. Всѣ эти слова употребляете вы въ непозволительномъ для васъ смыслѣ. Богъ знаетъ, откуда берутся

у васъ эти: я, ты, онъ? Вѣдь, вы говорите, что никакихъ существъ или субстанцій нѣтъ. Вѣдь то, про что каждый говоритъ: я, по вашему, пустая фикція, слово, означающее совокупность идей, соединяемыхъ воображеніемъ. Значить познаніе или сознаніе принадлежитъ пустому слову, или, что все равно, сознаніе или познаніе ничье, точно также и впечатлѣнія, которыя, какъ вы говорите, суть для меня, васъ, для него, суть ни для кого и ни на кого не дѣйствуютъ. Далѣе, если субстанціи или существа суть совокупность идей, соединяемыхъ воображеніемъ, то спрашивается, кто же это воображаетъ и соединяетъ воображеніемъ. Все это понятно, когда я, ты, мы употребляются въ обыкновенномъ смыслѣ, когда подъ этими словами разумѣются дѣйствующія существа, но рѣшительно непонятно съ точки зрѣнія вашей теоріи познания, по которой ничего не существуетъ, кромѣ какихъ то первыхъ элементовъ, изъ которыхъ непостижимымъ образомъ, безъ всякихъ дѣятелей, составляется вся сложная машина нашего познания, состоящаго изъ ощущеній, представленій, понятій и проч. Наконецъ, такъ какъ вы говорите, что слово: *есть*, есть тоже пустое слово, ничего не означающее, то нельзя даже сказать, что первые элементы существуютъ. Я долженъ вамъ сказать, что ваша теорія познания даже и высказана можетъ быть, единственно только благодаря употребленію словъ обыкновеннаго языка, употребленію, на которое вы права не имѣете, ибо подъ словами этого языка всѣ люди привыкли разумѣть то, что вы отрицаете и называете пустымъ словомъ. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто словъ: *есть*, *нѣтъ*, *существуетъ*, *не существуетъ*, *я*, *ты*, *онъ*, *мы* и т. п. употреблять совершенно безразличныя слова, подъ которыми дѣйствительно ничего не разумѣется: *биримби*, *брадабра* и тому подобное. Тогда вашъ разговоръ и выраженія вашей теоріи познания будутъ совершенно невозможными. Такъ, напр., вашъ терминъ: *впечатлѣніе*, имѣетъ смыслъ тогда, когда разумѣется существованіе вещей, дѣлающихъ впечатлѣніе, и вещей, воспринимающихъ впечатлѣнія. Подобно тому, наприм., какъ слова: *это отгискъ*, имѣютъ

смыслъ тогда, когда предполагается печать, или что либо подобное, что можетъ быть оттиснуто или вытиснуто и воскъ, сургучъ и т. п., въ чемъ можетъ быть вытиснуто; а безъ этого предположенія разговоръ объ оттискѣ не имѣетъ никакого смысла.

Шугаевъ (нѣсколько смущаясь). Да, вѣдь, я же вамъ говорю, что съ словами, которыя употребляю, не соединяю обычнаго смысла. Кажется, я имѣю право употреблять слова въ своемъ, заранѣе определенномъ, смыслѣ.

Сократъ. Конечно, имѣете, но только съ тѣмъ, чтобы и вы, и ваши собесѣдники постоянно имѣли въ виду этотъ условный смыслъ и никогда не переходили въ другой, т. е., обычный, общепринятый. Но этого ни вы сами, ни собесѣдники ваши не дѣлаете, да и не можете дѣлать, потому что съ терминами, употребляемыми вами, такъ тѣсно соединилось извѣстное значеніе и соозначеніе, что вамъ самимъ представляло бы неодолимую трудность употреблять ихъ въ иномъ, какъ будто условно принимаемомъ вами, смыслѣ. Что, напр., можетъ значить, когда вы говорите: „субстанцій нѣтъ, онѣ не существуютъ?“ Если, по вашему, существовать есть пустое слово, то „субстанцій нѣтъ“ значить то же, что субстанции *биримби*, т. е. ничего не значить. Для меня же, считающаго существованіе не за пустое слово, выраженіе: „субстанцій нѣтъ“, есть вопіющее противорѣчіе, ибо существовать, по моему, прежде всего значить быть субстанціей, т. е. вѣчно имѣть свою неизмѣнную и индивидуальную природу, не зависящую отъ пространства, времени, причинности и т. п. и далѣе, сообразно этой природѣ, дѣйствовать. Точно также съ словомъ: впечатлѣніе, соединяется необходимое соозначеніе этого слова, т. е., существованіе какъ того, что дѣлаетъ впечатлѣніе, такъ и того, что воспринимаетъ впечатлѣніе, а между тѣмъ вы говорите, что не предполагаете никакого бытія, предшествующаго сознанію. Далѣе, утверждаемое вами, согласно Юму, различіе между впечатлѣніями и идеями, состоящее въ томъ, что первыя живѣе, ярче, а вторыя суть только блѣдныя копіи первыхъ, имѣетъ смыслъ и понятно только тому, кто знаетъ различіе между впечатлѣніями,

идущими, по его мнѣнію, отъ вещей, въ присутствіи которыхъ онъ находится, и образами, воображаемыми имъ въ отсутствіи вещей, отъ которыхъ идутъ эти образы. Безъ этого предположенія различіе яркости и блѣдности и различіе, выражаемое въ фигуральныхъ терминахъ оригинала и копій, не понятно и не имѣетъ смысла. Наконецъ, долженъ быть кто нибудь, кто могъ бы различить болѣе яркое и живое впечатлѣніе отъ его блѣдной копій. Или, можетъ быть, различаютъ себя сами же состоянія сознанія?! Употребляя слова въ смыслѣ, на который не имѣете права, вы, напримѣръ, говорите: „я вижу блѣлорозовый цвѣтъ яблока, ощущаю мягкость его кожи и пр. „При этомъ и вы, и всякій другой понимаете дѣло такъ, что для того, чтобы видѣть цвѣтъ и ощущать мягкость, необходимы существованіе и дѣятельность этого я. Такъ въ видѣніи цвѣта, напр., необходимы два различные момента: видѣніе и сознаніе своего видѣнія, ибо можетъ быть видѣніе безъ яснаго сознанія, какъ это бываетъ въ разсѣянности. Но едва ли вы сами допустите сказать, чтобы то, что вы называете пустымъ словомъ, было дѣятельно и притомъ отличало свою дѣятельность, какъ распадающуюся на двое: актъ видѣнія и сознаніе этого акта, т. е., уже совсѣмъ другой актъ. По видимому, вамъ можно было бы сказать: видѣніе есть, но опять затрудненіе въ томъ, что вы будете употреблять слово: есть, на которое не имѣете права, а кромѣ того слово: видѣніе, предполагаетъ видящаго, т. е., цѣлое существо человѣческое съ его организмомъ и глазами, а далѣе и всю природу, съ которой связано существованіе организма.

„Для уясненія сейчасъ сказаннаго, я позволю себѣ предложить вамъ слѣдующій вопросъ. Вы сказали, что по вашей теоріи познания, не предполагается никакого бытія, кромѣ фактовъ сознанія, что субстанціи матеріальныя, или тѣла, и не матеріальныя, или души, суть продукты воображенія, ложно толкующаго факты сознанія. Это значитъ, что всѣ вещи, изъ которыхъ, по общему признанію, состоитъ міръ, не мыслимы помимо фактовъ сознанія и воображенія. Значитъ, говорить что либо о мірѣ или о вещахъ,

его составляющих и т. под. до сознанія—невозможно. Но тогда, какъ же вы относитесь къ наукамъ, напр., астрономіи и геологіи, которыя говорятъ о существованіи вещей такомъ же или очень похожемъ на то, какое и теперь признается нами, существованіи, бывшемъ гораздо задолго до появленія сознанія и его фактовъ. Да и, кстати, позвольте васъ спросить, какъ вы относитесь вообще къ наукамъ, напр. физикѣ и химіи, которыя всѣ явленія, изучаемыя ими, не могутъ объяснить безъ предположенія вѣчныхъ и неизмѣнныхъ атомовъ, изъ движенія и комбинаціи которыхъ многіе биологи пытаются и надѣются вывести органическую жизнь и сознаніе со всѣми его фактами?....

Шугаевъ (утомленнымъ голосомъ). Конечно, я вполне признаю всѣ теоріи точныхъ наукъ, какъ необходимые выводы изъ фактовъ. Такъ, я признаю существованіе матеріи, какъ *возможности ощущеній*, но вовсе не какъ субстанціи. Вообще научная философія считаетъ бесполезнымъ заниматься вопросомъ о сущности вещей, ихъ первоначальной причинѣ, конечной цѣли и т. под. Для насъ важенъ только опытъ и правильное изъ него заключеніе.

Сократъ. Что такое матерія, какъ возможность ощущенія? О возможности можно говорить всегда только на основаніи какой нибудь дѣйствительности. Если матерія есть нѣчто, представляющее условіе для возможности ощущенія, то она есть такая же дѣйствительность, какъ и сами ощущенія, которымъ она, по понятію своему, предшествуетъ. Но если матерія есть дѣйствительность, то вы должны же ее какъ нибудь понимать. А если вы ее понимаете на основаніи естественныхъ наукъ, то вы не иначе можете понимать ее, какъ состоящую изъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ по своей природѣ атомовъ, которые и суть искомыя нами субстанціи. Значитъ, напрасно вы обвиняли въ пенаучномъ увлеченіи Красоткина, который, съ своей точки зрѣнія, совершенно правильно считаетъ атомы за субстанціи. Значитъ, ваша научная философія есть тотъ же, только не искренній, а прикрытый матеріализмъ. Избѣжать матеріализма можно, по моему, только однимъ спосо-

бомъ: это признать матерію вовсе несуществующею иначе, какъ въ актѣ представленія. Что же касается до сущности вещей, начальныхъ причинъ и конечныхъ цѣлей, то, вѣдь, никто не принуждаетъ васъ заниматься этимъ, если вы того не желаете. Но съ другой стороны, не запрещайте заниматься этимъ тѣмъ, кто желаетъ этого и думаетъ, что онъ въ опытѣ и разумѣ имѣетъ надежное орудіе для такихъ занятій.

Шугаевъ. Нѣтъ! научная философія приводитъ насъ къ убѣжденію, что опытъ и точный выводъ изъ него не позволяютъ намъ этимъ заниматься подѣ страхомъ впасть въ метафизическія фантазіи.

Сократъ. Я все не знаю, какую метафизику вы преслѣдуете. Надобно точнѣе опредѣлить, что вы понимаете подѣ метафизикой, а то, вѣдь, метафизика бываетъ разная; къ нѣкоторымъ формамъ ея, напр., матеріализму, и я буду относиться отрицательно. Врочемъ, оставимъ пока вопросъ о метафизикѣ, а займемся разборомъ вашего объясненія, какъ образуются ложныя субстанціи....

Здѣсь я, видя, что Шугаевъ вяло ведетъ споръ и повторяетъ одно и то же, и видя нѣкоторые слѣды утомленія на лицахъ слушателей, обратился къ спорящимъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— „Извините, Сократъ Ивановичъ и Иванъ Антоновичъ, если я перерву васъ и предложу вамъ немного отдохнуть и вмѣстѣ распить послѣднюю бутылочку за успѣхъ моего дѣла“.

Оба спорящіе, а также и слушатели согласились. Однако Шугаевъ, извиняясь, что онъ вообще не можетъ долго сидѣть вечеромъ, а потому и окончить споръ съ Сократомъ Ивановичемъ какъ нибудь въ другой разъ, сталъ прощаться съ нами. „Не забудьте, Иванъ Антоновичъ, мои четверги“, сказалъ ему Карамазовъ передъ выходомъ его изъ комнаты.

„Постараюсь быть“, сказалъ онъ, уходя.

Когда Шугаевъ вышелъ, то мы, распивая вино, стали въ шуточномъ тонѣ обсуждать предметъ бывшаго спора и самихъ спорящихъ. Калгановъ, почему то чрезвычайно оживившійся, упрек-

нулъ меня, что я прервалъ споръ и тѣмъ помѣшалъ увидать весь-
ма забавное зрѣлище, какъ Сократъ Ивановичъ, входя все болѣе
въ философскій азартъ, сталъ бы все сильнѣе тѣснить противника,
а Шугаевъ, постепенно слабѣя, произносилъ бы уже одни без-
связныя слова: научная философія, я, мы, вы, они. Но однако всѣ
мы, слушавшіе разговоръ, находили его не вполне для насъ яснымъ,
а потому видя, что всѣ оживились и зная, что Сократъ совер-
шенно недоступенъ утомленію, я обратился къ нему съ просьбой,
чтобы онъ объяснилъ намъ, возможно короче, теорію, которую
собственно защищалъ Шугаевъ, а также къ чему клонилъ рѣчь
самъ Сократъ.

Сократъ. Не знаю, удастся ли мнѣ вкратцѣ уяснить вамъ пред-
метъ нашего спора, если вы не знакомы съ философіей Юма и
его англійскихъ послѣдователей, напр. Милля, Бена и друг.? Отъ
этого незнакомства происходила, по моему, и неясность, на кото-
рую вы жалуетесь. Прежде всего я скажу, что, по своей сущ-
ности, точка зрѣнія Юма, которую защищалъ Шугаевъ, не есть
нѣчто новое, а получена въ наслѣдство отъ греческихъ софистовъ
и скептиковъ. Было бы длинно излагать, вслѣдствіе какихъ при-
чинъ, но отчасти XVII и особенно XVIII вѣка были самымъ удоб-
нымъ временемъ для возникновенія въ Европѣ и прежде всего въ
Англійи этого стараго философскаго направленія въ нѣсколько под-
новленной формѣ. Ко времени Юма уже довольно прочно устано-
вился предметъ естествовѣденія съ физикой во главѣ и однообраз-
ный методъ изученія природы. Было ясно, что въ изученіи при-
роды станетъ преобладающимъ механической способъ объясненія
явленій, по которому все сводится къ движенію, по неизмѣннымъ
механическимъ законамъ, вещества въ пространствѣ, къ сочетанію
его въ большія или меньшія массы и перераспредѣленію наимень-
шихъ и послѣднихъ элементовъ этого вещества, т. е., того, что
видимо, слышимо, вообще подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, какъ
бы ни называть эти послѣдніе элементы: частичками ли, тѣльцами,
или атомами. Со времени Ньютона уже найденъ и формулированъ

былъ всеобщій законъ этого движенія вещества, подъ именемъ закона тяготѣнія. Въ философіи же шли еще нескончаемые споры, безъ надежды на примиреніе, о существѣ и свойствахъ субстанцій духовныхъ и матеріальныхъ, о ихъ связи и взаимной зависимости, о ихъ зависимости и отношеніи къ субстанціи божественной, о способѣ познанія субстанцій и его границахъ, о началѣ и концѣ всѣхъ вещей и т. п. Примыкая къ обнаружившейся еще до него въ Англіи тенденціи, изученіе духа поставить на одну доску съ изученіемъ матеріальной природы, Юмъ желалъ философію, въ смыслѣ науки о духовныхъ явленіяхъ, построить и обрабатывать совершенно по образцу физики, т. е. изучивъ, какъ можно достовернѣе, провѣренныя въ опытѣ факты этихъ явленій, найти какой либо общій законъ, въ родѣ закона тяготѣнія, которымъ бы обнимались и которому бы подчинялись эти факты. Конечно, а priori можно было бы предвидѣть, что это предпріятіе не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, ибо между познаніемъ духа и матеріи есть радикальное различіе. Изслѣдованіе явленій матеріи можетъ быть ведено на основаніи условно-принятыхъ началъ, безъ всякаго изслѣдованія значенія, происхожденія и сущности этихъ началъ, а именно: матеріи, пространства, времени и движенія. Вездѣ, гдѣ являются чувственныя качества, какъ то: звукъ, цвѣтъ, твердость, мягкость, сопротивленіе и проч., тамъ признается существованіе матеріи, ея движенія и перемѣнъ, которыя могутъ быть наблюдаемы внѣшними чувствами, подвергаемы эксперименту, и исчисленію. Какъ скоро, такимъ образомъ, могутъ быть построены и формулированы въ законы процессы передвиженія и перераспределенія вещества въ пространствѣ, то вѣрность этой постройки можетъ быть точно провѣрена посредствомъ предвидѣнія будущихъ положеній этого вещества, вслѣдствіе дѣйствія однихъ и тѣхъ же законовъ. Когда такимъ образомъ слагаются науки о веществѣ, со всѣмъ иное представляютъ науки о духѣ и его явленіяхъ. Здѣсь необходимо возникаютъ всѣ затруднительные вопросы о послѣднихъ основаніяхъ бытія, которые могли быть условно отброшены въ

изслѣдованіяхъ матеріальной природы. Явленія духа, недоступныя внѣшнимъ чувствамъ и не находящіяся въ пространствѣ, но непрерывно смѣняющіяся во времени, не подлежатъ той формѣ опыта, которая прилагается къ матеріальнымъ тѣламъ. Отсюда необходимо появляются вопросы объ общей ихъ причинѣ и частной причинѣ каждаго, а также и о причинѣ сознанія вообще. Далѣе становится вопросъ о бытіи того, кому принадлежитъ сознаніе и вообще вопросъ о субстанціяхъ; но такъ какъ матеріальныя тѣла и ихъ свойства суть также и прежде всего состоянія сознанія, то вмѣстѣ съ вопросами, вытекающими изъ разсмотрѣнія духовныхъ явленій, возникаютъ и всѣ вопросы, такъ сказать, отодвинутые и не изслѣдованные науками о матеріи и ея движеніи въ пространствѣ.

„Но какъ бы то ни было, Юмъ не остановился надъ этими затрудненіями и, слѣдуя по стопамъ предшественниковъ, смѣло приступилъ къ своей задачѣ—построить науку о духѣ по образцу науки о веществѣ, и, кромѣ смѣлости и послѣдовательности, обнаружилъ большую умственную силу и талантъ, какъ въ проведеніи невозможной, по своей сущности, философской системы, такъ и въ критикѣ нѣкоторыхъ заблужденій и ошибокъ предшествовавшей философіи.

„Философія Юма, которую вообще вѣрно передавалъ и Шугаевъ, принимаетъ, что, какъ физика отирается отъ данныхъ въ чувственномъ опытѣ тѣлъ съ ихъ свойствами, такъ и въ философіи даны для непосредственнаго усмотрѣнія умственные факты или состоянія сознанія, которыя могутъ быть раздѣлены на *впечатлѣнія* и *идеи*. Первые суть первоначальныя состоянія сознанія и соотвѣтствуютъ малѣйшимъ частицамъ или атомамъ физики; подъ ними Юмъ разумѣетъ то, что обыкновенно разумѣется подъ чувственными ощущеніями отъ вещей, съ которыми мы впервые знакомимся, напр., цвѣта, звуки, запахи и проч., а также элементарныя чувства и желанія, какъ напр., чувство голода, жажды, страхъ, боль и т. п. Эти первоначальныя состоянія или впечатлѣнія не имѣютъ никакихъ внутреннихъ различій и потому не раз-

ложимы и не дѣлимы; изъ нихъ и образуются всѣ остальные состоянія и сочетанія, или идеи, которыя поэтому и могутъ быть, путемъ анализа, различены и раздѣлены на свои составныя части. Всѣ сложныя идеи должны быть приведены къ впечатлѣніямъ, которыхъ они суть копии. Идеи, которыя не могутъ быть приведены къ первоначальнымъ оригиналамъ впечатлѣній суть, по Юму, выдумки воображенія или *псевдо-идеи*. Всеобщій законъ, которому подчинено сочетаніе и соединеніе тѣхъ и другихъ состояній сознанія, дающее въ результатъ всю нашу умственную жизнь, есть законъ *ассоціаціи идей*, соотвѣтствующій, по Юму, законамъ взаимнаго притяженія матеріальнаго вещества въ физикѣ. Идеи соединяются въ сознаніи по ихъ *сходству* или *контрасту*, по ихъ *смежности* въ пространствѣ и времени и по *причинности*.

„Теперь, если спросить, откуда происходятъ первоначальныя впечатлѣнія, то юмова философія на это не даетъ отвѣта, подобно тому, какъ физика не изслѣдуетъ вопроса о происхожденіи атомовъ. Но для физики еще возможно предполагать, что атомы существуютъ вѣчно; для Юма же такого предположенія относительно впечатлѣній сдѣлать было нельзя, потому что для него какъ терминъ: „существуетъ“, такъ и терминъ: „вѣчно“, никакого смысла не имѣютъ. Для Юма, по его собственнымъ словамъ, совершенно мыслимо *возникновеніе изъ ничто*, слѣдовательно, и впечатлѣнія могутъ быть понимаемы, какъ возникшія изъ ничто. Что касается до исчисленія и классификаціи состояній сознанія у Юма, то въ нихъ сдѣланы вопіющіе пропуски и главнымъ образомъ потому, что онъ заранѣе отрицалъ всякую субстанцію, особенно духовную. Такъ имъ совершенно опущено наше сознаніе о *собственныхъ дѣятельностяхъ*. Мы не только сознаемъ содержаніе ощущеній цвѣта, звука и т. под., но и сознаемъ свою дѣятельность въ этихъ ощущеніяхъ, сознаемъ, что мы видимъ эти цвѣта, слышимъ звуки, обоняемъ запахи и т. п. Далѣе, мы сознаемъ свою дѣятельность въ движеніи, представленіи, хотѣніи и т. под. и притомъ это сознаніе одно изъ раннихъ и первоначальныхъ. Еслибъ мы не сознавали

своихъ дѣятельностей и не отличали, напр., дѣйствительнаго видѣнія цвѣта, слышанія звука, отъ воспоминанія цвѣта или звука, то, конечно, никогда не возможно было бы то, что мы называемъ памятью, и невозможно было бы то коренное различіе, указываемое Юмомъ, *яркости* и *блѣдности* состояній сознанія. Далѣе, Юмъ совершенно выпустилъ цѣлый классъ состояній сознанія, въ которыхъ выражается важнѣйшая сторона нашей психической дѣятельности, а именно: классъ *отношеній* между впечатлѣніями и идеями, какъ, напр., отношенія тождества, сходства, несходства, величины, одновременности, разновременности; отношенія пространственнаго положенія: рядомъ, вверху, внизу, спереди, сзади и т. д. Конечно, всѣ эти отношенія не имѣютъ въ основѣ впечатлѣній или чувственныхъ значковъ, которыхъ они были бы копіями.

Карамазовъ. Что значать ваши послѣднія слова? хотите ли вы этимъ сказать, что сходство, различіе и пр. не даны намъ въ чувственномъ опытѣ.

Сократъ. Именно это самое; напр., когда я думаю, что эта оконная занавѣска похожа на эту покрывку дивана по цвѣту, то, вѣдь, ни занавѣска, ни покрывка никакимъ чувственнымъ знакомъ не говорятъ, что они похожи. Чувственности они даются, такъ сказать, только своимъ малиновымъ цвѣтомъ, въ которомъ, конечно, ничего и ничѣмъ не сказано о сходствѣ его съ другимъ экземпляромъ малиноваго цвѣта и о различіи съ голубымъ цвѣтомъ. По моему, это отношеніе и устанавливается, и понимается актомъ умственной дѣятельности той субстанціи, которую мы называемъ нашимъ я, а по Шугаеву и Юму, это.... это.... не умѣю, какъ выразиться.... это отношеніе *является* непостижимымъ образомъ въ вышеупомянутомъ пучкѣ, который еще болѣе непостижимымъ образомъ и понимаетъ, что это отношеніе, хотя, какъ пустое слово, ни дѣйствовать, ни соотносить, ни понимать отношеній не можетъ. Что касается до закона ассоціаціи идей, то нужно только опомниться и немного подумать, или, по ихнему, пошевелить мозгами, чтобъ стало яснымъ, что одно механическое и слу-

чайное соединеніе не могло бы дать того, что мы называемъ разумомъ, наукой, истиной. Замѣчательно, что эта ассоціація у Юма и его послѣдователей, совершается на основаніи принциповъ тождества, времени, пространства, причинности, т. е., идей, которыя не имѣютъ въ основѣ своей никакихъ впечатлѣній, т. е., значить, не дѣйствительныхъ идей, а *псевдо-идей*. Итакъ, псевдо-субстанція или псевдо-существо нашего я, или, иначе говоря, пучекъ идей строить все наше познаніе на основаніи какихъ то другихъ псевдо-идей, или, коли хотите, пучковъ, вѣтчиковъ (осклабяясь), на которыхъ вѣдьмы ѣздятъ на шабашъ. Вся чудовищность выше изложенныхъ теорій будетъ, мнѣ кажется, совершенно ясна, если мы предположимъ на одну минуту, что эти теоріи вѣрны или истинны. Тогда, значить, вся заслуга этой истины и вся слава ея открытія принадлежитъ не умственной силѣ и дѣятельности духовной субстанции Юма, а механическому сцѣпленію или скопленію впечатлѣній или атомовъ сознанія, собравшихся случайно въ пучекъ, или комплексъ состояній сознанія, названный Юмомъ, Миллемъ и т. д. Съ другой стороны, нисколько не подлежатъ порицанію или неодобренію другіе пучки, въ которыхъ то-же механическое сцѣпленіе сказалось въ видѣ теорій познанія, признающихъ субстанции, сущности, духовъ, начала, концы, цѣли, однимъ словомъ, всѣякобы метафизическія фантазіи. Сдѣлаемъ еще шагъ, и мы должны признать, что нисколько не зазорны и не могутъ быть поставлены въ вину многимъ пучкамъ механическія ассоціаціи, сложившіяся въ нихъ въ видѣ самыхъ безсмысленныхъ и отвратительныхъ теорій и мнѣній, какъ нисколько не зазорно для матеріальныхъ молекулъ или атомовъ то, что они механически собрались въ комокъ навоза, вмѣсто того чтобы сцѣпиться въ форму розы или ананаса...

Нарамазовъ. Вы ужь, можетъ быть, устали, Сократъ Ивановичъ, но, все таки, извините за нѣсколько вопросовъ, которые я имѣю вамъ предложить. Катерина Ивановна и Анна Михайловна строго на строго поручали дать подробный отчетъ обо всѣхъ разговорахъ, которые произойдутъ между нами. Кстати, онѣ сильно

протестуютъ противъ того, что мы часто бесѣдуемъ безъ нихъ и хотятъ требовать участія и въ обѣдахъ, и во всѣхъ нашихъ собраніяхъ. Скажите, пожалуйста, какъ могла такая теорія, какъ Юмова, найти послѣдователей, поклонниковъ и вообще распространяться?

Сократъ. Во первыхъ, въ ней есть нѣкоторая крупица истины; во вторыхъ, ей благопріятствуютъ духъ времени и разныя обстоятельства, о чемъ теперь я не стану говорить, чтобы не отвлекаться въ сторону. Но главнымъ образомъ вся ея ошибочность и несообразность съ фактами, которые всякій знаетъ изъ своего внутренняго опыта, прикрывается постояннымъ употребленіемъ многихъ словечекъ, какъ *я*, *мы* и т. д., на которыя теорія Юма не имѣетъ никакого права. До чего непозволительно дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи самъ Юмъ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ самомъ началѣ своего „Трактата о человѣческой природѣ“, устанавливая два класса состояній сознанія, онъ говоритъ, что впечатлѣнія являются въ сознаніи *прежде* идей и что идеи *похожи* на впечатлѣнія, хотя и блѣднѣе ихъ. Этимъ тотчасъ же вводятся тихомолкомъ *понятія времени и сходства*, на которыя онъ не имѣетъ права, но безъ которыхъ, конечно, ему и невозможно было ни выразить, ни уяснить свою классификацію, т. е., основной пунктъ всей его теоріи познанія. Отъ этого то я такъ и настаивалъ съ Шугаевымъ на незаконномъ употребленіи имъ различныхъ терминовъ. Разъ эта незаконность была бы вполне признана, какъ вами, слушателями, такъ и самимъ Шугаевымъ, то споръ нашъ скоро бы окончился по той простой причинѣ, что безъ употребленія обычныхъ терминовъ и тихомолчнаго соединенія съ ними обычнаго смысла, ни Шугаеву, ни кому другому невозможно было бы самое выраженіе своихъ теорій, не говоря уже объ отстаиваньи ихъ. Впрочемъ, надобно отдать справедливость Юму, что въ концѣ того же своего сочиненія онъ весьма энергически обнаружилъ сомнѣніе въ истинѣ своей теоріи, такъ что, по его мнѣнію, еслибы эта истина случайно ей и принадлежала, то онъ не имѣлъ бы никакого

критерія и увѣренности въ томъ, что онъ попалъ на истину. Такія же, хотя и болѣе слабыя, обмолвки въ сомнѣніи можно найти и у англійскихъ послѣдователей Юма, которые, во первыхъ, далеко не такъ послѣдовательны и логичны вообще, какъ самъ Юмъ, а, во вторыхъ, находятъ для себя исходъ въ томъ, что, подъ предлогомъ слѣдованія за точными науками вообще и за фізіологією спеціально, все глубже и глубже впадаютъ въ матеріализмъ.

Карамазовъ. Ну, теперь, кажется, для меня все понятно. Въ концѣ концовъ я вижу, что шугаевская научность выходитъ изъ ничто, стоитъ на ничто и приводитъ къ ничто. Но, еще два слова! Почему, какъ я слышалъ, эта теорія называется *позитивизмомъ*?

Сократъ. Потому что она претендуетъ на то, что основана на положительныхъ фактахъ и не дѣлаетъ никакихъ предположеній, что, въ сущности, ложно.

Карамазовъ. Кажется ее называютъ также *эмпирическимъ идеализмомъ* и еще какъ то.

Сократъ. Эмпирическимъ идеализмомъ ее называютъ въ томъ смыслѣ, что она какъ и идеализмъ, отправляется отъ идей, а не отъ матеріи, но отъ идей, данныхъ въ опытѣ, а не существующихъ какъ либо трансцендентно. Впрочемъ, это названіе эмпирическаго идеализма не совсѣмъ вѣрно, ибо для юмовой теоріи, строго говоря, не существуетъ ни духа, ни матеріи, слѣдовательно, нѣтъ ни матеріальныхъ, ни духовныхъ явленій, каковыми считаются идеи. Еще эта теорія называется *феноменизмомъ* въ томъ смыслѣ, что она не признаетъ никакихъ сущностей и субстанцій, а имѣетъ дѣло только съ феноменами или явленіями, данными въ опытѣ. И это названіе, по моему, не удовлетворительно, потому что слово: явленіе, не имѣетъ смысла безъ соотносительныхъ съ нимъ словъ: сущее само по себѣ, являющееся, сущность, субстанція и т. п.

Калгановъ. Ну, еще я предложу вамъ одинъ послѣдній вопросъ, Сократъ Ивановичъ. Отчего же наши научные такъ носятся съ этими теоріями??

Сократъ. Экій вы злоредный, Петръ Өомичъ! нужно же вамъ испортить мнѣ хорошее расположеніе духа напоминаніемъ о нашихъ научныхъ. Вонъ, видите, ужъ всходитъ солнце, божество и символъ божества у древнихъ, а передъ божественнымъ свѣтомъ всякій мракъ, хотя бы и научный, долженъ исчезнуть!

Затѣмъ мы распростились, причемъ я уговорился съ Сократомъ, чтобы онъ зашелъ за мною въ четвергъ ѣхать вмѣстѣ къ Карамазову, такъ какъ я не знаю его новой квартиры.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

Въ разговоръ съ Карамазовой, Серебряковой и Красоткинымъ Сократъ старается показать, что содержаніе и свойства нашего сознанія никакъ не могутъ быть объяснены дѣятельностью матеріи и ея первоначальныхъ элементовъ или атомовъ. Отсюда онъ заключаетъ къ существованію особой духовной субстанции, производящей явленія сознанія. Очевидная же связь тѣла съ этой духовной субстанціею, не объяснимая при предположеніи существованія рядомъ съ духовными субстанціями и разнородныхъ съ ними матеріальныхъ, приводитъ его къ заключенію, что тѣло и весь матеріальный міръ суть значки, подъ которыми скрывается дѣятельность духовныхъ субстанцій, а также связь и отношеніе ихъ другъ къ другу.

Въ четвергъ, только что я возникъ отъ послѣобѣденнаго сна, часовъ въ семь вечера постучалъ ко мнѣ Сократъ. Поздоровавшись съ нимъ, я сталъ умываться и одѣваться и обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— „Дайте мнѣ, Сократъ Ивановичъ, какое либо понятіе о женѣ Карамазова; я видѣлъ ее только мелькомъ въ прошлый свой пріѣздъ въ Петербургъ и совсѣмъ не знаю. Кажется, она уже въ лѣтахъ и, пожалуй, старше мужа. Да какую еще женщину называлъ Карамазовъ въ послѣдній разъ“?

Сократъ. Да, она постарше мужа. Вѣдь, вы, конечно, слышали цѣлый рядъ романическихъ исторій въ семействѣ Карамазовыхъ и, вѣроятно, знаете, какъ старшій братъ Карамазова, Дмитрій, былъ

невинно обвиненъ присяжными въ убійствѣ отца. Впослѣдствіи открылось, что убійцею былъ побочный сынъ старика Карамазова, эпилептикъ, повѣсившійся скоро послѣ убійства. Открытіе это однако не послужило въ пользу Дмитрія, погибшаго дорогою на каторгу. Вы, вѣроятно, тоже знаете, какъ этого Дмитрія провозжала на каторгу знаменитая Грушенька, изъ-за которой, въ сущности, и пропалъ онъ, какъ Дмитрій приревновалъ ее къ конвойному офицеру и какъ, придя въ бѣшенство, затѣялъ буйство и драку съ офицеромъ и конвойными солдатами и былъ приколотъ ими. Кажется, вы слышали также, что второй братъ Карамазова, Иванъ Ѳедоровичъ, совсѣмъ переселился за границу и принялъ тамъ католичество. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ всѣхъ этихъ исторій, Алексѣй Ѳедоровичъ женился на Катеринѣ Ивановнѣ, бывшей невѣстѣ своихъ обоихъ братьевъ, съ которой онъ всегда былъ очень друженъ и съ которой дѣлилъ тяжелыя воспоминанія прошлаго. Теперь они имѣютъ троихъ дѣтей; старшій мальчикъ уже началъ учиться. Для занятій съ нимъ и живетъ у нихъ курсистка, Анна Михайловна Серебрякова; ее то и называлъ Карамазовъ. Она занимается на курсахъ естественными науками, а потому съ жаромъ вступаетъ въ споры съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и со мной. Впрочемъ, въ послѣднее время ее, кажется, беретъ раздумье и она начала подозрѣвать несостоятельность матеріализма, въ который вѣровала прежде, и даже начала слушать лекціи по исторіи философіи.

Я. Развѣ у нихъ на курсахъ не всѣмъ читаютъ философію?

Сократъ. Не знаю хорошенько, но, кажется, только для желающихъ, или же, по общепринятому у насъ, для меня непонятному обычаю, исторію философіи читаютъ только для слушательницъ словеснаго и историческаго отдѣленія.

Я. Что жъ вы находите тутъ страннаго?

Сократъ. О-о-охъ! Объ этомъ предметѣ я не кончилъ бы до завтра. Теперь скажу только, что, по моему, исторія философіи, вмѣстѣ съ логикой, должна бы быть во всѣхъ высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ общеобразовательнымъ предметомъ. Но если ужъ нужно исторію философіи приурочивать къ какому либо спеціальному отдѣлу наукъ, то скорѣй всего ее присоединить именно къ естественнымъ наукамъ.

Я. Мнѣ что-то странно это. Почему же такъ?

Сократъ. Да потому, что естественныя науки, самымъ законнѣйшимъ образомъ преслѣдуя свои собственныя цѣли, могутъ невольно работать въ пользу того философскаго направленія, которое называется матеріализмомъ и которое, по моему, съ чѣмъ, можетъ быть, и вы согласитесь, далеко отстоять отъ истины. Естественныя науки, не смотря на чрезвычайную важность ихъ результатовъ для мысли и для жизни, все таки условны въ самомъ корнѣ ихъ. Вслѣдствіе этой условности онѣ, въ разрѣшеніи всѣхъ своихъ задачъ, необходимо приходятъ къ послѣднимъ матеріальнымъ элементамъ или атомамъ и все сводятъ къ движенію этихъ атомовъ въ пространствѣ. Имъ нѣтъ дѣла до духа; и совершенно законно, съ ихъ условной точки зрѣнія. Но весьма легко, не только для неопытнаго въ философскомъ мышленіи юношества, но даже и для самихъ ученыхъ естествовѣдцовъ, превратить условную точку зрѣнія въ абсолютную, и видѣть въ перераспредѣленіи атомовъ въ пространствѣ все бытіе съ его началомъ и концомъ. Вотъ, хоть, напр., возьмемъ Анну Михайловну. Чрезвычайно трудно объяснить ей существенную разницу между относительнымъ матеріализмомъ естествовѣдѣнія и абсолютнымъ матеріализмомъ философской системы.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вышли на улицу и взяли извозчика къ Синему мосту, гдѣ жилъ Карамазовъ. Дорогою я снова обратился къ Сократу съ однимъ безпокоившимъ меня вопросомъ.

„Въ прошлый разъ“, говорилъ я ему, „я сильно былъ смущенъ во время вашего разговора съ Шугаевымъ, гдѣ вы высказали, что придаете великое значеніе понятію бытія, которое, по Юму и по Шугаеву, есть не болѣе, какъ слово, вичего особеннаго не означающее. Какъ извѣстно вамъ, я не силенъ въ философіи, но знакомъ

съ философіей Шопенгауера, которая мнѣ очень по душѣ. Шопенгауеръ же говоритъ, что его философіи совсѣмъ нельзя понимать безъ философіи Канта. Вотъ, я и началъ по немногу читать Канта, что было для меня чрезвычайно трудно, благодаря страшной темнотѣ языка этого философа. Между прочимъ я въ сочиненіяхъ Канта попалъ и на знаменитое его опроверженіе такъ называемаго *онтологическаго доказательства* бытія Божія. И здѣсь у Канта, который былъ все таки, какъ извѣстно, противникомъ Юма, я встрѣчаю почти такой же, какъ у Юма, или очень близкій къ нему, взглядъ на понятіе бытія. Я слышалъ отъ васъ, что вы съ уваженіемъ относитесь къ Канту, а потому меня и беретъ сильное недоумѣніе въ этомъ вопросѣ, которое я и хотѣлъ бы разрѣшить при вашей помощи.

Сократъ. Прежде всего долженъ вамъ сказать, что я и самъ отлично чувствую, что при всякомъ поднявшемся разговорѣ могутъ возникать и возникаютъ различныя и съ разныхъ сторонъ недоумѣнія. Но въ разговорѣ, начинающемся болѣе или менѣе случайно и имѣющемъ свою цѣлю прійти къ какому нибудь рѣшенію, по поводу этого случайнаго начала, нѣтъ возможности останавливаться на тѣхъ пунктахъ, которые могутъ возбуждать недоумѣнія, и устранять ихъ. Это возможно было бы сдѣлать только въ какомъ либо систематическомъ изслѣдованіи предмета. Разговоръ, конечно, не можетъ стать книгою или ученымъ трактатомъ. Что же касается до вопроса о понятіи бытія, то это одинъ изъ самыхъ темныхъ и самыхъ трудныхъ въ философіи, хотя, повидимому, вся наука и философія интересуются только тѣмъ, что есть, т. е. истиной, и отвергаютъ то, что не есть, но какъ либо считается за сущее, т. е. ложь и заблужденіе. Итакъ, я попросилъ бы васъ какъ нибудь выбрать время и оповѣстить меня о томъ, чтобы мы безъ всякой помѣхи вдвоемъ разсмотрѣли весь этотъ вопрѣсъ. Теперь же я могу вамъ только сказать, что кантово понятіе бытія дѣйствительно сходно съ понятіемъ Юма и что я съ Кантомъ въ этомъ случаѣ столь же мало согласенъ, какъ и съ Юмомъ.

На этомъ пунктѣ нашего разговора мы подъѣхали къ дому, гдѣ жилъ Карамазовъ, и вошли въ его квартиру. Когда мы вошли въ кабинетъ Карамазова, то нашли его и Калганова лежащими на диванахъ. Когда мы поздоровались съ ними, Карамазовъ сказалъ:

— „Извините, господа, мы послѣ обѣда хотѣли было вздремнуть, но вспомнили о быломъ, котораго у насъ было много общаго, и заболтались до сихъ поръ (обращаясь къ Сократу). А васъ, Сократъ Ивановичъ, уже давно нетерпѣливо ждутъ дамы, а потому и ступайте къ нимъ, пока мы немножко пріуберемся и выйдемъ чай пить, да захватите, пожалуй, съ собой и Платона Михайловича и представьте его дамамъ, такъ какъ онъ, кажется, ихъ не видалъ.

Я. Нѣтъ супругу вашу я видѣлъ только мелькомъ, такъ что почти не знакомъ съ ней, а другой дамы и совсѣмъ не видалъ.

Затѣмъ мы съ Сократомъ перешли въ гостинную, гдѣ насъ встрѣтила уже не молодая женщина, жена Карамазова.

— „Вы не были у насъ два четверга, а я все ждала васъ“, сказала она Сократу, здороваясь съ нимъ. „Извините“, сказала она, обращаясь ко мнѣ и протягивая руку, „я едва вспоминаю, что мы съ вами уже видѣлись, и очень рада, что теперь мы, надѣюсь, познакомимся покороче“.

Сократъ. Почему же вы, Катерина Ивановна, такъ ожидали меня, какъ говорите.

Карамазова. Потому что опять сильно нуждаюсь въ вашей помощи. Тутъ у насъ появились новые противники. Г. Красоткинъ все это время смущалъ меня, а Анну Михайловну, какъ кажется, совсѣмъ заполонилъ. Намедни пришелъ и напалъ на меня. „Гдѣ, говорить, будетъ вашъ духъ, какъ я перерѣжу вамъ нервы и разрушу центры мозга“. Анна Михайловна притащила при этомъ изъ своей комнаты анатомическій атласъ, гдѣ такъ красиво нарисованъ мозгъ. По этому атласу Красоткинъ показывалъ ей то тотъ, то другой пунктъ. „Вотъ, говорилъ онъ, если здѣсь разрушить мозгъ, то потеряется память, а вотъ тутъ—потеряется даръ слова, а вотъ

тутъ — такъ и весь духъ исчезнетъ“. И называлъ при этомъ всѣ указываемыя мѣста латинскими именами, которыхъ я, разумѣется, не понимаю и не помню. Анна же Михайловна такъ вся и покраснѣлась отъ удовольствія, когда Красоткинъ обѣщалъ ей добыть настоящій отпрепарированный мозгъ изъ анатомическаго театра. Красоткинъ, какъ видно, человѣкъ учепый, такъ что опять меня стали брать сомнѣнія на счетъ бытія души. Дѣлать то нечего, трудно бороться съ наукой. Нѣтъ ужъ вы, Сократъ Ивановичъ, какъ нибудь по убѣдительноѣ объясните мнѣ существованіе души.

Сократъ. Въ вашей просьбѣ мнѣ слышится недоразумѣніе относительно процесса, посредствомъ котораго образуется у человѣка убѣжденіе, т. е., мысль, не допускающая въ себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мысль рѣшительно не можетъ ни перейти отъ одной души къ другой, подобно движенію, переходящему съ одного тѣла на другое, ни перемѣститься изъ одной въ другую, подобно перемѣщенію матеріи изъ одного вмѣстилища въ другое. Всякая духовная субстанція образуетъ свои мысли и соединенныя съ ними чувства и волю на основаніи собственныхъ силъ и дѣятельности. Все, происходящее въ другихъ субстанціяхъ, какъ, напр., ихъ убѣжденія, можетъ обнаружиться въ какой либо субстанціи, только въ той мѣрѣ, въ какой въ ней самой уже подготовлены понятія, чувства и желанія, составляющія элементы того цѣлаго, которое называется убѣжденіемъ. Общеніе же съ другими субстанціями имѣетъ значеніе только въ томъ, что эти подготовленные элементы, бывшіе прежде въ душѣ безсознательными, или въ очень смутно сознаваемомъ состояніи, дѣлаются ярче и яснѣе сознаваемыми. Конечно, эта ясность сознанія и есть задача всякаго усовершенствованія субстанціи, а потому для насъ и имѣетъ высокое значеніе общеніе мыслями, чувствами и желаніями съ другими субстанціями, такъ какъ оно можетъ способствовать въ насъ этому переходу изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное. По этому ни я, ни другой кто не можетъ дать вамъ убѣжденія, а только нѣсколько возбудить васъ къ тому, чтобы вы сами собственными

усиліями и мышленіемъ выработали себѣ убѣжденіе, подобное моему, или какое либо другое.

Въ это время къ намъ вошла изъ внутреннихъ комнатъ молодая дѣвушка, которой и представила меня хозяйка, а мнѣ—ее.

„Вотъ, Анна Михайловна, говорилъ, здороваясь съ ней, Сократъ, Катерина Ивановна жалуется на васъ, что вы опять уходите совсѣмъ на лѣво. Я загулялъ маленько, не былъ два четверга, а тутъ вдругъ появился г. Красоткинъ, который опять васъ переманиваетъ въ таинства мозговъ и нервныхъ центровъ.

Серебрянова. Катерина Ивановна, должно быть, преувеличиваетъ дѣйствіе на меня словъ Красоткина. Но, вѣдь, я и до него не была еще убѣждена въ томъ, что вы проповѣдуете, хотя и должна была признать, что ваши воззрѣнія отличаются отъ ходячихъ мнѣній и что къ нимъ должно относиться серьезно.

Сократъ (обращаясь къ Карамазовой). Такъ, значитъ, Катерина Ивановна, наше дѣло еще не совсѣмъ потеряно, и вы ужь слишкомъ приняли къ сердцу похвалбу Красоткина, что онъ можетъ вырѣзать душу и по частямъ, и всю заразъ. Не бойтесь, пусть его хоть искрошитъ весь мозгъ сверху до низу; души, слава Богу, не задѣнетъ, по той простой причинѣ, что въ нее нельзя какъ нибудь ткнуть скальпелемъ или пинцетомъ, ибо ея *нигдѣ нѣтъ* (смѣется).

Карамазова. Что такое? и вы говорите, что души нѣтъ?

Сократъ. Ну, это вы грѣшите, я вовсе не говорю, что души нѣтъ, а только говорю, что ея *нигдѣ нѣтъ*, т. е., что она вовсе не имѣетъ мѣста, или положенія въ пространствѣ. Это значитъ, что, напр., нелѣпо спрашивать про душу, гдѣ она помѣщается, и что на этотъ нелѣпый вопросъ всегда надо отвѣчать: „души нѣтъ нигдѣ“. По этому то мозгъ, который несомнѣнно находится въ пространствѣ, слѣдовательно, имѣетъ мѣсто, самъ не есть душа и не заключаетъ въ себѣ души.

Въ это время вышли изъ кабинета Карамазовъ съ Калгановымъ, и, по приглашенію хозяйки, мы перешли въ столовую, гдѣ уже все приготовлено было для чая.

— „Пожалуйте, Сократъ Ивановичъ“, говорила хозяйка, указывая на мѣсто около себя; „а вы“, сказала она, обращаясь ко мнѣ и указывая на другое мѣсто также подлѣ себя, „сидитесь тутъ, напротивъ Сократа Ивановича. Вамъ, Сократъ Ивановичъ, я приготовила ромъ, который вы любите“, прибавила она, указывая Сократу на красивый хрустальный графинчикъ съ бѣлымъ ромомъ.

Калгановъ (взявъ въ руки графинчикъ и нюхая ромъ). Посмотрите, господа, какимъ ромомъ угощаетъ его Катерина Ивановна. Прелесть, какой ароматъ! Небойсь, намъ не дала этого ромку послѣ обѣда, а предложила обыкновеннаго, что и теперь, вонъ, тамъ стоитъ. Ну, ужъ какъ хотите, Катерина Ивановна, теперь и я выпью сократовскаго рому.

Карамазова (разливая чай). Мнѣ очень пріятно, пейте, я вѣдь не знала, что вы любите бѣлый ромъ.

Когда Карамазова раздала налитый чай присутствующимъ, то опять обратилась къ Сократу съ просьбой о душѣ.

Сократъ. Ну, пожалуй, займемся и душою. Однако, я предпочитаю лучше философскій терминъ и буду говорить о существованіи субстанцій и именно духовныхъ субстанцій. Если идти методически, то нужно было бы сперва вести рѣчь о томъ, что значитъ существовать или быть. Но я боюсь, что этотъ весьма трудный предметъ утомилъ бы васъ, а потому предполагаю, что вы, какъ и всѣ люди, знаете, хотя можетъ быть и не умѣя ясно и точно выразить это, что значитъ существовать. По моему, существуютъ прежде всего субстанции, но нѣкоторые, какъ напр., г. Шугаевъ, отрицаютъ, конечно, на словахъ только, существованіе субстанцій. Слышали ли вы отъ Алексѣя Федоровича наши разговоры объ этомъ предметѣ и убѣждены ли вы въ ошибочности его мнѣнія?

Карамазова. Да, Алеша намъ все это подробно рассказалъ, и я убѣждена въ нелѣпости мнѣнія Шугаева.

Серебрякова. И я думаю, что его мнѣніе очень странно.

Сократъ. Если такъ, т. е., если субстанціи существуютъ, то возможно, что существуютъ только матеріальныя или только духовныя, или же и тѣ, и другія вмѣстѣ. Это послѣднее мнѣніе всегда было сопряжено для философіи съ величайшими затрудненіями, которыя и до сихъ поръ не устранены. Не оставить ли намъ безъ разсмотрѣнія это возрѣніе?

Серебрякова. Я согласна оставить такъ.

Карамазова. Почему же? Мнѣ кажется, что и матеріальныя тѣла существуютъ сами по себѣ, и духъ самъ по себѣ.

Сократъ. Ну, пожалуй, остановимся нѣсколько на этомъ *дуализмѣ*. Главное затрудненіе здѣсь именно состоитъ въ радикальномъ различіи обѣихъ субстанцій и въ полной невозможности ихъ связи и общенія, а между тѣмъ на эту связь и взаимодѣйствіе указываетъ весь нашъ опытъ. Матеріальныя существа протяженны, непроницаемы, дѣлимы, имѣютъ положеніе и движутся въ пространствѣ. Духъ непротяженъ, недѣлимъ, не имѣетъ мѣста въ пространствѣ и не движется. Совершенно непостижимо, какъ мысль, воля или чувства могутъ производить перемѣны и движенія въ нашемъ тѣлѣ или его органахъ, а черезъ нихъ и во всемъ матеріальномъ мірѣ и обратно, какъ состоянія и движенія тѣла могутъ вліять на духъ. Наше тѣло, какъ и всякое другое матеріальное тѣло, можетъ дѣйствовать только черезъ прикосновеніе, толчкомъ или ударомъ, а духъ, не находящійся въ пространствѣ, исключаетъ эти способы дѣйствія.

Карамазова. Этого я не совсѣмъ понимаю.

Серебрякова. А я такъ вотъ что думала. Положимъ, что, по вашему, мы духи. Но развѣ не можетъ духъ быть среди тѣла или вообще среди матеріальныхъ тѣлъ. Вѣдь, онъ можетъ не занимать пространства, какъ не занимаетъ его математическая точка.

Сократъ. Вы ошибаетесь, хотя ошибка ваша встрѣчается и у философовъ, которые думали, что душа—нѣчто въ родѣ математической точки. Точка, хотя и не имѣетъ протяженія, все таки имѣетъ

пространственное положеніе относительно другихъ точекъ пространства. Въ понятіи духа нужно исключить все пространственное, по этому то духъ, если говорить о немъ на языкѣ пространства, нигдѣ не находится, что и значить, что духъ не имѣеть пространственнаго положенія и не имѣеть никакого отношенія къ пространству. Вслѣдствіе невозможности отношенія непространственного духа къ пространственной матеріи, тогда какъ весь опытъ указываетъ на тѣсную связь и взаимное вліяніе другъ на друга духа и тѣла, и нѣтъ никакой возможности допустить или согласить существованіе двухъ субстанцій: духовной и тѣлесной. Значить, остается понять дѣло такъ: что или духовныя явленія суть продукты или дѣйствія движущейся въ пространствѣ матеріи, или, наоборотъ, матеріальныя явленія суть продукты или дѣйствія представляющаго и мыслящаго духа. Первая теорія называется матеріализмомъ, вторая теорія не имѣеть строго опредѣленнаго названія и, по моему, всего бы лучше назвать ее *панпсихизмомъ*.

Серебрякова. Какъ же вы говорите, что духъ нигдѣ не находится, а между тѣмъ сами выражаетесь такъ, что мысли, чувства существуютъ въ духѣ?

Сократъ (улыбаясь). Что жъ дѣлать то? Языкъ создавался не философами, а людьми наивными, а потому въ языкѣ существуетъ множество метафорическихъ или фигурныхъ выраженій, въ которыхъ непространственныя духовныя отношенія выражаются пространственнымъ языкомъ, по этому мы и говоримъ: въ духѣ, въ душѣ и т. п. Да и нѣтъ надобности, по моему, уничтожать этотъ фигурный языкъ и тѣмъ коверкать употребляемый языкъ до непонятности; надобно только понимать, какъ слѣдуетъ, мысль, выражающуюся хотя бы и не соотвѣтствующимъ ей образнымъ языкомъ.

Въ это время вошелъ въ комнату Красоткинъ, а потому пока онъ здоровался и разговаривалъ съ присутствующими и хозяевами, Сократъ пилъ чай. Наконецъ, когда Красоткинъ усѣлся возлѣ стола за чаемъ, то обратился къ Сократу съ сожалѣніемъ, что онъ не могъ принять участіе въ обѣдѣ въ Мало-Ярославцѣ.

„Я бы скорѣе принялъ вашу сторону, Сократъ Ивановичъ“, говорилъ онъ, „такъ какъ тоже не могу согласиться съ Шугаевымъ, что субстанцій не существуетъ. Правда, въ противоположность вамъ, я признаю существованіе только матеріальныхъ субстанцій и, если будетъ на то ваше согласіе, то мы dokonчимъ нашъ споръ объ этомъ предметѣ, начатый у васъ въ домѣ“.

Калгановъ. Ну, ужь опоздали, ибо Сократомъ Ивановичемъ овладѣли дамы! Но только замѣтили ли вы, господа (обращаясь ко всѣмъ), что онъ совершенно безпрепятственно позволяетъ имъ говорить и дѣлать ему возраженія обѣимъ вмѣстѣ, между тѣмъ какъ отъ насъ требуетъ, чтобы мы говорили поодионокъ? Видно, дамы не свой братъ, и философъ не гарантированъ отъ ихъ башмачка.

Сократъ. Что жь, бывали случаи, что и философы были подъ башмачкомъ у дамъ, какъ показываетъ примѣръ великаго мужа, котораго я невольно и не достойно ношу имя. Но наши дамы такія любезныя и скромныя, что я не нахожу неудобнымъ бесѣдовать съ ними съ обѣими разомъ. Во всякомъ случаѣ имъ принадлежитъ рѣчь, хотя въ уваженіе къ слабымъ женскимъ силамъ (улыбаясь) я ничего не буду имѣть противъ, если каждая изъ дамъ въ случаѣ утомленія поручить кому либо изъ муштинъ замѣщать ее на время. Само собою разумѣется, что съ муштинами я уже не могу спорить такъ, чтобы двое говорили и обоимъ отвѣчать.

Красоткинъ (къ Серебряковой). Возьмите меня въ замѣстителя, Анна Михайловна.

Серебрякова. Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы вы продолжали вести рѣчь о томъ, что для меня интересно и не поднимать новыхъ вопросовъ.

Карамазова (обращаясь ко мнѣ). Ну, а я попрошу васъ, Платонъ Михайловичъ, быть моимъ замѣстителемъ.

Я. Согласенъ, только предупреждаю, буду плохимъ повѣреннымъ.

Серебрякова. И такъ, Сократъ Ивановичъ, если устранить дуализмъ, то вамъ придется доказать, что душа не зависима отъ тѣла.

Сократъ. Если Алексѣй Ѳеодоровичъ передалъ вамъ наши послѣдніе разговоры, то передалъ и высказанное мною основаніе, по которому я отрицаю существованіе пространства. Если же пространства не существуетъ, то не существуетъ и все находящееся въ немъ.

Карамазова. Изъ того, что мнѣ передалъ мужъ, повидимому, слѣдуетъ, что пространство не существуетъ, а только представляется. Но я совершенно не постигаю, какъ можно сказать, что наше тѣло не существуетъ (обращаясь ко мнѣ). Не пособите ли вы, Платонъ Михайловичъ, какъ нибудь въ этомъ затрудненіи.

Я. Я также думаю, что тѣло не существуетъ само по себѣ, что оно есть только въ представленіи и составляетъ весьма точный значекъ воли. Мое тѣло есть значекъ всего того, что я хочу, ваше — всего того, что вы хотите и т. д. Тѣло есть видимость воли, которая сама по себѣ не видима, но посредствомъ тѣла становится видимою и предметною.

Карамазова (обращаясь къ Серебряковой). Помогайте какъ нибудь вы, Анна Михайловна.

Серебрякова. Я все еще сомнѣваюсь на счетъ пространства. Если оно дѣйствительно не существуетъ, тогда мнѣ кажется несомнѣннымъ, что и тѣла не существуютъ, а только представляются, но тогда что же существуетъ?

Сократъ. Тогда можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ весь духовный міръ, т. е. духовныя субстанціи съ ихъ дѣятельностями и отношеніями, а наши тѣла и весь матеріальный міръ суть значки этихъ духовныхъ субстанцій, ихъ дѣятельностей и отношеній.

Красоткинъ. Извините, Анна Михайловна, если я вамъ дамъ советъ не входить съ Сократомъ Ивановичемъ въ разсужденіе о бытіи пространства. Онъ васъ тутъ запутаетъ. Пусть лучше онъ попробуетъ доказать, что его духовная субстанція не зависитъ отъ якобы не существующей матеріи, а мы ему на основаніи точной науки покажемъ, что его душа вполне зависитъ отъ тѣла и нерв-

ной системы и что она есть ничто иное, какъ функція нервной системы.

Серебрякова. Я и послѣдую вашему совѣту.

Карамазова. И я послушаю.

Сократъ. Какъ видится, вы, по совѣту Николая Ивановича, хотите обойти самый прямой путь въ нашемъ вопросѣ и ставите дѣло такъ, что, какъ будто существованіе пространства, а съ нимъ и всего матеріальнаго міра не подлежитъ сомнѣнію и допускается безъ всякаго спора. Извольте, я попытаюсь идти и этимъ окольнымъ путемъ, но прежде надобно нѣсколько установить предметъ нашего разговора, чтобы не расплываться въ безконечность и чтобы вести нашу рѣчь нѣсколько методически. Я имѣю въ виду защищать ту мысль, что извѣстныя намъ изъ внутренняго опыта духовныя явленія, составляющія всю область нашего сознанія, какъ то: ощущенія, представленія, мысли, чувства, хотѣнія совсѣмъ не зависятъ по существу отъ матеріи или тѣла и не могутъ быть поняты и объяснены ея дѣятельностью. На нынѣшній разъ намъ и этого будетъ достаточно. Затѣмъ намъ останется только одно предположеніе, что эти духовныя явленія могутъ быть объяснены изъ бытія и дѣятельности духовной субстанціи, свойства которой, по моему, состоятъ въ томъ, что 1) какъ она, такъ и ея продукты *не протяженны и не пространственны*, и 2) что она *едина* во множествѣ ея состояній и дѣйствій и *тождественна* при постоянной измѣнчивости этихъ состояній и дѣйствій во времени. Въ примѣръ единства можно привести тотъ случай, что человѣкъ, думающій, что разумно и справедливо поступать такъ то и такъ то и въ то же время негодующій на себя и стыдящійся того, что онъ поступилъ какъ разъ противоположно своей мысли, представляетъ не два различныхъ существа, не смотря на различіе его одновременныхъ состояній, а только одно. Въ примѣръ тождества можно привести, что старикъ, рассказывающій о своихъ дѣтскихъ шалостяхъ и различныхъ похожденіяхъ молодости, составляетъ одно и то же существо, и шалившее въ дѣтствѣ, и дѣйствовавшее въ молодости, и

разсказывающее въ старости. Сегодня мы займемся отрицательной стороной нашей темы, а положительную будемъ изслѣдовать какъ либо въ другой разъ. Согласны вы на это?

Карамазова и Серебрянова. Мы согласны.

Красоткинъ. Конечно, и я согласенъ. Только сдѣлаю одно замѣчаніе, что мнѣ всегда казалось страннымъ, что о существованіи души и другихъ подобныхъ предметовъ спрашиваютъ, спорятъ и сомнѣваются, тогда какъ всякій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ философовъ, сочтетъ за сумасшедшаго того, кто его спроситъ, существуетъ ли этотъ столъ, эта лампа, этотъ домъ.

Сократъ. Но вы, кажется, забыли, что огромное большинство тѣхъ, которые сочтутъ за сумасшедшаго сомнѣвающегося въ существованіи стола и дома, сочтутъ за сумасшедшаго также и всякаго, кто сомнѣвается въ существованіи души. Если они, по вашему, правы въ первомъ случаѣ, то почему жъ бы имъ не быть правыми и во второмъ? Вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто ссылается въ чемъ нибудь на мнѣніе большинства, нужно помнить, что это большинство есть, такъ сказать, палка о двухъ концахъ. Если же вы вашимъ замѣчаніемъ хотѣли сказать, что существуетъ только то, что подлежитъ чувственному воспріятію, то, конечно, это несправедливо. Мало ли вещей, которыя не подлежатъ чувственному воспріятію, а между тѣмъ признаются за существующія? Множество людей, и вы въ томъ числѣ признаютъ же существующими, напр., пространство, время, матеріальные атомы, а между тѣмъ ихъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни понюхать и т. п. Только немногіе философы, въ томъ числѣ и я грѣшный, признаютъ время, пространство и атомы не существующими. За то я признаю существованіе души, хотя она не видима, не слышима и не пахнетъ. По моему, послѣднимъ рѣшителемъ того, что существуетъ и что не существуетъ, долженъ быть разумъ и притомъ не частный разумъ этого индивидуальнаго человѣка, а всеобщій и единый разумъ, составляющій основу и для частнаго, индивидуальнаго разума какъ людей, такъ и другихъ возможныхъ разумныхъ существъ. Но обратимся къ на-

шему вопросу. Къ сожалѣнію, я не могу начать его иначе, какъ коснувшись того же предмета, о которомъ мы уже вели рѣчь съ Николаемъ Ивановичемъ. Если мы возьмемъ самыя простѣйшія состоянія сознанія, каковы, напр., чувственные ощущенія или элементарныя чувства, то и они не могутъ быть объяснены изъ матеріи. Мѣшаетъ этому полная *несравнимость* матеріальныхъ движеній съ содержаніемъ ощущенія или чувства, т. е. цвѣтомъ, звукомъ, гладкостью, шероховатостью, тепломъ, радостью, злобой и т. под. Колебанія эфира, какихъ хотите скоростей, какой хотите длины и ширины волнъ и т. п., совсѣмъ не то, что красный или голубой цвѣтъ, или ощущеніе тепла. Колебаніе воздуха совсѣмъ не то, что звукъ *до, ре, ми*. Какое хотите движеніе атомовъ совсѣмъ не то, что кислота или сладость и т. д. Укажите мнѣ пунктъ, гдѣ колебаніе или движеніе эфира и матеріи исчезаетъ и переходитъ въ цвѣтъ, звукъ, вкусъ, тогда я, можетъ быть, и спорить бы съ вами не сталъ, но этого никто не указалъ, а по моему, и никогда не укажетъ.

Красоткинъ. Конечно, гдѣ и какъ совершается превращеніе точно указать нельзя, но я не знаю, почему бы матеріальному движенію и колебанію не превращаться въ цвѣта, звуки или чувства и т. п. Вѣдь мысль, какъ извѣстно изъ фізіологіи, производитъ теплоту, почему бы и теплотѣ или другой физической силѣ не превратиться въ мысль?

Сократъ. Матеріальное движеніе, массовое или молекулярное, никогда не можетъ, по моему, перейти въ какое либо психическое состояніе, потому что это противорѣчило бы установленному фізико-закону сохраненія энергіи. Всякое движеніе должно проявляться въ движеніи же потенціальномъ или живомъ; значитъ, все, имѣющее форму фізико-химическихъ силъ, должно быть найдено въ той же формѣ, т. е., ни одной іоты энергіи молекулярныхъ движеній мозга не можетъ превратиться въ то, что не есть движеніе, каковы психическія явленія мысли, чувства, желанія. Что же касается до того, что будто бы мысль производитъ теплоту, то я, конечно, не

могу съ этимъ согласиться. Физиологія можетъ замѣчать и замѣчаетъ, что при напряженномъ мышленіи обнаруживается повышеніе температуры, но оно происходитъ не отъ мышленія, а отъ тренія, движенія, распадёнія молекулъ мозга. Молекулярное же движеніе, отражающееся вообще въ расширеніи тѣлъ, а также въ повышеніи температуры, т. е., теплота съ точки зрѣнія физики, все не есть психическое ощущеніе тепла. Оба явленія сопутствуютъ другъ другу во времени, но не сводимы другъ къ другу и не стоятъ въ причинномъ отношеніи. Наконецъ, все таки если бъ и допустить, что колебанія и движенія становятся краснымъ, синимъ цвѣтомъ, соленымъ вкусомъ, мягкостью на осязаніе, стыдомъ, страхомъ, чувствомъ голода или жажды и т. д., то опять остается то необоримое затрудненіе, котораго мы уже касались. Спрашивается, гдѣ же помѣщаются эти красное, синее, соленое и т. д. превратившіяся изъ, находившихся въ тѣхъ или другихъ пунктахъ пространства, молекулярныхъ движеній или колебаній, ибо, по моему, нельзя же серьезно допустить, чтобы чувственные качества тѣлъ помѣщались или въ самихъ вещахъ, или въ нашемъ тѣлѣ, въ нашемъ мозгу и т. д.?

„Но, не стѣсняясь этою невозможностью, положимъ, что ощущенія и вообще простѣйшіе элементы духовной жизни какъ либо возникаютъ въ занимающихъ пространство мозгахъ. Спрашивается, какъ эти элементы сохраняются, возобновляются и затѣмъ сочетаются въ сложнѣйшія явленія психической жизни, или говоря языкомъ психологіи, какъ объяснить происхожденіе явленій: памяти, воспоминанія, представленія, мышленія во всѣхъ его формахъ, сложныхъ чувствъ и желаній и т. п.?

Красоткинъ. Затрудняться на счетъ мѣста, гдѣ сохраняются впечатлѣнія отъ матеріи и явленія сознанія, нечего. Въ головномъ мозгу клѣточки и нервныя нити считаются сотнями миллионовъ.

Сократъ. Прекрасно, но, вѣдь, клѣточки и нити состоятъ изъ частей, молекулъ, атомовъ, по этому едва-ли можно предположить, что клѣточки и нити суть носители духовныхъ явленій, ибо тогда

возникъ-бы безпокойный вопросъ, какіе именно элементы клѣточекъ сохраняютъ психическое содержаніе. Можетъ быть, знаменитый фосфоръ Молешотта есть носитель мысли?!

Красотинъ. Опять мы, кажется, идемъ въ темный уголъ. Конечно, если искать мѣсто, гдѣ сохраняются *силы* для воспроизведенія ощущеній, чувствъ и пр., то нужно остановиться на атомахъ, какъ на носителяхъ всяческихъ явленій.

Сократъ. Охъ, Николай Ивановичъ, давно ужъ я замѣчаю, что отвѣчаете вы на мои вопросы какъ-то не прямо, а съ изворотомъ (смѣется)! Но, какъ бы то ни было, допустимъ, что въ атомахъ сохраняются возникающія изъ колебаній матеріи психическія состоянія. Спрашивается, не есть ли вмѣстилище для всѣхъ психическихъ явленій какой либо одинъ атомъ?? Если такъ, то этотъ атомъ и есть искомая *единая* душа. Затрудненіе было-бы только въ томъ, почему такая привиллегія быть носителемъ духовныхъ явленій принадлежитъ только одному атому мозга, а прочіе матеріальные атомы, не пользуясь этой привиллегіей, получали бы только механическіе толчки другъ отъ друга и двигались или колебались въ пространствѣ. Другое же затрудненіе состояло бы въ томъ, какъ такое безчисленное множество психическихъ явленій помѣщалось бы въ пространствѣ одного атома. И такъ, скорѣе нужно допустить, что психическія состоянія распредѣляются по отдѣльнымъ атомамъ, въ однихъ хранятся всевозможные цвѣта со всѣми оттѣнками, въ другихъ—звуки и т. д. Опять спрашивается, за что у одного атома будетъ привиллегія заключать въ себѣ прекрасный синій цвѣтъ неба, а у другого горькая участь заключать въ себѣ запахъ тухлаго яйца. Но пусть такъ! Возникаетъ еще большее затрудненіе! Мы можемъ получить безчисленные впечатлѣнія отъ одного и того же предмета въ различное время и при различныхъ обстоятельствахъ. Непремѣнно эти впечатлѣнія будутъ различны, но обыкновенно они сливаются въ нѣчто общее. Такъ, напримѣръ, когда мы вспоминаемъ о какомъ либо знакомомъ, то мы представляемъ себѣ при воспоминаніи цвѣтъ его лица, какъ нѣчто единое и тожде-

ственное, хотя во многих случаях это единое и тождественное, общее въ цвѣтѣ лица этого знакомаго, можетъ распадаться на нѣсколько частныхъ образовъ. Такъ мы можемъ вспоминать цвѣтъ лица нашего знакомаго, когда онъ былъ болѣнъ, былъ веселъ, былъ пьянъ, былъ въ большомъ страхѣ и т. д. Значить, не слѣдуетъ ли представлять дѣло такъ, что каждое особое впечатлѣніе и особое видоизмѣненіе, положимъ, цвѣта лица и проч. сохраняется въ различныхъ атомахъ мозга? Мѣста, конечно, хватитъ, ибо съ величинной атомовъ церемониться нечего. Въ пространствѣ, къ которому прикасается остріе тончайшей иглы, можно предположить миллиарды, а мало, такъ билліоны атомовъ и т. д. Но дѣйствительное затрудненіе въ томъ, какъ изъ этихъ отдѣльныхъ впечатлѣній образуется то нѣчто общее и единое, о которомъ я сейчасъ сказалъ, и къмъ оно образуется? Каждый атомъ механически удерживаетъ свое впечатлѣніе и только его, такъ сказать, флюоресцируетъ въ психическомъ содержаніи. Позволю себѣ употреблять слово: *флюоресцировать*, въ томъ смыслѣ, что атомы мозга какъ бы реагируютъ (хотя и сознаю, что это совершенно пустое въ этомъ случаѣ слово) на колебанія и движенія ощущеніями, воспоминаніемъ и др. психическими явленіями. Но какой-же атомъ флюоресцируетъ то общее единство, котораго нѣтъ ни въ одной частной флюоресценціи отдѣльныхъ впечатлѣній? Точно тоже должно допустить и относительно всѣхъ другихъ ощущеній. По моему, атомы, если бы они даже и были носителями простѣйшихъ психическихъ чувственныхъ качествъ, все таки ни каждый по одиночкѣ, ни всѣ вмѣстѣ не могли бы доставить того единства и тождества качествъ, съ которыми мы сознаемъ извѣстныя намъ вещи и при сознаніи которыхъ мы только и можемъ быть увѣрены, что знаемъ эту вещь, какъ нѣчто индивидуальное, отличное отъ другихъ подобныхъ-же, но не тождественныхъ вещей. Если бы мы имѣли въ своемъ сознаніи то, что вытекало бы изъ индивидуальной природы вещи міра физическаго и изъ индивидуальной природы впечатлѣній, т. е., если бы носили въ сознаніи безконечное количество модификацій

въ впечатлѣніяхъ, которыя дѣлаетъ на насъ вещь, вслѣдствіе, съ одной стороны, постоянныхъ и непрерывныхъ перемѣнъ въ ней самой, а съ другой, постоянныхъ и непрерывныхъ перемѣнъ въ нашемъ тѣлѣ и его воспринимающихъ органахъ, то вышеозначенной увѣренности никогда не могло бы и быть и мы не могли бы имѣть никакого познанія, а какой то хаосъ отдѣльныхъ и невыразимыхъ ощущеній, сохраняемыхъ и фосфоресцируемыхъ атомами мозга.

„Теперь взглянемъ на нѣкоторыя обстоятельства, сопровождающія воспоминанія, и укажемъ на невозможность происхожденія ихъ изъ физико-химическихъ процессовъ органической матеріи вообще и мозга въ особенности. Въ возникновеніи воспоминаній, какъ извѣстно каждому изъ собственнаго опыта, весьма важную роль играетъ интересъ. Лицо, которое, положимъ, обвиняютъ въ безчестномъ, преступномъ поступкѣ, или таковомъ-же общемъ поведеніи цѣлой жизни, или какой либо значительной ея части и которое хочетъ оправдаться отъ этого обвиненія, вспоминаетъ всѣ самыя ничтожныя, иногда очень отдаленныя по времени, обстоятельства и событія изъ своей прошедшей жизни, повидимому, совершенно забытыя, какъ то: встрѣчи, лица, слова, разговоры, тонъ голоса, мимику, движенія, жесты, свои собственныя ничѣмъ не обнаруженныя тогда мысли, чувства, наконецъ, даже безжизненныя и весьма не важныя вещи, ихъ цвѣтъ, форму и т. д. Спрашивается, какъ устраивается чудесная и поразительная цѣлесообразность этого явленія?! Передаютъ-ли тѣ атомы, въ которыхъ начали быть сознаваемы желаніе оправдаться, страхъ отъ послѣдствій обвиненій и прочія обстоятельства настоящаго сознанія, передаютъ-ли эти атомы, говорю я, наступившее въ нихъ сознаніе другимъ атомамъ для того, чтобы эти послѣдніе цѣлесообразно фосфоресцировали свое частное и частичное содержаніе, сохраняемое изъ прошлаго сознанія и нужное для того, чтобы составилось то общее цѣлое, что называется оправданіемъ? Какъ случается то, что возникаютъ въ воспоминаніи именно только тѣ мелочи и подробности, которыя какъ либо касаются до этого оправданія, между тѣмъ какъ все другое,

хотя и происходившее въ одно и то же время съ воспоминаемымъ, остается совершенно забытымъ? Кто это выбираетъ все нужное и выводитъ его въ ясное сознаніе и оставляетъ въ латентномъ состояніи все ненужное для данной минуты и для цѣли оправданія? Наконецъ, кто это нужное, но разбросанное по мелочамъ и ничтожнымъ фрагментамъ во множествѣ различныхъ атомовъ, соединяетъ въ одно логическое, проникнутое одной идеей и одною цѣлью, цѣлое, которое называется оправданіемъ?! Конечно, по моему, этого не могутъ дѣлать разрозненные, безчисленные атомы, а, если хотите, то и клѣточки, которыя соотвѣтственно допущенной мною уступкѣ, если и способны флюоресцировать что либо въ сознаніи, то только отдѣльные и разрозненные элементы, не имѣющіе въ своей отдѣльности и разрозненности никакого опредѣленнаго смысла и значенія“.

„Но этимъ еще не кончаются затрудненія, соединенныя съ воспоминаніемъ при предположеніи, что вспоминаютъ атомы мозга“...

Во время послѣднихъ словъ Сократа, Серебрякова обратилась шепотомъ съ какимъ-то предложеніемъ къ сидѣвшему рядомъ съ ней Красоткину, который отвѣчалъ знакомъ согласія и сказалъ Сократу.

„Извините, Сократъ Ивановичъ, что я позволю себѣ остановить васъ и нѣсколько охладить увлеченіе, которое, очевидно, овладѣваетъ вами, когда вы думаете, что и соединяются, и возобновляются впечатлѣнія не атомами, а душою. У насъ въ медицинѣ извѣстно множество фактовъ и патологическихъ случаевъ, доказывающихъ, что сознаніе свѣта, звука и т. п. зависитъ отъ цѣлости и нормальности дѣйствія нервовъ, проводящихъ внѣшнія раздраженія и что сохраненіе впечатлѣній и возможность ихъ возобновленія въ воспоминаніи зависитъ отъ цѣлости нервныхъ центровъ въ мозгу и ихъ нормальнаго состава и функцій. Значитъ, если перерѣзать нервы и повредить мозговые центры, то ни впечатлѣній, ни памяти, ни воспоминаній не будетъ.“

Сократъ (обращаясь къ Серебряковой). Эхъ, какая вы недобрая, Анна Михайловна! не хотите дать мнѣ немножко поблагодарить съ моей душою и побуждаете Николая Ивановича опустить Дамокловъ мечъ, висящій надъ нею (обращаясь къ присутствующимъ). Господа, прошу васъ, уговорите Николая Ивановича и Анну Михайловну, дать мнѣ льготу еще на полчаса, а ужъ потомъ мы и ляжемъ на плаху.

Карамазова. Такъ какъ право бесѣды съ Сократомъ Ивановичемъ принадлежитъ намъ съ Анной Михайловной вмѣстѣ, то я съ своей стороны ничего не имѣю противъ того, чтобы онъ окончилъ начатую имъ рѣчь, а потомъ ужъ отвѣчалъ Николаю Ивановичу.

Сократъ. Самое неодолимое затрудненіе въ томъ, чтобы атомы мозга могли хранить психическія состоянія и воспроизводить ихъ потомъ въ воспоминаніи, состоитъ, по моему, въ фактѣ обмѣна вещества въ организмѣ. Не знаю точно, но едва-ли много ошибаюсь, думая, что года въ два весь организмъ человѣческій обновляется вполне. Ни одной молекулы, ни одного атома изъ старыхъ не остается. Конечно, атомъ, удаляющійся изъ мозга путемъ этого обмѣна вещества уноситъ съ собою и все свое психическое содержаніе и свою возможность фосфоресцировать его, а между тѣмъ мы вспоминаемъ съ мельчайшими подробностями происходившее тому назадъ не два года, а десятки лѣтъ. Правда, высказываемо было мнѣніе, что выбывающее изъ организма вещество передаетъ свое содержаніе и опытъ вновь прибывающему. По этому, нужно понимать дѣло такъ, что матеріальные атомы выдѣляются изъ тѣла и мозга безъ цвѣтовъ, звуковъ, чувствъ, мыслей, хотѣній, которые въ нихъ заключались прежде, и оставляютъ ихъ для храненія и фосфоресценціи новымъ пришельцамъ, подобно часовымъ, передающимъ другъ другу, при смѣнѣ, пароль и лозунгъ. Въ такомъ случаѣ спрашивается, какимъ образомъ изъ одного атома, по самому понятію своему, недопускающему *дѣленія*, выдѣлится нѣкая часть, т. е., психическое содержаніе, которое, не будемъ забывать, по нашему условію, матеріально и занимаетъ пространство, и далѣе, какъ эта

часть войдетъ въ другой атомъ, опять таки, по понятію своему, нѣчто совершенно *непроницаемое*. Для меня это окончательно не мыслимо, и вообще вся эта теорія, по которой атомы передаютъ что либо изъ своего содержанія другимъ атомамъ, есть, по моему, такая грубая мифологія, что я больше не стану о ней говорить и перейду къ другимъ пунктамъ.

„Конечно, я сейчасъ не могу осмотрѣть всѣхъ фактовъ умственной жизни и на всѣхъ указать невозможность произведенія ихъ различными матеріальными элементами нашего организма или мозга. Но, для примѣра, остановимся на основномъ актѣ нашего мышленія, а именно — *сужденіи*. Актъ сужденія, какъ извѣстно, состоитъ въ соединеніи, по крайней мѣрѣ, двухъ представленій, относящихся такъ другъ къ другу, что они въ силу этого отношенія, составляютъ неразрывное единство. Это отношеніе и его выраженіе въ сужденіи сопровождаются *чувствомъ необходимости* соединенія въ одно цѣлое двухъ элементовъ сужденія: *субъекта* и *предиката*. Чувство же необходимости основывается на сознаніи природы субъекта и предиката, т. е., что они, въ силу этой природы, сопринадлежны и могутъ быть соединены актомъ мысли въ одно цѣлое безъ противорѣчія. Только при этомъ сознаніи необходимости соединенія субъекта съ предикатомъ, наша мысль и будетъ дѣйствительно мыслью, дѣйствительнымъ актомъ сужденія, а безъ этого сознанія наша мысль будетъ только постановкой рядомъ двухъ словъ. Напр., сужденіе: китъ есть животное млекопитающее, требуетъ сознанія слѣдующихъ элементовъ и отношеній: 1) сознанія о воспоминаніи, вызывающихъ довѣріе, слышанныхъ разсказовъ, читанныхъ описаній, а можетъ быть, и случаевъ собственнаго опыта, что китъ имѣетъ сосцы, родитъ живыхъ дѣтенышей и т. под.; 2) сознанія о воспоминаніи существованія цѣлой группы животныхъ, родящихъ живыхъ дѣтенышей и кормящихъ ихъ молокомъ: кошки, собаки, лошади и т. п.; 3) сознанія о сравненіи представленія кита съ представленіемъ цѣлой группы; 4) сознанія о результатѣ этого сравненія, состоящемъ въ отнесе-

ніи перваго представленія къ группѣ другихъ и, можетъ быть 5) сознанія, что, подѣ влияніемъ виѣшняго вида кита, самъ мыслящій относилъ его ошибочно прежде къ рыбама, а что другіе и теперь относятъ. Всѣ эти *моменты* сознанія, составляющаго условіе для нашего сужденія, должны принадлежать только одному субъекту и никакъ не могутъ быть распределены по множеству субъектовъ или атомовъ. Тотъ, кто представляетъ кита, кто представляетъ группу плекопитающихъ, кто сравниваетъ первое представленіе со вторымъ, относитъ ихъ другъ къ другу и мыслить ихъ единство и сопринадлежность, долженъ быть однимъ и тѣмъ же существомъ, иначе невозможно сужденіе, а съ нимъ и всѣ другіе сложнѣйшіе акты мышленія, состоящіе изъ сужденій. Если происхожденіе сужденія не допустимо изъ дѣятельности матеріальныхъ атомовъ, то что-же сказать о болѣе сложныхъ операціяхъ мысли, напр., въ цѣломъ ряду силлогизмовъ, или въ случаѣ цѣлаго сочиненія, въ которомъ развивается одна тема, проникнутая одной цѣлью и расположенная по одному плану? Что сказать, наконецъ, о великихъ философахъ: Платонѣ, Аристотелѣ, Декартѣ, Лейбницѣ, Кантѣ и т. п., у которыхъ каждое отдѣльное сужденіе имѣетъ въ виду отношеніе, связь и согласіе его съ цѣлымъ ихъ міросозерцаніемъ, и у которыхъ въ каждомъ моментѣ ихъ умственной дѣятельности, какъ бы въ одно мгновеніе обозрѣвается вся эта сложная система со всѣми ея деталями и развѣтвленіями?

„Сказаннаго мною, кажется, достаточно, чтобы возбудить въ моихъ собесѣдникахъ, которыхъ я преимущественно имѣю въ виду, сомнѣніе въ невозможности, чтобы наша умственная и вообще духовная жизнь была продуктомъ и отправленіемъ атомовъ мозга, или нервной системы. Затѣмъ остается принять, что эта жизнь есть *функція духовной субстанции* и происходитъ отъ ея дѣятельности. Этой духовной субстанции, а не атомамъ мозга, принадлежитъ сознаніе всѣхъ ощущеній, чувствъ и желаній и простѣйшихъ, и сложнѣйшихъ, возникающихъ въ ней въ безконечномъ разнообразіи вслѣдствіе ея собственной дѣятельности. Ей также принадле-

жить и сознаніе объ этой собственной дѣятельности и ея продуктахъ. Та же духовная субстанція соединяетъ, на основаніи ея собственныхъ принциповъ и соотвѣтственно ея цѣлямъ, продукты или явленія дѣятельности одного рода, какъ напр., познавательной, другъ съ другомъ, а также *соединяетъ въ одно цѣлое* и явленія дѣятельности разныхъ родовъ, какъ напр., дѣятельности познавательной, желательной, чувствовательной, при чемъ представленіе, продуктъ дѣятельности познавательной, становится для субстанціи объектомъ желанія или отвращенія, и вызываетъ въ ней чувство удовольствія или неудовольствія. Та же духовная субстанція *координируетъ* всѣ свои различныя дѣятельности такъ, чтобы онѣ не противорѣчили и не парализировали другъ друга, а приближались бы къ *гармоническому единству*. Наконецъ та же субстанція стремится къ возможно большему *согласію и гармоніи* своей индивидуальной дѣятельности съ дѣятельностью какъ другихъ субстанцій того же рода напр., людей, такъ и существъ другого рода, напр., животныхъ. Во всѣхъ вышеозначенныхъ дѣятельностяхъ наша духовная субстанція едина и тождественна, что и отражается въ *единствѣ сознанія*. Но, я считаю, что всего сказаннаго о дѣятельности нашей духовной субстанціи довольно, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ. Теперь нужно отвѣтить на сказанное Николаемъ Ивановичемъ.

Въ это время хозяйка предложила гостямъ освѣжиться поданнымъ на столъ рейнвейномъ и особенно угощала Сократа, говоря, что ему нужно подкрѣпиться для защиты души и ея бытія.

Сократъ. Благодарю васъ, милѣйшая Катерина Ивановна, за вино, которымъ я съ удовольствіемъ промочу горло. Но совѣтую вамъ не очень бояться за душу, если только для васъ стало ясно изъ предшествующаго разговора, что всѣ наши психическія состоянія не могли быть произведены матеріальными атомами.

Карамазова. Хотя я и не могу похвастаться, что я поняла все сказанное вами, но все таки поняла на столько, что мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы атомы, а не мы думали, чувствовали и хотѣли.

Сократъ (къ Серебряковой). А вы какъ, Анна Михайловна?

Серебрякова. Я еще ничего не могу сказать до тѣхъ поръ, пока не услышу, что вы скажете на замѣчаніе Николая Ивановича.

Сократъ. Я вижу, что вы ждете отъ меня чего-то необыкновеннаго, чего-то въ родѣ *торжественнаго заклинанія*, а мнѣ кажется, что я тихомолкомъ это заклинаніе уже давно сдѣлалъ (Пьетъ вино, улыбаясь). Во всякомъ случаѣ я нисколько не оспариваю ни фактовъ извѣстныхъ медицинѣ, ни патологическихъ случаевъ, на которые ссылается Николай Ивановичъ. Не знаю только, для чего онъ на нихъ ссылается.

Красоткинъ. Какъ для чего?! Для того, чтобы показать, что духъ вполне зависитъ отъ тѣла. Патологія и фізіологія доказываютъ, что всѣ душевныя явленія, напр., мысль, нравственность, все зависитъ отъ тѣла; да что и развивается - то духъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Такъ, у нисшихъ животныхъ, монарь, корненожекъ, инфузорій нѣтъ и слѣда нервной системы, нѣтъ и сознанія; но, по мѣрѣ того, какъ она развивается, начинается и духовная жизнь. У высшихъ животныхъ и особенно у человѣка развитіе духовной жизни выражается въ развитіи нервной системы, полушарій мозга, въ увеличеніи мозгового вещества. У помѣшанныхъ замѣчаются ясныя поврежденія мозга и измѣненія въ немъ; хроническія болѣзни мозга ведутъ за собой постепенное ослабленіе умственныхъ способностей и чувствительности. Поврежденія различныхъ центровъ мозга уничтожаютъ различные виды памяти....

Сократъ. Да, вѣдь, я ничего этого не отрицаю; пожалуй, я пойду дальше вашего и скажу, что всякому психическому явленію непременно соотвѣтствуетъ особое явленіе въ состояніи или дѣятельности мозга; и если бы были возможны для насъ точныя наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ въ мозгу, то можно было бы изъ перемѣнъ мозга заключать о перемѣнахъ въ мысляхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ, конечно, тому, кто мыслить, чувствуетъ и желаетъ, а не атомамъ. Но я все таки не знаю, что вы хотите изъ этого *параллелизма и соотвѣтствія* вывести?!

Красоткинъ. Зависимость существованія души и ея дѣятельности отъ мозга!

Сократъ. Ну, этого я никакъ не могу допустить. Вспомнимъ хорошенько сущность и предметъ нашего спора. Если въ предшествующемъ разговорѣ, и въ этомъ, и въ прежнемъ, который я велъ съ вами у меня въ домѣ, мнѣ удалось выяснитъ, что духовныя явленія не могутъ быть объяснены изъ матеріи, то мы имѣемъ право приписать ихъ дѣятельности особой духовной субстанціи, не находящейся въ пространствѣ. Если я этого не выяснилъ, то споръ нашъ опять долженъ быть начать снова. Если же со мной можно согласиться, то ужъ ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить, чтобы эта духовная субстанція въ ея *бытіи и дѣятельности* отъ чего либо зависѣла, а тѣмъ болѣе отъ субстанцій иного рода, каковы, напр., матерія или атомы. Нельзя этого допустить, потому что тогда духовная субстанція была бы не субстанція, а шугаевскій пучокъ или вѣтрикъ! Конечно, вѣдь, и вы не допустите, чтобы ваши субстанціи или атомы зависѣли въ своемъ бытіи и дѣятельности отъ чего либо другаго, а не отъ себя, чтобы, напр., одинъ атомъ получалъ свое существованіе отъ другаго, или, чтобы атомы кислорода получали свою способность соединяться съ атомами водорода въ воду откуда либо извнѣ. Итакъ, ни бытіе души, ни ея отправленія въ ихъ природѣ не зависятъ и не могутъ зависѣть ни отъ мозга, ни вообще отъ міра вещей. Но замѣьте при этомъ, что мы теперь стоимъ на точкѣ зрѣнія дуализма, т. е., допускаемъ при духовныхъ субстанціяхъ и матеріальныя. Настоящая же точка зрѣнія моя, что вовсе нѣтъ никакихъ матеріальныхъ субстанцій, что матерія сама по себѣ не существуетъ, а существуетъ только въ умственномъ актѣ духовной субстанціи.

Серебрянова. Ну, ужъ тутъ я рѣшительно ничего не понимаю. Да, вѣдь, вы сами же сейчасъ согласились съ Николаемъ Ивановичемъ въ томъ, что дѣятельность духовная связана и зависитъ отъ состоянія тѣла и мозга.

Сократъ. Да, связана и зависитъ! Но зависимость не въ бытіи души и ея дѣятельности, а въ способѣ этой дѣятельности. Я сейчасъ сказалъ, что наше тѣло и весь матеріальный міръ самъ по себѣ не существуетъ таковымъ, каковымъ мы его представляемъ, а что онъ есть значекъ чего-то другаго. Этотъ значекъ, весьма аналогичный, напр., *перспективному образу* видимыхъ нами вещей, изображаетъ въ своего рода перспективѣ отношенія нашей субстанціи съ другими духовными субстанціями и ихъ взаимодѣйствіе. Это довольно ясно изъ нашихъ отношеній другъ къ другу. Непосредственно ни одна душа не дѣйствуетъ на другую и не общится съ другою, а это общеніе совершается посредствомъ тѣла и черезъ его пространственныя движенія. Подъ образомъ нашего тѣла и вообще матеріальнаго міра скрывается множество духовныхъ субстанцій, которыя стоятъ съ нами во взаимной связи, оказываютъ на насъ вліяніе и мы на нихъ. Но однако эта связь и взаимодѣйствіе не простираются на самостоятельность бытія и на самостоятельность дѣйствія каждой субстанціи. Зависимость же состоитъ только въ томъ, что связанные съ нами субстанціи или способствуютъ обнаруженію нашей дѣятельности, или ее задерживаютъ. Въ этомъ смыслѣ и тѣло наше вліяетъ на насъ; оно способствуетъ развитію и обнаруженію нашей собственной дѣятельности, собственныхъ силъ и собственныхъ задатковъ, или задерживаетъ это развитіе и обнаруженіе. Всего лучше это отношеніе поясняется отношеніемъ дѣйствующаго человѣка къ его орудіямъ, музыканта къ инструментамъ, сельскаго хозяина къ машинамъ, животнымъ, даже рабочимъ и т. д.

„Но я не могу теперь заразъ изложить вамъ все содержаніе той метафизики, которую я исповѣдую и которая для того, чтобы быть понятной, требуетъ множество предварительныхъ объясненій, которыя и отложимъ до другого раза.

Калгановъ (обращаясь къ Карамазовой). Катерина Ивановна! разрѣшите мнѣ вмѣсто васъ сдѣлать возраженіе Сократу Ивановичу!

Карамазова. Я съ удовольствіемъ; но что скажетъ самъ Сократъ Ивановичъ?

Сократъ. И я нимало вопреки глаголю. Возражайте, а я пока выпью вина.

Калгановъ. Вотъ, вы все говорите, что и мы, какъ духи, не находимся въ пространствѣ, а также, что и наши мысли, чувства, желанія тоже не находятся въ пространствѣ. По здравому смыслу, мы думаемъ, что вы мыслили тамъ же, гдѣ и находится ваше тѣло, т. е. мыслили въ этой комнатѣ и выражали тамъ же свои мысли, а мы слушали ваши слова или выраженія вашихъ мыслей и понимали эти мысли. Какъ же это могло быть, когда ни ваша мыслившая, ни наши понимавшія души, а также и самыя мысли здѣсь не существовали?

Сократъ. Эку штуку придумалъ! Иному передовому въ носъ бросится! Вотъ, я теперь говорю и думаю въ одно и то же время: какой хорошій человѣкъ Петръ Ѳомичъ и чувствую, что я расположенъ къ Петру Ѳомичу и досадую, что онъ со мной не согласенъ, досадую и на него, да и на себя, что не умѣю его согласить, хотя и хочу этого соглашенія. Значить въ одно и то же время я имѣю различныя психическія явленія: 1) мысль о томъ, что Петръ Ѳомичъ хорошій человѣкъ, но что онъ со мной не согласенъ, 2) чувство расположенія къ Петру Ѳомичу и чувство досады на себя и на него за его несогласіе со мной и 3) желаніе согласить его. Если всѣ эти одновременныя явленія находятся тамъ же, гдѣ и мое тѣло, т. е. въ пространствѣ этой комнаты, то положеніе всѣхъ ихъ могло бы быть опредѣлено *геометрически точно* посредствомъ разстоянія ихъ отъ 3 перпендикулярныхъ другъ къ другу плоскостей, разсѣкающихъ мое тѣло на стороны: правую и лѣвую, заднюю и переднюю, верхнюю и нижнюю, и которыя мы назовемъ А, В, С, такъ что общій пунктъ пересѣченій плоскостей находился бы, съ позволенія сказать, въ центрѣ всяческой скверны, въ брюшной полости. Значить, мои мысли находились бы отъ плоскости А въ разстояніи нѣсколькихъ футовъ или дюймовъ что ли, отъ плоскости В въ другомъ разстояніи, отъ плоскости С въ третьемъ. Далѣе, такъ какъ мысли, чувства и желанія, по своему

коренному отличію другъ отъ друга, не могутъ быть въ одномъ мѣстѣ, то нужно предположить особое разстояніе чувствъ и желаній отъ плоскостей А, В, С. Ну, Петръ Ѳомичъ, согласны вы на такое слѣдствіе изъ вашего возраженія?

Калгановъ. Да я не совсѣмъ могу взять въ толкъ, что вы сейчасъ говорите. Это что то странное!

Сократъ. Странно или нѣтъ, а математически положеніе всякой точки въ пространствѣ, а слѣдовательно и всего находящагося въ тѣхъ или другихъ точкахъ пространства можетъ и должно быть опредѣлено разстояніемъ отъ трехъ перпендикулярно пересѣкающихся плоскостей. Значитъ, мысли были бы направо, или налѣво отъ чувствъ, а желанія были бы вверху или внизу мыслей, а чувства были бы спереди или сзади желаній. Возможно это или нѣтъ? Но еще шагъ (указывая пальцемъ на бутылку)! *Бутылка съ рейн-вейномъ стоитъ на столѣ!* Надѣюсь, эта мысль прошла у всѣхъ у васъ въ то мгновеніе, когда я сказалъ эти слова. Бутылка одна и та же, и мысль, относящаяся къ ней, одна и та же; если она въ пространствѣ этой комнаты, т. е., въ пространствѣ тѣлъ чело-вѣческихъ, находящихся въ этой комнатѣ, то спрашивается, въ какомъ она разстояніи отъ 3-хъ пересѣкающихся плоскостей?

Серебрянова. Да какихъ же плоскостей?

Сократъ. Ну, хоть тѣхъ же самыхъ, которыми разсѣчено мое грѣшное тѣло..... Очевидно, что мысль въ вашемъ тѣлѣ въ одномъ разстояніи, мысль Катерины Ивановны въ другомъ, Николая Ивановича въ третьемъ и т. д. Сколько тѣлъ, столько и разстояній одного и того же предмета, т. е., мысли о бутылкѣ, отъ однихъ и тѣхъ же плоскостей. Такъ ли Петръ Ѳомичъ? Какъ возможно, чтобы отъ одного и того же предмета было множество различныхъ разстояній отъ трехъ пересѣкающихся плоскостей?

Калгановъ. Да что вы? Вѣдь, мысли-то разныя.

Сократъ. Какъ разныя? мысль одна: бутылка стоитъ на столѣ. Повторите ее хоть тысячу разъ, мысль останется одна и та же?

Калгановъ. Да, вѣдь, одну и ту же мысль думаю я, Катерина Ивановна, вы, и т. д.; а, вѣдь, это большая разница!

Сократъ. Такъ что же? Если я, вы, Катерина Ивановна и проч. суть пространственныя вмѣстилища одной и той же мысли, то затрудненіе остается по прежнему, т. е., невозможно чтобы *одна и та же вещь* находилась, *въ одно и то же время во многихъ* различныхъ мѣстахъ. При этомъ, конечно, не должно разумѣть слово: одинъ и тотъ же, въ смыслѣ *одинаковаго*. Дюжина и, сколько хотите, одинаковыхъ стакановъ, могутъ находиться въ разныхъ мѣстахъ, но одинъ и тотъ же только въ одномъ. Если мысль не матеріальна, то она, одна и таже, можетъ принадлежать и быть мыслима въ одно и то же время, сколькими хотите, душами. Затрудненія никакого нѣтъ, ибо ни мысль, ни душа, не существуя въ пространствѣ, ни другъ отъ друга и ни отъ чего другаго не находятся въ разстояніи.

Калгановъ. Не знаю какъ, но чувствую, что вы меня здѣсь въ чемъ то запутали!...

Въ это время хозяйка пригласила всѣхъ присутствующихъ въ столовую закусить и опять посадила меня и Сократа рядомъ съ собою.

„Вы устали, Сократъ Ивановичъ“, говорила она, обращаясь къ нему, „отдохните и покушайте превосходной осетрины, которую я сама покупала. А вотъ“, продолжала она, указывая на графинчикъ, „стоитъ и любимый вами, мною самою настоенный ерофеичъ“.

„Съ удовольствіемъ воспользуюсь всѣмъ этимъ“, сказалъ Сократъ и весь погрузился въ потребленіе ерофеича и осетрины, какъ бы не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и шумный разговоръ, поднявшійся между присутствующими.

„Меня просто зависть беретъ“, говорилъ, покатываясь со смѣху, Калгановъ, „какъ ухаживаетъ за нимъ Катерина Ивановна! Да, господа, я вижу, что выгодно быть духомъ внѣ пространства и скоро самъ выпрыгну изъ него въ догонку за Сократомъ Ивановичемъ“.

Я. А, ну, какъ все таки изъ пространства не уйдете!? Вотъ, спириты говорятъ, что духи существуютъ въ какомъ то 4-мъ измѣреніи пространства. Одинъ изъ нихъ, кажется, ученый физикъ Цельнеръ, въ такъ называемомъ *трансѣ* возносился въ это 4-ое измѣреніе, подъ руководствомъ медиума Следа!

Красотнинъ. Нѣтъ, господа, шутки въ сторону, это, чортъ знаетъ, на что похоже! Что же послѣ этого точныя естественныя науки съ ихъ математическими вычисленіями, съ ихъ непреложнымъ предвидѣніемъ явленій, какъ напр., въ астрономіи секунда въ секунду безошибочно предсказываются будущія небесныя событія? Какъ это было бы возможно, если бы дѣйствительно не существовало движенія? А возможно ли движеніе безъ пространства и времени?

Серебрякова. Да, ужъ не подлежитъ ли у Сократа Ивановича и время, и движеніе одной части съ пространствомъ? Потомъ, если по его мнѣнію, тѣло и другія, занимающія пространство, вещи скрываютъ подъ собой духовныя субстанціи, то, значитъ, каждая пылинка есть какое нибудь духовное существо, можетъ быть, способное чувствовать, хотѣть, страдать и наслаждаться. Тогда, значитъ, ступить и двинуться нельзя безъ боязни нанести кому нибудь страданіе, боль!!

Карамазовъ. Да, вѣдь, и безъ Сократа Ивановича уже теперь ученые, хоть, на примѣръ, тотъ же Цельнеръ, какъ я гдѣ-то читалъ, думаетъ, что атомы чувствуютъ удовольствіе и недовольство. Вотъ, также знаменитый Геккель нашелъ, что клѣточки и какія то пластидулы или комочки органическаго вещества имѣютъ души. Мнѣ, признаюсь, какъ то по сердцу мысль, что мертвой, безжизненной, безчувственной и бессмысленной природы совсѣмъ нѣтъ, что и ничтожнѣйшее, если только оно дѣйствительно причастно бытію, все таки родственно съ самымъ высочайшимъ, хотя и безконечно разнится отъ него по степени. Хотя я еще не могу считать себя вполне согласнымъ съ Сократомъ Ивановичемъ, но все таки сильно сочувствую его воззрѣніямъ!

Красотинъ. Что Цельнеръ былъ фантазеръ и, можетъ быть, человѣкъ психически тронутый, доказываютъ скандальныя занятія его спиритизмомъ. Что же касается до Геккеля, то авторитетъ его въ ученomъ мiрѣ понизился съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ фантазировать о клѣточныхъ душахъ. Я уже говорилъ о томъ, что гдѣ нѣтъ нервной системы, ясно и несомнѣнно выраженной, тамъ и рѣчи быть не можетъ о психическихъ состояніяхъ, а только о механическихъ рефlekсахъ органической ткани.

Въ это время Катерина Ивановна обратилась къ Сократу съ словами: „слышите ли, Сократъ Ивановичъ, что они тамъ говорятъ“?

Сократъ. Слышу, Катерина Ивановна! Дѣло естественное, что люди промываютъ бока ближнему, если онъ замѣтно отступаетъ отъ обычнаго образа мыслей или дѣйствій! Не хорошо только то, что начинаютъ эту промывку гораздо раньше, чѣмъ онъ достаточно высказался въ словѣ или дѣлѣ. Совершенно справедливо замѣтила, кажется, Анна Михайловна, что, по моему, и время, и движеніе должны раздѣлить участь пространства. Значить, въ слѣдующій разъ мнѣ придется доказывать, если будетъ то угодно присутствующимъ, что какъ время, такъ и движеніе существуютъ только въ актѣ представленія и мышленія. Доказательство это будетъ для меня тѣмъ болѣе важно, что окончательно должно убѣдить всѣхъ въ полной самостоятельности духовныхъ субстанцій, ибо идеи времени, пространства и движенія, а съ ними и весь пространственно-временный мiръ, отъ котораго мы, повидимому, зависимъ, суть продукты ихъ дѣятельности. Но какъ скоро намъ удастся разоблачить иллюзію этого міра, то можно будетъ сдѣлать шагъ отъ его весьма подробныхъ и точныхъ значковъ къ истинно существующему міру субстанцій и метафизическому истолкованію нашего внѣшняго опыта, или пространственно-временныхъ явленій: ибо образованіе нами нашего значковаго міра совершается не по случайному произволу, или капризу индивидуума, а по *всеобщимъ и неизблемымъ* законамъ нашей представляющей дѣятельности, законамъ, коренящимся въ самой природѣ нашей субстанціи. По этому,

какъ весь нашъ опытъ, относящійся къ перемѣнамъ въ пространствѣ и времени, такъ и законы, логически выведенные изъ него въ естествовѣдѣніи, нисколько не теряютъ своей силы и имѣютъ высокую цѣнность не только *практическую* въ предвидѣніи перемѣнъ, совершающихся въ пространствѣ, но и *теоретическую* для метафизики и правильнаго построенія ея дѣйствительнаго бытія. И такъ, та метафизика, на которую я едва только намекнулъ вамъ, нисколько не препятствуетъ естествовѣдѣнію дѣлать свое дѣло и если можетъ кому помѣшать, то только матеріалистической метафизикѣ, которая незаконно эксплуатируетъ естествовѣдѣніе въ свою пользу.

„Что касается до высказаннаго опасенія, что защищаемая мною теорія, расширяя кругъ существъ, имѣющихъ психическую жизнь и чувствующихъ страданіе и наслажденіе, какъ бы стѣсняетъ насъ въ нашихъ отношеніяхъ къ окружающему міру, налагая на насъ новыя безчисленныя обязанности, то это опасеніе основано на недоразумѣніи и на ложной сантиментальности. Кругъ нашихъ нравственныхъ обязанностей нисколько не увеличивается сравнительно съ тѣмъ и безъ того обширнымъ кругомъ, который мы признаемъ и теперь; и мнѣніе, что будто бы мы должны налагать на себя какія то особыя обязанности къ низшимъ существамъ, какъ то дѣлаютъ, напр., индусы, по вѣрѣ въ переселеніе душъ, основано на недоразумѣніи. Къ болѣе близкимъ намъ существамъ, каковы высшія животныя, мы и теперь сознаемъ нѣкоторыя обязанности, напр., не мучить, не истреблять ихъ жестоко и бессмысленно и т. под.; но это нисколько не мѣшаетъ намъ употреблять ихъ въ пищу или пользоваться ими какъ либо и наконецъ просто истреблять ихъ, если они оказываются для насъ вредными, каковы хищныя звѣри, ядовитыя змѣи, бѣшенныя собаки и т. п. При этомъ, конечно, не нужно забывать о томъ, что мы собственно не можемъ уничтожить субстанцій или измѣнить ихъ основную природу, на какой бы низкой ступени они ни стояли, по своему несовершенству. Вообще нравственныя обязанности наши относительно всяческихъ субстанцій имѣютъ свое основаніе въ нашихъ обязанно-

стяхъ къ высочайшей субстанціи, которая объединяетъ въ себѣ и собою все существующее въ гармоническій и вѣчный міро-порядокъ. Но, впрочемъ, объ этомъ мы будемъ подробно говорить, когда достигнемъ этического ученія съ точки зрѣнія *панпсихизма*.

„Что касается до расширенія современными учеными естествовѣдами круга существъ, живущихъ психически, то я вполне сочувствую этому направленію и съ удовольствіемъ повторилъ бы доброе слово, сказанное, по этому поводу, сейчасъ Алексѣемъ Теодоровичемъ. По этому я не могу согласиться съ оцѣнкой Николая Ивановича, которую онъ дѣлаетъ Цельнеру и Геккелю, честнымъ и талантливымъ, по моему, ученымъ, не смотря на излишнее, къ сожалѣнію, увлеченіе перваго спиритистическими опытами и на теорію клѣточныхъ душъ второго.

„Но особенно я не согласенъ съ нимъ въ мнѣніи, что у существъ безъ ясно и несомнѣнно выраженной нервной системы не можетъ быть психической жизни. Этому, по моему, совершенно противорѣчатъ изслѣдованія ученыхъ спеціалистовъ надъ низшими животными, начавшіяся съ Эренберга и продолжающіяся все въ болѣе широкихъ размѣрахъ до самого послѣдняго времени. Такіе ученые какъ Клапаредъ, Лахманъ, Пуше, Балбіани, Энгельманъ и многіе другіе свидѣтельствуютъ, что, по ихъ наблюденіямъ, микроскопическія одноклѣточные животные: инфузоріи, корненожки, грегарины и т. под., имѣютъ несомнѣнныя психическія отправленія, напр., волю, память, соображеніе, цѣлесообразное дѣйствіе, хотя о ясно и несомнѣнно выраженной у нихъ нервной системѣ едва ли можетъ быть рѣчь. Указываю на этотъ фактъ въ подтвержденіе положенія, которое я доказывалъ сегодня другимъ путемъ, что психическія функціи не зависятъ отъ существованія нервной системы и не могутъ быть объяснены изъ нея.

Послѣ этихъ словъ Сократа дамы подняли вопросъ о своемъ желаніи присутствовать вездѣ, гдѣ собираются мужчины, не исключая даже Малоярославца и Палкина. Было рѣшено, чтобы мы извѣщали ихъ о всякомъ сборищѣ, гдѣ предполагается какая либо

бесѣда. Вслѣдствіе этого рѣшенія мы съ Сократомъ должны были заявить о своемъ намѣреніи рассмотреть вопросъ о понятіи бытія у Канта. Рассмотрѣніе этого вопроса назначено было въ слѣдующее воскресенье у Сократа, при чемъ дамы пожелали даже принять участіе въ „отечественномъ симпозиумѣ“.

Давно уже былъ день и взошло солнце, когда мы распростнулись и разошлись ¹⁾.

Платонъ Калужскій.

¹⁾ Авторъ этой статьи обѣщалъ привести въ порядокъ, къ слѣдующей книжкѣ нашего сборника, еще нѣсколько записанныхъ имъ бесѣдъ.

ЗАМѢТКА О КНИГѢ Г. ШТЕЙНА.

Артуръ Шопенгауеръ, какъ человекъ и мыслитель. Опытъ біографіи Владиміра Штейна. Томъ первый. С.-Пб. 1887 г.

На судьбѣ сочиненій Шопенгауера у насъ въ Россіи можно отмѣтить степень отсталости нашей въ философіи отъ Европы. Шопенгауеръ, начавшій свою дѣятельность и въ существенномъ исполнѣ высказавшійся въ первой четверти нашего вѣка, оставался, по разнымъ причинамъ, почти совершенно неизвѣстнымъ цѣлую четверть столѣтія и въ Германіи, его отечествѣ. Но когда разъ, съ конца сороковыхъ годовъ, началась его извѣстность въ Германіи, то, не переставая ни на одно мгновеніе, его слава и значеніе его философіи расширялись съ возрастающею скоростью. Съ пятидесятихъ годовъ его сочиненія и воззрѣнія дѣлаются предметомъ массы журнальных статей и отдѣльных книгъ; его воззрѣнія подробно разбираются, изслѣдуются, комментируются, оспариваются и отстаиваются. Въ концѣ шестидесятихъ и въ семидесятихъ годахъ начинается образовываться обширная *шопенгауеровская школа*, гдѣ развивается основной принципъ его философіи въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ съ другими философскими принципами. Имена Гартмана, Банзена, Фрауенштедта, Бильгарца, Нуаре и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей означаютъ представителей особыхъ развѣтвленій этой школы. Въ концѣ шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ кромѣ Германіи и другія европейскія страны: Англія,

Франція и даже Италія быстро знакомятся съ философіей Шопенгауера и его сочиненіями. Такимъ образомъ, къ восьмидесятымъ годамъ Шопенгауеръ дѣлается въ Европѣ такимъ же общимъ достояніемъ какимъ стали Декартъ, Локкъ, Юмъ, Лейбницъ и Кантъ.

Что касается до нашего отечества, то и теперь еще Шопенгауеръ не сдѣлался предметомъ, хотя бы поверхностно знакомымъ самому верхнему слою нашей образованной публики. Правда, въ послѣдніи три, четыре года уже появились переводы почти всѣхъ сочиненій Шопенгауера. Но, по крайней мѣрѣ, мы не можемъ еще указать солидныхъ сочиненій или статей, въ которыхъ основательно разрабатывалась и изслѣдовалась бы философія Шопенгауера въ ея цѣломъ, или въ отдѣльных частяхъ. Все, что мы имѣли о Шопенгауерѣ,—это немногія легкія журнальныя статейки и 2, 3 диссертации на ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ, заключающія въ себѣ обязательныя для таковыхъ диссертаций разсмотрѣніе и критику этой философской системы съ точки зрѣнія христіанской религіи. Можно ожидать, что совершившійся въ этомъ году столѣтній юбилей рожденія Шопенгауера ознаменуется у насъ появленіемъ болѣе обширныхъ изслѣдованій о философіи какъ специально Шопенгауера, такъ и другихъ представителей его школы. По крайней мѣрѣ начало этому положено Московскимъ Психологическимъ Обществомъ, которое уже выпустило, по поводу этого юбилея, книгу, могущую сдѣлать весьма пріятное впечатлѣніе на почитателей Шопенгауера, къ числу которыхъ смѣю причислить и себя¹⁾.

¹⁾ Книжка эта представляетъ I-й выпускъ трудовъ Московскаго Психологическаго Общества и озаглавлена такъ: „Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія. Съ портретомъ. Москва 1888 г.“ Въ этой книжкѣ заключаются четыре, по моему, хорошо составленныя статьи о Шопенгаурѣ а именно: 1) Біографическій очеркъ В. И. Штейна; 2) О значеніи философіи Шопенгауера, Н. Я. Грота; 3) Нравственное ученіе Шопенгауера, Л. М. Лопатина; 4) Очеркъ теоріи знанія Шопенгауера, В. П. Преображенскаго. Въ слѣдующей книжкѣ моего сборника я помѣщу рецензію этихъ статей. Цѣна книжкѣ о Шопенгауерѣ 1 р. 50 к.

Но въ ожиданіи критическихъ трудовъ, выполнѣ опѣнивающихъ значеніе философіи Шопенгауера въ развитіи философской науки, мы неожиданно получаемъ чрезвычайно подробную и обстоятельную біографію философа, предлагаемую намъ г. Штейномъ, т. е., трудъ, который, при болѣе нормальномъ теченіи вещей, могъ бы служить только завершеніемъ цѣлаго ряда критическихъ трудовъ. Появленіе этой біографіи я объясняю случайною симпатією г. Штейна къ Шопенгауеру и его философіи, симпатією, проявляющеюся въ цѣлой книгѣ во многихъ отношеніяхъ.

Біографіа г. Штейна, которой мы имѣемъ еще только 1-ую половину, представляя чрезвычайно *подробное изслѣдованіе о его жизни*, можетъ служить въ то же время весьма солиднымъ источникомъ и для знакомства съ *содержаніемъ философіи Шопенгауера*, и, до извѣстной степени, съ *ея значеніемъ*.

Разсказывая о различныхъ обстоятельствахъ и эпизодахъ жизни философа, авторъ иллюстрируетъ и объясняетъ ихъ его идеями и воззрѣніями. При этомъ г. Штейнъ слѣдитъ не только за идеями или теоріями Шопенгауера, находящимися въ его выработанныхъ сочиненіяхъ, но и указываетъ на зачатки и различныя стадіи развитія этихъ идей, разбросанныя въ разныхъ тетрадахъ и даже на поляхъ книгъ. Такъ, напр., описывая, что во время студенческой жизни Шопенгауеръ относился отрицательно къ корпоративнымъ студенческимъ уставамъ, дуэлямъ и т. п., авторъ сейчасъ же иллюстрируетъ это отношеніе мнѣніями философа, высказанными имъ въ статьѣ: „О рыцарской чести и дуэляхъ“. Или, разсказывая объ удаленіи молодого Шопенгауера отъ общества, отъ внѣшнихъ связей и т. п., авторъ сближаетъ эти явленія съ воззрѣніями философа на мотивы, которые сводятъ людей въ общественной жизни и которые, какъ извѣстно, Шопенгауеръ видѣлъ въ томъ, что люди, имѣя чрезвычайно ограниченныя умственные интересы, не могутъ выносить уединенія и ищутъ общества, въ которомъ такъ или иначе удовлетворялись бы разныя влеченія эгоистической воли.

Съ другой стороны г. Штейнъ, описывая различныя обстоятельства жизни Шопенгауера, указываетъ на встрѣчи и отношенія съ людьми, которые имѣли вліяніе на выработку его теорій, какъ напр., отношеніе и знакомство съ Гёте повело Шопенгауера къ изслѣдованію теоріи зрѣнія и цвѣтовъ, а это изслѣдованіе играло важную роль въ выработкѣ основныхъ идей его теоріи познанія.

Говоря о времени того или другого сочиненія философа, Штейнъ излагаетъ и главное содержаніе и важнѣйшіе выводы сочиненія. Такъ напр. въ 4-ой главѣ мы имѣемъ полное изложеніе сочиненія: „Міръ, какъ воля и представленіе“. Вообще относительно характера Шопенгауера какъ человѣка и философа, мы имѣемъ въ книгѣ Штейна самое обстоятельное указаніе, какъ на его природныя свойства, такъ и на вліяніе на него людей и обстоятельствъ.

Но, кромѣ изложенія тѣхъ обстоятельствъ, которыя касаются Шопенгауера и его жизни, мы находимъ у г. Штейна *попутныя характеристики*, въ томъ или другомъ отношеніи, времени и обстоятельствъ, среди которыхъ жилъ философъ; такъ напр., хороша, по моему, характеристика университетскихъ отношеній и общаго теченія университетской жизни въ связи съ общимъ политическимъ и общественнымъ положеніемъ Пруссіи и Германіи въ то время, когда Шопенгауеръ дѣлалъ попытки къ профессорской дѣятельности (стр. 391 и слѣд.). При этомъ обстоятельно указывается на характеръ академическаго преподаванія философіи, на стѣсненіе свободы въ ея преподаваніи и на нѣкоторое подчиненіе его теологическимъ цѣлямъ и тенденціямъ. Особенно хорошо очерчено у г. Штейна значеніе Гегеля въ академическомъ преподаваніи, его служеніе правительственнымъ цѣлямъ и особенно планамъ министра Альтенштейна, и объясненіе огромной популяриности Гегеля, какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и внѣ ихъ, соотвѣтственно съ духомъ времени. Въ связи съ описаніемъ этихъ обстоятельствъ г. Штейнъ ставитъ вопросъ, могъ ли Шопенгауеръ быть въ то время дѣятелемъ на философской кафедрѣ Берлинскаго университета. Этотъ вопросъ г. Штейнъ рѣшаетъ такъ, что, хотя по своимъ

возврѣніямъ на государство и вообще по политическимъ мнѣніямъ, Шопенгауеръ могъ не вооружать противъ себя правительства, но уже значительно расходился съ нимъ въ задачахъ философіи. Для Шопенгауера она должна искать только истину и вполне игнорировать какія либо политическія или религіозныя соображенія, между тѣмъ какъ для тогдашняго правительства эти послѣднія стояли на первомъ планѣ. Изъ за религіи же, къ которой Шопенгауеръ относился отрицательно, возможны были и прямыя столкновенія съ правительственной властью. Затѣмъ Шопенгауеръ не могъ бы ужиться съ Гегелемъ и гегеліанцами и вообще съ общимъ настроеніемъ университетскихъ дѣятелей. Наконецъ, Шопенгауеръ не могъ имѣть успѣха въ университетѣ и потому, что не могъ снисходить съ высотъ своего оригинальнаго мышленія и приспособляться къ окружающей рутинной средѣ, подчинявшейся духу времени (стр. 416 и слѣд.). Неудача дѣятельно выступить на университетскомъ поприщѣ съ своею философіею, вмѣстѣ съ давно уже волновавшимъ его раздраженіемъ на неизвѣстность и непризнание, отразились на Шопенгауерѣ въ его выходкахъ и рѣзкихъ нападкахъ на современную университетскую философію и особенно на Гегеля, котораго онъ осыпаетъ самою безцеремонною бранью въ родѣ: наглый пачкунъ нелѣпостей, воробыная голова, мѣднолобый и т. п. Это воздѣйствіе на Шопенгауера неудачи на поприщѣ преподаванія весьма обстоятельно выяснено г. Штейномъ на стр. 439 и слѣд.

Но кромѣ этой частной неудачи г. Штейнъ весьма хорошо указываетъ на общій характеръ жизненныхъ обстоятельствъ Шопенгауера, по которымъ его вообще можно назвать *неудачникомъ* и которыя нарушали гармонію въ его душевномъ настроеніи, каковы напр.: банкротство его должника, разрывъ съ сестрою и съ любимою женщиною, нелѣпый процессъ, въ которомъ Шопенгауеръ былъ жертвой шантажа со стороны наглой и хитрой бабы ¹⁾, неудача

¹⁾ Нѣкая старая швея Маркетъ позволяла себѣ нѣсколько разъ безъ всякой надобности входить въ квартиру Шопенгауера и когда онъ,

плана перевести на нѣмецкій языкъ Юма, а на англійскій языкъ Канта.

Хорошо также очерчены г. Штейномъ отношенія Шопенгауера къ женщинамъ, его любовныя похожденія въ Италиі, его предположеніе уже въ сорокалѣтнемъ возрастѣ вступить въ бракъ по разсудку и, наконецъ, полное и окончательное отреченіе отъ счастья въ любви и семейной жизни, сообразно съ изреченіемъ Петrarки: „кто ищетъ спокойствія, да избѣгаетъ женщины — этого вѣчнаго источника споровъ и тревоженій“, и по примѣру другихъ философовъ, Декарта, Лейбница, Спинозы и Канта, также отрехшихся отъ брачной жизни ради философіи и спокойной жизни, необходимой для успѣшной дѣятельности въ ней.

Вообще наша литература можетъ смѣло поблагодарить г. Штейна за начатый и обстоятельно веденный имъ трудъ, въ которомъ онъ добросовѣстно выполняетъ поставленную имъ себѣ задачу, изслѣдовать какъ и при какихъ условіяхъ слагалась личность философа (стр. 547).

Что касается до нѣкоторыхъ недостатковъ этого труда, то мы находимъ ихъ не важными, такъ, напр., кое гдѣ встрѣчаются иностранные термины, которые могли бы быть удобно замѣнены русскими, напр. *резиньяція* (стр. 307), *аллоизмы* (318). Затѣмъ отыскиванье со стороны г. Штейна вездѣ авторитетовъ, на которые онъ могъ бы сослаться, кажется намъ излишнею роскошью. Такъ, неужели нужно было ссылаться на авторитетъ князя Цертелева

послѣ безуспѣшныхъ приглашеній не беспокоить его и выйти вонъ, принужденъ былъ выпихнуть ее изъ квартиры силой, то она притворилась разбившеюся отъ паденія и тѣмъ лишившеюся средствъ къ пропитанію. Возникшій, по жалобѣ Маркетъ, процессъ былъ веденъ почти 4 года въ разныхъ инстанціяхъ и, вслѣдствіе отчасти невниманія къ дѣлу Шопенгауера, отчасти его запальчивости, кончился тѣмъ, что высшій судъ приговорилъ Шопенгауера къ уплатѣ Маркетъ ежегодной пенсіи, которую онъ и долженъ былъ уплачивать въ теченіи 20 лѣтъ, до самой ея смерти.

для опроверженія такого пошляка, какъ докторъ Зейдлицъ, видѣвшій въ Шопенгауерѣ психически больного? Далѣе недостаткомъ въ трудѣ г. Штейна мы находимъ то, что онъ не остановился на несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи Шопенгауера, хотя и имѣлъ къ тому поводъ; напр., при указаніи на немногія стихотворенія Шопенгауера, которыя, замѣтимъ мимоходомъ, хорошо переведены на русскій языкъ самимъ Г. Штейномъ. Кромѣ того, поводъ къ замѣчанію о поэтическомъ дарованіи философа могли дать масса мѣстъ художественнаго характера и въ его философскихъ сочиненіяхъ и даже сама его система.

Біографія Шопенгауера составлена г. Штейномъ на основаніи самыхъ лучшихъ источниковъ, каковы, напр., біографіи Гвиннера, Фрауенштедта, Линднера, Ашера, Фромана и друг.

Закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ г. Штейну счастливаго окончанія и второй половинны его труда, причемъ пожелаемъ ему также избѣжать въ ней той страшной массы опечатокъ, которыя все таки нѣсколько нарушаютъ спокойное настроеніе читателей.

А. Козловъ.

Нѣчто о „научной философіи“ и о научномъ философѣ.

Съ январскаго помера 1888 г. „Русской Мысли“ начался, по видимому, рядъ статей г. В. В. Лесевича, подъ заглавіемъ: „Что такое научная философія“. побудившихъ меня къ настоящей статьѣ.

Побужденіе это двояко: съ одной стороны я хочу защитить *характеръ своей учено-литературной дѣятельности* отъ умышленнаго извращенія ея г. Лесевичемъ, съ другой я хочу оградить философію отъ *произвольной и фальшивой* характеристики ея школъ, направленій и дѣятелей ¹⁾.

Статья г. Лесевича начинается нападеніемъ на разныхъ лицъ, а именно: на гг. Владиміра Соловьева, Милославскаго, Страхова, Лопатина, де-Роберти, Грота, Вырубова и на нижеподписавшагося

¹⁾ Съ мартовской книжки „Русской Мысли“ и по Іюнь рядъ статей Г. Лесевича, не извѣстно почему, перервался. Не смотря на то, что статья Г. Лесевича еще не кончена (по моему, ему остается еще выпустить своего козырного туза, нѣмецкаго философа—Лааса), я все таки рѣшаюсь говорить о ней, потому что для моей цѣли достаточно и того, что напечатано. Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду вовсе не критику тѣхъ безсвязныхъ отрывковъ изъ разныхъ писателей, которые приводитъ Г. Лесевичъ, но общую характеристику тона, манеры и направленія, въ которыхъ онъ относится къ существующимъ философскимъ школамъ.

автора этой статьи Я не считаю себя призванным и уполномоченным защищать эти лица и думаю, что они, если захотятъ, могутъ это сдѣлать гораздо лучше меня сами, но я считаю нужнымъ показать читателямъ *общій характеръ* отношеній и нападеній г. Лесевича на лицъ, принадлежащихъ, по его мнѣнію, къ другимъ, чѣмъ онъ, направленіямъ. Это отношеніе не есть спокойная ученая критика, ибо критики нѣтъ вовсе; это не есть даже страстное, хотя бы и переходящее должную мѣру, увлеченіе, которое иногда проявляется въ спорѣ между представителями различныхъ мнѣній въ какомъ либо животрепещущемъ вопросѣ. Нѣтъ! г. Лесевичъ самымъ высокомернымъ и презрительнымъ тономъ просто *третируетъ* вышеозначенныхъ лицъ и позволяетъ себѣ относительно ихъ такіе термины и выраженія, которые возможны были бы развѣ только для общепризнаннаго великаго ученаго и учителя по отношенію къ позволившимъ себѣ перечить ему дерзкимъ школьникамъ и невѣждамъ. Такъ, по выраженію г. Лесевича, лица эти суть ничто иное, какъ „отсталые и праздноболтающіе о философскихъ матеріяхъ мистики, метафизики и химеросозидатели“, люди, незнающіе „истинной современной и научной философіи“ и „занятые пережевываніемъ старой философской жвачки“, давно уже сданной въ архивъ научною философіею. Въ этой жвачкѣ или, своего рода, „сказкѣ о бѣломъ бычкѣ“ г. Лесевичъ видитъ продукты „прослѣженной Маудсли *психеленсіи* или болѣзненное состояніе, которое названо Ломброзо *мизонеизмомъ*, такъ что окончательное рѣшеніе объ этихъ продуктахъ придется“, по мнѣнію научнаго философа, „произнести психіатрамъ“ (См. Русская Мысль, Январь 1888 г. стр. 1—10).

Кромѣ этихъ, относящихся ко *всѣмъ* вышеупомянутымъ лицамъ характеристикъ, г. Лесевичъ присоединяетъ таковыя же, относящіяся къ *каждому* порознь, постоянно упражнялся при этомъ въ особаго рода остроуміи, котораго я и приведу нѣсколько образчиковъ.

Выписывая слѣдующую фразу изъ книги одного изъ назван-

ныхъ лицъ: „абсолютное предстоитъ философу такъ же, какъ передъ физикомъ предпосится идеаль субстрата всѣхъ физическихъ явленій, познаніе котораго было бы равносильно познанію всѣхъ физическихъ явленій“, г. Лесевичъ съ остроуміемъ, которое обыкновенно приводитъ въ восторгъ отечественныхъ *передовыхъ под-ростковъ* лѣтъ въ 17, прибавляетъ отъ себя: „не останавливаясь надъ вопросомъ, идетъ ли тутъ дѣло о глупомъ физикѣ или просто на просто метафизикѣ, мы и такъ можемъ судить, какъ нельзя лучше, о томъ униженіи, до котораго низвелъ авторъ идею научной философіи. Едва ли униженіе это не превосходитъ то, которое претерпѣваетъ чистая богиня въ одномъ изъ разсказовъ Лукіана“ (стр. 5). Про другое лицо г. Лесевичъ съ тѣмъ же остроуміемъ говорить, что будто оно „воображаетъ, какъ пѣтухъ въ баснѣ, что солнце восходитъ лишь изъ за страстнаго желанія слушать его пѣніе“. Надъ третьимъ иронизируетъ такимъ образомъ: „можемъ ли мы умолчать о несравненномъ проектѣ *новаго* зданія, въ *новомъ* стилѣ и съ *новыми* архитектурными приѣмами въ придачу,—проектѣ, вышедшемъ изъ подъ пера самаго *консеквентнаго* и самаго *перспекаснаго* изъ всѣхъ нашихъ *филозофовъ*“ ¹⁾ и т. д. (стр. 7). А вотъ и еще *блестка* ироническаго остроумія: „И такъ“, говоритъ г. Лесевичъ, объ одномъ изъ тѣхъ же лицъ, „принципъ химеросозиданія найденъ, и всякому теперь ничего не стоитъ пользоваться имъ. Зачѣмъ легкомысленно отвергать—ну, хоть наивное вѣрованіе, на-примѣръ, что міръ на трехъ китахъ держится? Надо благополучно воротиться къ нему, какъ исходной точкѣ нашего мышленія, надо опять сѣсть у ногъ старой няньки и благоговѣйно выслушать ея простодушное повѣствованіе, запечатлѣвая его въ умѣ и сердцѣ, какъ увѣнчаніе зданія нашего умственнаго развитія“, и т. д. (стр. 8).

Такими и множествомъ другихъ подобныхъ имъ выходокъ наполнена у г. Лесевича спеціально и сплошь вся первая глава его

¹⁾ Выраженіе: „филозофъ“, принадлежитъ самому Г. Лесевичу и составляетъ не опечатку, а блестяку остроумія.

статьи, а отчасти и другія, всего добрая *треть* двухъ статей о „научной философіи“. Читаешь и съ удивленіемъ спрашиваешь себя, да на чемъ же основываетъ г. Лесевичъ такое безцеремонное и высокомерное отношеніе къ названнѣмъ лицамъ, и иногда невольно, по его примѣру, думаешь, что не одержимъ ли самъ научный философъ особаго рода маніей научнаго величія, можетъ быть, и не „прослѣженной Мaudсли“.

Теперь я обращаюсь къ собственной защитѣ и, признаюсь, дѣлаю это не охотно и только по крайней необходимости. Если всѣ, думаю я, будутъ оставлять *безъ отпора и протеста* нарушенія приличія и справедливости въ борьбѣ мнѣній, ведущейся путемъ печати, то русская литература, съ каждымъ днемъ, все спускающаяся ниже и ниже въ серьезности, совсѣмъ одичаетъ. Лично мнѣ г. Лесевичъ посвящаетъ ровно 18 строкъ (стр. 6 и 7), которыя, конечно, заняты не критикой или опроверженіемъ какихъ нибудь моихъ воззрѣній, а отчасти упражненіемъ въ остроуміи, о которомъ говорится выше, отчасти *инсинуаціею*, въ которой г. Лесевичъ хочетъ бросить неблаговидную тѣнь на мою учено-литературную дѣятельность. Остроуміемъ я безпрепятственно предоставляю тѣшиться г. Лесевичу, но не могу оставить безъ разоблаченія инсинуацію, которая заключается въ слѣдующемъ. Г. Лесевичъ говоритъ, что въ моихъ „построеніяхъ, которыя можно назвать своего рода восточными, можно замѣтить нѣчто общее не то съ испепеляющимъ взоромъ Василиска, не то съ устремленными къ пресѣченію мѣрами управы благочинія. Онъ (т. е., я, Козловъ) мѣтитъ не болѣе, не менѣе какъ на искорененіе всякихъ „измовъ“. И что за благодать снизойдетъ тогда на нашу юдоль! Дерево философіи быстро заглушитъ всякую сорную траву (измы), само собою выработаетъ такое чудно-художественное расположеніе вѣтвей, крону и проч., какихъ никогда не дадутъ патентованные садовники, и, въ концѣ концовъ, отъ своего цвѣта будетъ отдѣлять цѣлебные ароматы въ окружности радіуса, теряющагося въ неизмѣримой дали пространства и времени“.

Прочтя это мѣсто г. Лесевича, всякій незнакомый съ моими „Философскими Этюдами“, на которые дѣлаетъ онъ ссылку, весьма легко можетъ подумать, что мое сочиненіе имѣетъ въ виду не философію и ея содержаніе, а какое либо участіе и прикосновеніе къ мѣрамъ, которыя полиція принимаетъ въ своей борьбѣ съ нарушителями государственнаго или общественнаго порядка. Между тѣмъ какъ на страницѣ XIV-й (а также и XIII-й), показанной у г. Лесевича, я говорю о но я предпочитаю лучше сдѣлать точную выписку своихъ словъ.

„Что касается до насъ“, говорю я, „то едва ли нужно доказывать читателю, что эта наука (т. е., философія) находится у насъ не только въ застоѣ, но даже хуже того, просто въ загонѣ. Кому не встрѣчались, повидимому, имѣющіе нѣкоторую степень образованія подростки, которые считаютъ своею священною обязанностью оскалить зубы и даже заржать при одномъ только произнесеніи слова: философія? Кто не знаетъ того, что огромное большинство людей, хорошо знакомыхъ съ какой либо спеціальной наукой, особенно изъ естественныхъ, только презрительно пожимаютъ плечами, когда въ ихъ присутствіи бываетъ упомянуто имя какого либо дѣятеля по философіи. Не тайна также и то, что много людей имѣющихъ, по своему положенію, вѣсъ въ общественной жизни по старой памяти продолжаютъ относиться подозрительно къ философіи, ставя ее на одну доску съ разными зловредными измами“.

Ясно для всякаго, не имѣющаго предвзятаго умысла исказить мою мысль, что въ этихъ словахъ я ничего другого не хочу сказать, какъ то, что для процвѣтанія философіи въ русскомъ обществѣ чрезвычайно неблагоприятно какъ вообще презрительное отношеніе къ ней публики, такъ и спеціально подозрительное и даже враждебное отношеніе лицъ, пользующихся особеннымъ вліяніемъ, по своему положенію, на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Ясно также и то, что словомъ: *измы*, словомъ, на которомъ, главнымъ образомъ, и разыгрываетъ свою инсинуацію г. Лесевичъ, я въ этомъ мѣстѣ неопредѣленно обозначаю какія либо ученія, угро-

жающія государству, общественному порядку и т. п. съ которыми, по моему мнѣнію, философія, какъ наука, отнюдь не должна быть смѣшиваема.

Далѣе я говорю: „А между тѣмъ основное убѣжденіе всякаго вѣрнаго приверженца этой науки заключается въ томъ, что культура философіи въ обществѣ есть самая важная опора противъ всяческихъ *измовъ*, которые, какъ односторонности, должны быть непремѣнно упразднены философскимъ синтезомъ и должны утонуть въ *единомъ міросозерцаніи*. Единство же міросозерцапія имѣетъ своимъ практическимъ послѣдствіемъ и своею идеальною послѣднею цѣлью *объединеніе индивидуальныхъ влеченій* и дѣятельностей въ одну общую волю и гармоническую дѣятельность цѣлаго общества, человѣчества и черезъ него, смѣю сказать, цѣлаго міра. Но, чтобы философія прошла всѣ процессы своего развитія и роста и чтобы достигла этой послѣдней плодоносной стадіи, для нея необходимы условія, состоящія не столько въ положительномъ уходѣ за нею, сколько въ отрицательномъ устраненіи отъ нея всѣхъ препятствій къ естественному росту. Не столько нужны, напр., спеціальныя садовники для культуры этого чуднаго растенія, сколько доступъ свѣта и воздуха. Всякія попытки подрѣзать древо философіи по какому либо шаблону, образовать извѣстной формы крону, направлять его стволъ и вѣтви въ какомъ либо условномъ направленіи, могутъ дать только одинъ тотъ результатъ, что растеніе зачахнетъ на первыхъ шагахъ“ (Фил. Этюды, стр. XIV).

Въ этихъ словахъ, очевидно опять таки для всякаго, я выражаю ту мысль, что интенсивная культура философіи въ обществѣ можетъ со временемъ привести къ единому міросозерцанію и устранить или ослабить всю рознь и борьбу въ обществѣ, происходящую отъ различія въ понятіяхъ, направленіяхъ и влеченіяхъ. Далѣе я высказываю ту мысль, что для этой культуры философіи самымъ важнымъ условіемъ должна быть ея свобода, что на философію нельзя возлагать какія либо постороннія цѣли, напр., служеніе кон-

сервативнымъ, или либеральнымъ, или радикальнымъ партіямъ, или общественнымъ настроеніямъ и т. под.

Затѣмъ слѣдуютъ слова, отчасти цитируемыя и г. Лесевичемъ, а именно: „Но если обезпечены одни только естественныя условія для его (т. е., древа философіи) развитія, то оно быстро заглушитъ всякую сорную траву (измы), само собою выработаетъ такое чудно-художественное расположеніе вѣтвей, крону и пр., какихъ никогда не дадутъ патентованные садовники, и въ концѣ концовъ отъ своего цвѣта будетъ отдѣлять цѣлебные ароматы въ окружности радіуса, теряющагося въ неизмѣримой дали пространства и времени“.

Очевидно, что въ этихъ словахъ я высказываю свою мечту объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ въ будущемъ, къ которымъ могла бы привести интенсивная и свободная культура въ обществѣ философіи, какъ науки. Очевидно также, что подъ словомъ: „сорная трава (измы)“, я разумѣю вообще всяческія заблужденія или мнѣнія, которыя нарушаютъ единство и обусловливаютъ общественную рознь, и которыхъ, конечно, не будетъ, когда восторжествуетъ истина, которая *только одна*, а потому и единить всѣхъ причастныхъ къ ней.

Несомнѣнно, что какъ г. Лесевичъ, такъ и всякій другой могли бы сказать мнѣ, что я заблуждаюсь въ своихъ мечтахъ, что никогда не будетъ торжества единой истины, единого міросозерцанія и всегда останутся различія мнѣній и настроеній (измы); или можно было бы сказать, что я ошибаюсь въ томъ, что единеніе можетъ произойти отъ культуры философіи и что оно зависить отъ какихъ нибудь другихъ причинъ, можетъ быть, даже и совсѣмъ неустранимыхъ и т. п. Все это были бы естественныя возраженія. Но намекать, какъ дѣлаетъ то г. Лесевичъ, что я будто бы, вмѣсто философіи, предпринимаю какой то походъ противъ того, что преслѣдуется полиціей, это, говорю рѣшительно, не есть честный споръ съ противникомъ въ мнѣніяхъ, а есть *умышленно ложная инсинуація*, не приличествующая ни научному философу, ни просто литературному дѣятелю.

Что цѣль г. Лесевича состоитъ не въ указаніи и обличеніи моихъ ложныхъ воззрѣній, а только въ инсинуаціи, обнаруживается всего лучше изъ того, что онъ дѣлаетъ выписку не изъ какого либо моего сочиненія, ближайшаго къ настоящему времени, что было бы весьма естественно, но изъ сочиненія, написаннаго 12 лѣтъ тому назадъ (1876 г.), тогда какъ послѣ него вышло не мало моихъ сочиненій, ибо я почти каждый годъ что либо печаталъ и издавалъ. Это же сочиненіе (1-я часть „Философскихъ Этюдовъ“) было выбрано г. Лесевичемъ именно потому, что благодаря словечку: „измы“, употребленному мною неопредѣленно и въ разныхъ смыслахъ, а также благодаря не полной выпискѣ всего мѣста, гдѣ это словечко употреблено, Г-ну Лесевичу было удобно инсинуировать, что я предпринимаю вмѣстѣ съ „управою благочинія“ какія то „мѣры, устремленныя къ пресѣченію“.

Теперь обращаюсь къ произвольной характеристикѣ, которую дѣлаетъ г. Лесевичъ различнымъ направленіямъ философіи ¹⁾. Можно было бы ожидать, что основаніе высокомѣрнаго отношенія его къ лицамъ, какъ и онъ, занимающимся въ Россіи философіею, состоитъ въ томъ, что онъ или самъ *нашелъ и открылъ* что нибудь новое въ философіи, или же *смыслуетъ* за новыми открытіями и идеями другихъ, или же, наконецъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, *принадлежитъ* къ разумнѣйшему и наиболѣе истинному изъ существовавшихъ прежде направленій въ философіи. Но крайней мѣрѣ, на это, по видимому, бьетъ чуть не на каждой строкѣ употребляемое имъ выраженіе: „научная философія“, которую онъ какъ бы противо-

¹⁾ Настоящую статью мою я пишу въ предположеніи, что читатели, интересующіеся философскими вопросами, уже ознакомились съ статьей г. Лесевича, напечатанной въ такомъ распространенномъ журналѣ, какъ „Русская Мысль“. Поэтому я, по недостатку времени и мѣста, не могу загромождать мою настоящую статью длинными выписками изъ разбираемой мною статьи г. Лесевича. Тѣхъ же читателей, которые не знакомы съ его статьей, я просилъ бы прочесть ее, ибо въ такомъ случаѣ для нихъ будетъ яснѣе моя статья..

поставляетъ не научной философіи „праздноболтающихъ метафизиковъ, мистиковъ и химеросозидателей“. Если бы это было дѣйствительно такъ, то мы прежде всего должны были бы найти у г. Лесевича логическое и обстоятельное изложеніе понятій: *философіи*, далѣе *научной философіи* и, въ противоположность этой послѣдней, понятія *метафизики*, ибо нельзя отрицать что либо, не обозначивши ясно, что отрицаешь. Эти понятія могъ бы изложить г. Лесевичъ отъ себя или привести опредѣленія ихъ у ученыхъ философовъ, которыхъ мнѣнія онъ раздѣляетъ. Но отъ себя, кромѣ блестящихъ остроумій, съ которыми мы познакомились выше, кромѣ фразъ, въ которыхъ превозносится какая то „научная философія“ и кромѣ глумленія надъ „мистикой и метафизикой“, ничего г. Лесевичъ не приводитъ. Но точно также онъ не даетъ намъ никакихъ систематическихъ опредѣленій и объясненій, которыя были бы сдѣланы другими, такъ что на *главный вопросъ* всей его статьи: „что такое научная философія“, мы не находимъ сколько нибудь обстоятельнаго отвѣта. Правда, въ выпискахъ, которыя дѣлаетъ г. Лесевичъ изъ разныхъ писателей, попадаются фразы, указывающія, что нужно разумѣть подъ научной философіей. Такъ, напр., на стр. 14 (Январь) г. Лесевичъ говоритъ (отъ себя), что въ ней заключаются какіе то „междунануные или всенануные принципы“. На стр. 15 — что „философія есть научное познаніе челоуѣка, какъ существа разумнаго, нравственнаго и общественнаго“, — или тамъ же: что она, какъ наука „о челоуѣкѣ, охватываетъ все то, что челоуѣкъ можетъ знать, или совокупность ученій о челоуѣческомъ познаніи“. Или же на стр. 6-й (Февраль) читаемъ, что „позитивизмъ (въ смыслѣ научной философіи) есть не сводъ ученій, а методъ“. На той же 6-й стр. „психологія, по Селли, изслѣдуетъ процессъ познаванія съ одной только его субъективной стороны. Что же касается стороны объективной, т. е., вопроса о томъ, на сколько познаніе истинно или состоятельно, то этотъ вопросъ, по мысли Селли, вѣдаетъ уже не психологія, а *философія*, или теорія познанія, которая заключаетъ въ себѣ и логику“.

Конечно, эти отрывочныя и попутныя указанія не только не уясняютъ намъ, что разумѣтъ г. Лесевичъ, опираясь на излюбленныхъ авторовъ, подъ научной философіей, не папротивъ способствуютъ *недоразумѣнію и смыщенію понятій*. Что такое напр. „все-научные и между-научные принципы“? Едва ли что либо имѣетъ большее право на названіе „все-научныхъ принциповъ“, какъ законъ противорѣчія и законъ достаточнаго основанія, обыкновенно разсматриваемые въ логикѣ. Но, спрашивается, разсматриваетъ ли ихъ также научная философія; и если разсматриваетъ, то въ чемъ ея разсмотрѣніе этихъ законовъ отличается отъ разсмотрѣнія логики? Сообразно выпискѣ изъ Сѣлли, „философія или теорія познанія заключаетъ въ себѣ и логику“. Значитъ ли это, что логика есть часть теоріи познанія, подобно тому какъ этимологія есть часть грамматики? Тогда, конечно, нужно опредѣлить, чѣмъ занимается теорія познанія и чѣмъ логика. Если же нужно понимать дѣло такъ, что логика и теорія познанія суть одно и то же, только называемое двумя различными именами, тогда зачѣмъ *два имени* для одного и того же предмета?? Если же логика и теорія познанія различныя науки, то какъ одна изъ нихъ можетъ заключать другую? Какъ, напр., химія можетъ заключать въ себѣ геологію? Далѣе, какое опредѣленное понятіе можно выжать изъ словъ, что „философія есть научное познаніе человѣка, какъ существа разумнаго, нравственнаго и общественнаго“. Тутъ могутъ подразумѣваться всевозможныя науки: и логика, и психологія, и этика, и наука о правѣ, и политическая экономія, и соціологія, и даже географія, ибо всѣ онѣ изучаютъ человѣка съ какой либо изъ трехъ названныхъ точекъ зрѣнія. Потомъ, какъ нужно понимать въ выпискѣ изъ Сѣлли, что, напрямѣръ, „психологія изслѣдуетъ процессъ познаванія съ одной только субъективной стороны, а со стороны объективной т. е., на сколько познаніе истинно или состоятельно, то это вѣдаетъ уже не психологія, а философія или теорія познанія?“ Нужно ли это понимать такъ, что психологія только описываетъ, *какъ* мы познаемъ, что бы ни оказалось въ результатѣ: истина

или заблужденіе? Но тогда не странно ли будетъ говорить о „процессѣ познания“, если результатомъ его можетъ быть ложь, и объ особой наукѣ, психологіи, изучающей таковой процессъ! Точно также ничего опредѣленнаго не говорятъ слова, что научная философія есть „не сводъ ученій, а методъ“. Методъ чего, методъ пріобрѣтенія знаній что ли? Но тутъ опять у научной философіи будетъ столкновение съ логикой, которая тоже, вѣдь, занимается методами.

Наконецъ, что можемъ мы извлечь для характеристики научной философіи, когда въ одномъ мѣстѣ, напр. на стр. 2 (Февраль) г. Лесевичъ вмѣстѣ съ Гексли приписываетъ ей „самоотреченіе и резигнацію“, или на стр. 8-й устами того же Гексли считаетъ нужнымъ „бросить въ огонь всякую книгу, заключающую что либо кромѣ опытныхъ изслѣдованій эмпирическихъ фактовъ“, или на стр. 5 и 6 вмѣстѣ съ Лесли Стивенсомъ считаетъ для научной философіи недоступнымъ „объясненіе конечныхъ причинъ всѣхъ вещей“ и вообще разъясненіе задачъ, которыми занимались „самые знаменитые мыслители, переходящимъ за предѣлы того, что доступно разуму“, между тѣмъ какъ на стр. 7-й отъ себя утверждаетъ, что будто бы при какихъ то „условіяхъ самыя высшія умозрѣнія возможны и осуществимы“. Конечно, ничего нельзя извлечь, если мы не знаемъ, въ чемъ состоятъ „осуществимыя высшія умозрѣнія“, что разумѣетъ г. Лесевичъ съ цитируемыми имъ авторами подъ „конечными причинами“ и т. п. И такъ, изъ случайныхъ и отрывочныхъ фразъ о „научной философіи“ какъ самого г. Лесевича, такъ и цитируемыхъ имъ авторовъ мы *никакихъ ясныхъ и твердыхъ заключеній* о ея предметѣ и характерѣ сдѣлать не можемъ.

Теперь я попытаюсь получить какое нибудь понятіе о „научной философіи“ другимъ путемъ, а именно: изъ *именъ писателей*, которыхъ г. Лесевичъ считаетъ ея представителями. Обыкновенно онъ приводитъ эти имена съ особаго рода *попой и церемоніями*, какъ будто открываетъ нѣчто, еще никѣмъ не виданное и не слышанное. Передъ каждымъ именемъ предварительно пускается съ

различными прибаутками нѣсколько стрѣль остроумія въ „мистиковъ, метафизиковъ и химеросозидателей“, потомъ слѣдуетъ хвалебная пѣснь отъ г. Лесевича называемому писателю, въ которой прославляется его передовитость, позитивность, трезвость мысли, познание и остроуміе. Потомъ г. Лесевичъ приводитъ отрывокъ изъ какого нибудь сочиненія восхваляемаго мыслителя, въ которомъ, по мнѣнію г. научнаго философа, обнаруживаются восхваляемые свойства. Отрывки эти, по ихъ краткости, разнородности затрогиваемыхъ въ нихъ предметовъ и отсутствію связи другъ съ другомъ, ничего не доказываютъ и не устанавливаютъ не только научной, но и *никакой определенной философіи*. Большею частію эти отрывки заключаютъ неопредѣленные выходки противъ метафизики вообще и въ особенности противъ „интуитивной метафизики“. Изъ приводимыхъ г. Лесевичемъ писателей мы узнаемъ, что представители научной философіи, по преимуществу, гнѣдятся въ Англіи и что къ нимъ принадлежатъ: Локкъ, Юмъ, Милль отецъ и сынъ, Бэнтъ, Лесли Стивенъ, Мэнъ, Гексли, Маудсли, Селли. Въ Германіи, по видимому, г. Лесевичъ считаетъ таковыми писателей, группирующихся около журнала: *Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie*. О Франціи въ этихъ двухъ номерахъ (Янв. и Февр.) ничего особеннаго не сказано.

Теперь посмотримъ, что даютъ намъ имена представителей научной философіи, по мнѣнію г. Лесевича? Самыя *громкія* и самыя *выпишительныя* имена принадлежатъ Локку и Юму. Локкомъ начинается, хотя еще и не твердо устанавливается, особое направленіе въ философіи, такъ называемое *эмпирическое*. Юму принадлежитъ самое крайнее развитіе и выраженіе этого направленія, такъ что Юмъ дѣлается родоначальникомъ цѣлой *философской школы*, которая и до сихъ поръ поддерживаетъ его начала, преимущественно въ Англіи. Вся характеристика этого направленія зависитъ отъ значенія словъ: эмпирическій, эмпирія или опытъ. Собственно говоря, нѣтъ ни одного направленія философіи, которое бы не утверждало, что оно *опытное*, т. е., которое не считало бы, что

оно исходитъ изъ первоначальныхъ, непосредственныхъ фактовъ, изъ которыхъ дѣлаются логическіе выводы, или необходимыя предположенія, посредствомъ которыхъ могутъ быть объяснены эти факты. Разница только въ объемѣ этого, такъ сказать, *первоначальнаго откровенія*, этихъ первоначальныхъ данныхъ сознанія, и затѣмъ разница въ логической состоятельности выводовъ и гипотезъ. Направленіе, пачатое въ Англіи Локкомъ и установленное Юмомъ, чрезвычайно суживаетъ сферу опыта и фактовъ первоначальнаго сознанія, признавая за нею одинъ только чувственный опытъ и сводя все остальное къ нему. Локкъ, какъ извѣстно, поставилъ своимъ девизомъ формулу: *nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu* ¹⁾. Но самъ Локкъ не могъ еще выполнить этой формулы, такъ какъ въ очень многомъ остался на почвѣ картезіанства, хотя и началъ свою философію съ борьбы противъ Декарта и его послѣдователей ²⁾, выполнена эта задача вполне была Юмомъ и его послѣдователями. Направленіе, данное философіи Локкомъ и Юмомъ и продолжающееся до сихъ поръ преимущественно въ Англіи, называется разными именами: эмпиризмомъ, скептицизмомъ, сенсуализмомъ, феноменизмомъ, позитивизмомъ и не признаетъ никакого другаго опыта, кромѣ чувственныхъ ощущеній и первоначальныхъ чувствъ и совершенно опускаетъ изъ виду факты сознанія нами собственной субстанціи и ея актовъ и продуктовъ, а также принциповъ, на основаніи которыхъ она дѣйствуетъ. Разумѣется, соотвѣтственно этой *узости опыта*, *узывается и область вывода и предположеній*, объясняющихъ факты опыта.

1) Нѣтъ ничего въ умѣ, чего прежде не было бы въ чувствахъ.

2) Такъ какъ я здѣсь имѣю въ виду собственно характеристику „научной“ философіи г. Лесевича, а вовсе не Локка или Юма, то позволю себѣ указать моимъ читателямъ на мое сочиненіе: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Кіевъ. 1884 г. Во 2-й главѣ этой книги читатели найдутъ, хотя и по поводу частнаго вопроса о пространствѣ и времени, достаточную общую характеристику и критику философіи Локка и Юма.

Юма нужно считать самым радикальным и последовательным представителем этого направления. Очищая философию от метафизики, он отрицал существование всяких субстанцій, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. Далѣе онъ отрицалъ всякія начала и цѣли, всеобщіе законы и безусловные принципы бытія, отрицалъ также въ немъ и всякую необходимость, напр. причинную; наконецъ отрицалъ какія либо основанія для полной достовѣрности познанія. Однимъ словомъ, Юмъ съ философіей поступилъ, какъ крыловскій крестьянинъ, чистившій червонецъ „пескомъ, дрсвой и мѣломъ“; червонецъ сталъ чистъ и блестящъ, какъ жаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ прежній вѣсъ и цѣну. Вмѣстѣ съ метафизикой изъ философіи, послѣ очистки Юма, исчезла достовѣрность познанія, неизблемые критеріи истины и сама *истина*, а на мѣсто ея стала *вѣроятность* ¹⁾. Вмѣстѣ съ метафизикой исчезло изъ философіи также и *бытіе*. Для Юма нѣтъ никакихъ существъ, никакихъ субстанцій, никакого вѣчнаго и неизмѣннаго бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, нѣтъ и никакихъ причинъ, ибо истинною причиною можетъ быть только дѣйствующая по своей природѣ субстанція. Точно также для юмовой философіи нѣтъ никакого міра, ибо міръ есть ничто иное, какъ или собраніе взаимодействующихъ субстанцій, связанныхъ другъ съ другомъ одними вѣчными законами, или же совокупность явленій, въ которыхъ выражается дѣятельность одной субстанціи. На мѣсто всего этого въ юмовой философіи какіе то *мы* (кто эти мы?) имѣемъ какія то *явленія* (кто, что и кому является?) связанные воображеніемъ и привычкою во

¹⁾ Вѣроятность имѣетъ смыслъ тогда, когда существуетъ достовѣрность, т. е., нѣчто, ведущее въ знаніи къ безусловной вѣрѣ; тогда вѣроятное есть нѣчто, приближающееся къ этой достовѣрности, нѣчто похожее на несомнѣнную истину. Но, на чемъ можетъ стоять вѣроятность и что такое вѣроятность, когда нѣтъ истины, т. е. возможности для достовѣрности, объ этомъ, конечно, пужпо спросить у научныхъ философовъ, а я не знаю.

времени, въ пространствѣ и въ причинности (кто и какъ связываетъ явленія во времени, пространствѣ и причинности, которые, конечно, не существуютъ, а суть *что-то* идеи, да еще *псевдо-идеи* ¹⁾). Далѣе, кто воображаетъ и привыкаетъ? На все это нѣтъ отвѣта! И такъ, ничто, помноженное на ничто, даетъ въ произведеніи какое то неизвѣстное нѣчто.

Что же говорить намъ два самыя громкія имена изъ приводимыхъ г. Лесевичемъ? Ничего новаго и особеннаго, ничего не виданнаго и не слыханнаго, никакой *обще-признанной и специально научной философіи*. Указываютъ они намъ *на одно изъ* направлений, *на одну изъ* школъ философіи, по моему, далеко отстоящую отъ истины и, по моему также, опровергнутую критикой, исходившей отъ представителей другихъ школъ. Конечно, объ исторіи этого опроверженія я распространяться не буду, ибо это значило бы затронуть всю исторію философіи 18 и 19 вѣковъ. Назову только самыя крупныя имена критиковъ Локка и Юма. Локкъ, по моему, былъ вполне опровергнутъ Лейбницемъ, который въ сочиненіи, появившемся 50 лѣтъ послѣ его смерти, а именно: *Nouveaux Essais sur l'entendement humain* (написано въ 1704, изд. 1765 г.), разбирая Локка самымъ обстоятельнымъ образомъ, устранилъ его формулу и замѣнилъ своей: *nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu: nisi ipse intellectus* ²⁾. Эта послѣдняя маленькая прибавочка радикально измѣняетъ все направленіе философіи Локка и обосновываетъ совершенно иную систему, въ разсмотрѣніе которой входятъ мнѣ теперь нѣтъ надобности ³⁾. Между многочисленными критиками Юма самымъ крупнымъ является Кантъ, опровергавшій его теорію причинности. Считаю не бесполезнымъ сказать также,

1) См. объ этомъ указанное выше мое сочиненіе, „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта, гл. II-я“.

2) Нѣтъ ничего въ умѣ, чего прежде не было бы въ чувствѣ, за исключеніемъ самого ума.

3) Объ ней см. въ той же книгѣ: „Генезисъ и пр.“, гл. 3-я.

что одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ философовъ, котораго я, далеко не принадлежа къ его поклонникамъ, все таки поставлю выше всѣхъ упоминаемыхъ г. Лесевичемъ писателей, конечно, за исключеніемъ Локка и Юма, а именно: Гербертъ Спенсеръ ¹⁾, предлагаетъ основательную критику главныхъ пунктовъ философіи Юма въ своей „Психологіи“, которая переведена и по-русски. Но самую лучшую, по моему, критику своей философіи даетъ самъ Юмъ, когда описываетъ намъ свое *тяжелое умственное состояніе*, послѣ выработки своей системы, т. е., послѣ вышеозначенной мною очистки философіи отъ метафизики. Я не могу отказать себѣ въ нѣсколькихъ выпискахъ изъ этой самокритики.

Въ заключеніи своего „Трактата о человѣческой природѣ“ Юмъ говоритъ, что онъ испуганъ и смущенъ одиночествомъ, въ которое ставитъ его его философія. Расходясь со всѣми и не предвидя отъ нихъ ничего другого, кромѣ спора, противорѣчія, гнѣва и осужденія, онъ и въ „самомъ себѣ, ничего не находитъ кромѣ сомнѣнія и незнапія...“ „Я не могу сдѣлать малѣйшаго шага“, говоритъ онъ, имѣя въ виду общій скептическій характеръ своей философіи, „безъ колебаній и всякое новое размысленіе, приходящее мнѣ въ голову, заставляетъ меня опасаться ошибки и нелѣпости въ моемъ разсужденіи“.

„И какое довѣріе въ самомъ дѣлѣ“, продолжаетъ онъ, „могу я имѣть къ смѣлому предпріятію, въ которое пускаюсь, когда кромѣ безчисленныхъ недостатковъ свойственныхъ мнѣ лично, я вижу множество другихъ, составляющихъ общій удѣлъ природы человѣческой? Могу ли я себя увѣрить, что бросая установившіяся мнѣнія, я иду къ истинѣ? и какимъ критеріемъ я узналъ бы эту истину даже въ томъ случаѣ, если бы, по счастью, какъ либо попалъ на путь къ ней. Приходя къ самому строгому и точному заключенію изъ моихъ разсужденій, я не могу представить основанія для моего

¹⁾ Спенсера г. Лесевичъ причисляетъ также къ мистикамъ и метафизикамъ (Февраль, стр. 7).

согласія съ нимъ. Все, что я чувствую въ этомъ отношеніи, есть не болѣе, какъ *сильная* склонность *упорно* смотрѣть на вещи съ той точки зрѣнія, съ которой они мнѣ представляются. Опытъ есть принципъ, который учитъ меня различнымъ соединеніямъ предметовъ въ прошедшемъ, а привычка есть другой принципъ, который побуждаетъ меня ожидать тѣхъ же соединеній въ будущемъ. Оба, дѣйствуя на мое воображеніе, заставляютъ меня образовать нѣкоторыя идеи живѣе и интенсивнѣе, чѣмъ другія, съ которыми не соединяется этого преимущества. Не будь этого свойства, по которому умъ нѣкоторыя идеи представляетъ живѣе, чѣмъ другія (что, по видимому, весьма не важно и весьма мало основано на разумѣ), то мы были бы совершенно не въ состояніи согласиться съ какимъ бы то ни было аргументомъ и перенести свой взоръ дальше небольшого количества предметовъ, представляющихся нашимъ чувствамъ. Но даже и этимъ самымъ предметамъ мы не могли бы приписать какое либо другое существованіе, кромѣ того, которое зависитъ отъ чувствъ. Мы должны бы были включить ихъ всецѣло въ ту послѣдовательность воспріятій, которая образуетъ наше я, или нашу личность. И даже еще болѣе, мы не могли бы допустить между членами этой послѣдовательности ничего, кромѣ воспріятій, непосредственно предстоящихъ нашему сознанию; живые образы, которые даетъ намъ память, никогда не могли бы быть приняты за истинныя изображенія прошедшихъ воспріятій. Слѣдовательно, память, чувства и умъ—все имѣетъ одно и тоже основаніе въ воображеніи, или въ живости нашихъ идей“.

Вотъ, другое мѣсто, въ которомъ Юмъ высказываетъ умственное состояніе, которое можно счесть слѣдствіемъ его теоріи причинности.

„Умъ человѣческій ни зачѣмъ не слѣдитъ съ большимъ любопытствомъ, какъ за причинами явленій и при томъ, не довольствуясь звать ихъ непосредственныя причины, мы идемъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ къ отдаленнѣйшему первоначалу. Мы хотимъ

не останавливаться до тѣхъ поръ, пока не откроемъ въ причинѣ ту энергію, посредствомъ которой она производитъ свой эффектъ, ту связь, которая соединяетъ эффектъ съ причиной, и то производящее свойство, отъ котораго эта связь зависитъ: такова цѣль, преслѣдуемая нами въ нашихъ изслѣдованіяхъ и размышленіяхъ. И каково же наше разочарованіе, когда мы узнаемъ, что это соединеніе, эта связь, эта энергія находится только въ насъ самихъ¹⁾ и суть ничто другое, какъ настроеніе духа, приобретаемое привычкою и заставляющее насъ переходить отъ одного предмета къ другому, который обыкновенно его сопровождаетъ, и отъ впечатлѣнія отъ одного предмета къ живой идеѣ другого. Такое открытіе не только подсѣкаетъ въ корню всякую надежду получить когда либо удовлетвореніе, но даже уничтожаетъ самыя наши желанія, потому что въ то время, какъ мы желаемъ знать послѣднее и дѣйтельное начало въ смыслѣ чего либо пребывающаго во внѣшнемъ предметѣ, мы находимся или въ противорѣчій съ самимъ собою, или говоримъ, не придавая словамъ никакого значенія“.

Выписываю еще послѣднее мѣсто, въ которомъ Юмъ высказываетъ состояніе духа, возникающее въ немъ вслѣдствіе полного сомнѣнія въ разумъ и происходящаго отъ того отсутствія какой либо достовѣрности познанія.

¹⁾ Разумѣется, эти „мы сами“, или „настроенный духъ“ есть, по изложенію Юма самимъ г. Лесевичемъ (стр. 18, ян.), „совокупность частныхъ качествъ, или, точнѣе, совокупность простыхъ представленій, соединяемыхъ воображеніемъ и получающихъ отдѣльное названіе, дозволяющее намъ припоминать эту совокупность для себя или для другихъ“. Ну а эти „мы“, которые въ изложеніи г. Лесевича „имѣютъ, соединяютъ воображеніемъ, даютъ названіе и припоминаютъ совокупность“, эти кто и что такое, спрошу опять я??? А это опять совокупность, которую еще *какіе то мы*, еще *какъ то*, еще въ *что то* совокупляемъ и воображаемъ! И такъ, научная философія Юма погонитъ насъ отъ однихъ „мы“ къ другимъ „мы“ черезъ третьи „мы“ и такъ далѣе безъ конца. Все „мы“, да „мы“, а никогда до какого нибудь *подлиннаго я* не дойдемъ.

„Напряженное сознание многочисленныхъ противорѣчій и несовершенствъ человѣческаго разума такъ подѣйствовало на меня и такъ возбудило мой мозгъ, что я готовъ отказаться отъ, какого-бы то ни было, разсужденія и, какой бы то ни было, увѣренности и что я не могу признать ни одного мнѣнія болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, чѣмъ другое мнѣніе. Гдѣ я, и что я такое? Изъ какихъ причинъ возникло мое существованіе и въ какое положеніе я возвращусь? Чью благосклонность я долженъ искать и чьего гнѣва я долженъ бояться? Что за существа меня окружаютъ? и имѣю ли я на кого либо вліяніе, и имѣетъ ли кто либо вліяніе на меня? Всѣ эти вопросы меня сокрушаютъ; я начинаю думать, что, окруженный самымъ густымъ мракомъ и лишенный употребленія моихъ членовъ и моихъ способностей, я поставленъ въ самое ужасное положеніе, которое только можно вообразить“¹⁾.

И такъ, въ концѣ концовъ, направленіе, начатое Локкомъ и установленное Юмомъ, не имѣетъ никакихъ правъ называется *специально научнымъ*, а есть одно изъ направленій философскихъ, которое вообще издавна большинство историковъ философіи совершенно вѣрно и справедливо, по моему, назвало *сенсуализмомъ*. Въ формѣ же юмовой философіи это направленіе, согласно характеристикѣ его, сдѣланной самимъ Юмомъ, издавна и совершенно справедливо носить названіе *скептицизма*.

Теперь посмотримъ, что даютъ намъ другіе имена, приведенныя г. Лесевичемъ въ качествѣ представителей якобы „научной“ философіи.

¹⁾ Всѣ эти мѣста взяты мною изъ превосходнаго французскаго перевода сочиненій Юма, сдѣланнаго извѣстными философами Ренувье и Пиллономъ (Renouvier et Pillon): „Psychologie de Hume, Paris, 1878“ стр. 345 и слѣд. Я очень сожалею, что не могу выписать всей этой главы, составляющей заключеніе трактата Юма „О человѣческой природѣ“, такъ какъ она представляетъ краткую, но чрезвычайно сильную характеристику результатовъ всей его философіи.

Первое мѣсто послѣ Локка и Юма принадлежитъ, конечно, Д. С. Миллю и Бэну, которые суть современные наиболѣе извѣстные и выдающіеся представители сенсуализма. Философію Милля можно считать вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ, но *не улучшеннымъ* изданіемъ философіи Юма. Безстрашной юмовой послѣдовательности у Милля нѣтъ; напротивъ есть колебаніе въ сторону метафизики, которое я главнымъ образомъ вижу въ заимствованномъ Миллемъ у Платона понятіи матеріи, какъ возможности ощущенія, и внесенномъ въ систему Юма, очищенную отъ какихъ бы то ни было субстанцій. Эта, по видимому, невинная, „постоянная возможность ощущеній“, въ сущности вводитъ въ систему Юма изгнанную еще ранѣе Юма Берклеемъ матеріальную субстанцію, хотя, конечно, вводитъ тихомолкомъ, едва замѣтно, со всевозможными протестами противъ матеріализма и увѣреніями въ самомъ чистѣйшемъ феноменизмѣ или позитивизмѣ.

Гораздо яснѣе этотъ переходъ отъ Юма къ матеріализму можно отмѣтить у Бэна, который уже безъ особенныхъ околичностей въ своей психологіи приводитъ въ полную зависимость отъ тѣла и отъ нервной системы наши психическія состоянія. Правда, въ своемъ сочиненіи: „О душѣ и тѣлѣ“, Бэнъ говоритъ о трудности отношеній и взаимодействія непространственной души съ пространственнымъ тѣломъ. Но этотъ разговоръ оказывается у Бэна въ сущности пустыми фразами, потому что, при посредствѣ софистическихъ разсужденій о нервной силѣ, о соотношеніи и превращеніи силъ, онъ успѣваетъ соединять несоединимое и мыслить противорѣчивое, т. е. вліяніе дѣйствующаго въ пространствѣ матеріальнаго тѣла на существующую внѣ пространства душу¹⁾.

¹⁾ Въ виду возможности спора и возраженій съ стороны г. Лесевича на мою статью, еще разъ долженъ предупредить читателя, что я здѣсь вовсе не имѣю въ виду критику Бэна, Милля и т. п., которая, можетъ быть, и будетъ сдѣлана мною на своемъ мѣстѣ. Настоящая цѣль моя заключается въ характеристикѣ статьи г. Лесевича, и только.

Значить, и у Бэна мы находимъ мостикъ, перекинутый въ метафизику, пожалуй, принимающую одинаково и духовную, и матеріальную субстанцію, но все таки, въ сущности, въ метафизику матеріалистическую.

Переходъ отъ философіи Юма, какъ и вообще отъ всякой скептической философіи къ метафизикѣ, естественъ и необходимъ, потому что человѣкъ, по выраженію Шопенгауера, имѣетъ „неискоренимую метафизическую потребность“. Но эта потребность не есть что либо чудесное, какое либо *загадочное свойство* человѣка, но составляетъ естественное слѣдствіе самой субстанціальной природы человѣка. Съ большею или меньшею ясностью, сознавая себя индивидуально и самостоятельно существующею *субстанцією*, онъ, конечно, не можетъ удовлетвориться міромъ преходящихъ явленій и ищетъ вѣчнаго бытія, неподлежащаго возникновенію и уничтоженію, т. е., того, что лежитъ въ основѣ явленій. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе ошибокъ и иллюзій, которымъ подлежитъ представляющая и мыслящая дѣятельность человѣка, эти поиски легко обращаются на ложный путь къ матеріальнымъ вещамъ ви́шняго міра, вмѣсто того, чтобы искать субстанціального бытія тамъ, гдѣ только и можно найти его, именно: въ себѣ самомъ, во внутреннемъ опытѣ своего бытія и дѣятельности. Отсюда необходимый переходъ изъ скептицизма въ метафизику можетъ произойти тремя путями: или въ дуалистическую метафизику, предполагающую и духовную, и матеріальную субстанцію, или въ ложную метафизику матеріалистическую, или же, по моему, въ основательнѣйшую метафизику, признающую исключительно существованіе духовныхъ субстанцій на разныхъ ступеняхъ совершенства. Конечно, и изъ философіи Юма есть возможность перехода и въ эту послѣднюю метафизику, стоитъ только предположить существованіе второго Берклея послѣ Юма, потому что, въ сущности, философія Юма есть ничто иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная и разширенная философія Берклея. Берклей отвергнулъ, какъ иллюзію, матеріальную субстанцію; а Юмъ мысль Берклея, къ сожалѣнію, ложно

приложилъ и къ духу ¹⁾. Но въ силу сенсуализма, который входитъ въ философію Юма и который, какъ я уже указывалъ, состоятъ въ признаніи за первоначальное непосредственное сознаніе элементовъ только чувственного опыта, переходъ отъ скептицизма Юма въ метафизику долженъ былъ естественно оказаться въ направленіи не назадъ къ Берклею, а къ материалистической, а также и дуалистической метафизикѣ.

Какъ бы то ни было, Милль и Бэнъ представляютъ намъ съ одной стороны внесеніе въ философію Юма материалистическихъ тенденцій, а съ другой дальнѣйшее развитіе и болѣе подробную разработку началъ Юма въ наукѣ о духѣ въ тѣсномъ смыслѣ, или въ психологіи. Въ этомъ отношеніи какъ Милль, такъ и Бэнъ всѣми признаны самыми выдающимися представителями *ассоцианистской* психологіи, т. е. психологіи, видящей альфу и омегу психической жизни въ законахъ механической ассоціаціи идей, чувствъ, движеній и т. д. Итакъ, какъ Милль, такъ и Бэнъ не представляютъ ничего особеннаго, ничего новаго и неизвѣстнаго и не даютъ никакого права г. Лесевичу выставять ихъ какъ бы имъ открытыя свѣтила.

Теперь, посмотримъ, что намъ даютъ другіе имена. Остановимся немного на Гексли и Маудсли. И въ нихъ, по моему, г. Лесевичъ новой Америки не открылъ. Оба эти ученые достойны всякаго уваженія по ихъ дѣятельности въ ихъ спеціальной наукѣ: Гексли въ біологіи, а Маудсли въ психіатріи. Затѣмъ достойно уваженія также и то, что эти спеціалисты не пренебрегаютъ философіей и входятъ въ ея область съ свойственною имъ талантливостью, но это все, что мы можемъ сказать. Принимать ихъ фило-

¹⁾ Замѣчательно, что, превознося Юма, всевозможные феноменисты, позитивисты и наши „научные“ совершенно игнорируютъ Берклея, между тѣмъ какъ онъ, по силѣ и энергіи философской мысли, не только не уступаетъ, но превосходитъ Юма, который во многихъ пунктахъ былъ только подражателемъ Берклея и шелъ по его стопамъ.

софскія воззрѣнія, какъ нѣчто обязательное для всѣхъ и каждого, считать ихъ за авторитеты въ философіи и ставить ихъ на ряду не только съ Юмомъ и Локкомъ, на даже съ Миллемъ и Бэнномъ, и не основательно, и не справедливо. Какъ бы ни были почтенны ихъ экскурсіи въ область философіи, все таки они въ ней только диллетанты. Ихъ выборъ и симпатіи къ тому или другому философскому направленію обусловлены не труднымъ изученіемъ философскихъ системъ съ цѣлью, путемъ ихъ сравненія и повѣрки одной другою, выбраться изъ лабиринта сомнѣній, возбуждаемыхъ ихъ борьбою и противорѣчіемъ другъ другу и наконецъ, признавъ, истину того или другаго направленія, уже вполне и окончательно *примкнуть* къ нему,—а болѣе или менѣе случайною симпатіею къ тому или другому философу. По специальностямъ, къ которымъ принадлежатъ Гексли и Маудсли, имъ всего родственнѣе матеріалистическая философія; они и дѣйствительно всего ближе къ ней. Но кромѣ того имъ нравится *нѣчто* и у другихъ философовъ и они ради этого нѣчто сочувствуютъ и ставятъ высоко нѣкоторыхъ философовъ и, не заботясь о цѣльности системы, *диллетантски* соединяютъ матеріализмъ съ разпородными съ нимъ элементами. Такъ Гексли сочувствуетъ Юму, по скольку Юмъ отрекается отъ метафизики и думаетъ опираться на одинъ только чувственный опытъ. Но нравится ему также натуръ-философія и фізіологія Декарта по ея матеріалистическому характеру; и онъ превозноситъ Декарта „истиннымъ отцемъ современной науки“. Конечно, современная фізіологія не придаетъ никакого значенія маленькой желѣзкѣ (glans pinealis) въ мозгу, какое придавалъ ей Декартъ, какъ вмѣстилищу души, но все-таки, думаетъ Гексли, Декартъ своею локализacieю души *антиципировалъ* ученіе современной фізіологіи, по которому мыслящая субстанція не можетъ быть внѣ протяженной субстанціи и по которому мысль, какъ и движеніе, есть функція матеріи, распадающейся, по Гексли, на множество центровъ силъ, и именно функція сбраго вещества мозга. Посредствомъ такого диллетантскаго односторонняго пониманія Декарта Гексли и соеди-

няеть несоединимое, т. е. одинаково превозноситъ научными фило-софами и метафизика—субстанціалиста Декарта, и скептика Юма ¹⁾).

Точно тоже мы можемъ сказать и о Маудсли, который, какъ фзіологъ и психіатръ, съ одной стороны смотритъ на душевныя явленія матеріалистически, какъ на слѣдствія состояній мозга и тѣла, а съ другой въ своей книгѣ: „Фзіологія и патологія души“, заявляетъ удивленіе къ Спинозѣ и считаетъ себя его послѣдова-телемъ. Какъ это соединеніе матеріализма съ спинозизмомъ, по которому матерія никогда не можетъ дѣйствовать на духъ и играть роль причины въ его явленіяхъ, такъ и выходки противъ метафи-зики, тогда какъ Спиноза несомнѣнный метафизикъ, достаточно указываютъ на *диллетантскій* характеръ филозофіи Маудсли.

Остальныя имена, приводимыя г. Лесевичемъ, какъ, напр., Мена, Лесли—Стивена, Селли, какъ ничего особеннаго не гово-ряція въ пользу якобы „научной“ филозофіи, мы оставимъ безъ всякаго разсмотрѣнія.

Итакъ, что же мы можемъ извлечь для характеристики науч-ной филозофіи изъ именъ лицъ, которыхъ г. Лесевичъ считаетъ ея представителями?

1) Подъ названіемъ „научной филозофіи“ г. Лесевичъ разу-мѣетъ не что либо новое, а очень давно существующее направле-ніе филозофіи, извѣстное подъ, наиболѣе приличествующими ему, именами сенсуализма и скептицизма.

2) Направленіе это есть ничто иное, какъ *видоизмѣненіе*, на почвѣ европейской филозофіи, существовавшихъ еще въ древности направленій, извѣстныхъ подъ именемъ софистики и скептицизма и являвшихся до извѣстной степени въ средневѣковомъ номинализмѣ.

3) Въ наиболѣе строгой и послѣдовательной своей формѣ,

¹⁾ См. статью о Декартѣ въ сборникѣ статей и рѣчей Гексли, озаглавленномъ во французскомъ переводѣ: „Sermons laïques. Paris 1877.“ Вѣроятно, показанное г. Лесевичемъ на стр. 2 (февр.) сочиненіе Гексли есть нѣмецкій переводъ того же сборника.

въ которой оно отвергаетъ какую бы то ни было метафизику или *ученіе о послѣднихъ основаніяхъ бытія и познанія*, оно является весьма рѣдко. Таковымъ оно было, напр., въ формѣ, данной ему Юмомъ. Всего же чаще оно является въ болѣе или менѣе прикрытомъ или же прикрываемомъ сочетаніи съ какою либо метафизикою, иногда даже не философскою, а религіозною, какъ то было, напр., у нѣкоторыхъ номиналистовъ или у Пьера Беиля. Въ послѣднее же время оно, при посредствѣ современныхъ естественныхъ наукъ, всего болѣе сочетается съ метафизикою матеріализма.

4) Хотя направленіе это заключаетъ въ себѣ не мало талантливыхъ представителей, а въ лицѣ Локка и Юма, напр., выдающихся мыслителей, но все таки оно, по моему мнѣнію, въ существѣ ложно, и, если приносить пользу философій, то преимущественно *отрицательнымъ и косвеннымъ* путемъ. Его заслуга передъ философіей заключается въ постоянной критикѣ метафизическихъ системъ, критикѣ, изгоняющей изъ метафизики продукты свойственной чело-вѣку, по его несовершенству, склонности удовлетворяться неполной истиной и впадать въ догматическій застой, успокоиваясь на традиціонной философій. Подъ вліяніемъ скептической критики метафизическая мысль постоянно обновляется и прогрессируетъ, стараясь все полнѣе и совершеннѣе выработать, *вполнѣ свободное отъ противорѣчій*, міросозерцаніе, твердыя *формулы* и ясное выраженіе для метафизическаго ученія о послѣднихъ основаніяхъ бытія и знанія. Кромѣ того въ этомъ направленіи есть дѣятели, въ родѣ, напр., Милля и Бэна, оказавшіе услуги психологіи, на сколько психологія есть *положительная и эмпирическая наука о явленіяхъ духа*, а не метафизическое ученіе о послѣднихъ основаніяхъ духовныхъ явленій, т. е., о духовной субстанціи

5) Направленіе это ни подъ какимъ видомъ *не можетъ претендовать* на общепризнанность, не говорю уже, на европейскомъ материкѣ, но даже въ самой Англіи, гдѣ большинство занимающихся философіею лицъ признаютъ метафизику и примыкаютъ къ тому или другому метафизическому воззрѣнію. Но, такъ какъ боль-

шинство не есть критерій въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся науки, то, какъ всѣмъ метафизическимъ направленіямъ, такъ несомнѣнно и сенсуализму съ скептицизмомъ слѣдуетъ, защищая свою истину и опровергая другія направленія, *помнить* правило: *lis sub iudice est*¹⁾, и никакимъ образомъ не позволять себѣ *рзырывать* триумфатора, торжествующаго далеко еще не выигранную побѣду. Поэтому, исполненная претензій *кличка* „научной философіи“, которую даютъ г. Лесевичъ и нѣкоторые другіе англійскому позитивизму, невольно напоминаетъ возгласы московскихъ краснорядцевъ, зазывающихъ покупателя: „къ намъ пожалуйте, у насъ самые лучшіе, настоящіе заграничные товары.“

Но, можетъ быть, кто нибудь мнѣ скажетъ: если направленіе, основанное Локкомъ и Юмомъ, и не есть что либо новое, открытое г. Лесевичемъ, а также не есть что либо общепризнанное и неподлежащее спору, то все-таки г. Лесевичъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ *первый въ Россіи* указалъ на это особое направленіе философіи. Къ сожалѣнію, и это совершенно невѣрно. Если кому первому принадлежитъ честь *насажденія и распространенія* этого направленія въ Россіи, то это никакъ не г. Лесевичу, а несомнѣнно г. Троицкому, который уже въ 1867 г. выпустилъ сочиненіе весьма обширное и довольно обстоятельное, по скольку оно касается англійскаго сенсуализма, скептицизма и ассоціанизма²⁾, основанныхъ Локкомъ и Юмомъ, а именно: „Нѣмецкая Психологія и пр. Москва, 1867 г.“ Г. Троицкій былъ не только первымъ проповѣдникомъ у насъ англійскаго позитивизма въ качествѣ историка, но проводилъ его и въ своихъ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ „Наукѣ о духѣ“, въ „Логикѣ“³⁾. Но и кромѣ г. Тро-

1) Споръ подлежитъ суду, т. е., не оконченъ.

2) Но нисколько не обстоятельное, по скольку оно касается нѣмецкой философіи.

3) Сочиненіе г. Троицкаго: „Наука о духѣ“, было разобрано въ моей статьѣ, помѣщенной въ той же „Русской Мысли“ 1882 г.

ицкаго есть другой дѣятель въ русской литературѣ, г. Боборыкинъ, который раньше г. Лесевича тоже потрудился въ пользу того же направленія переводомъ французскаго сочиненія Рибо: „Современная англійская психологія“, гдѣ авторъ, хотя съ односторонней опѣнкой, но весьма обстоятельно излагаетъ Милля, Бэна и другихъ дѣятелей англійскаго позитивизма и ассоціанизма.

Теперь мнѣ остается для *полноты* характеристики статьи г. Лесевича указать еще на нѣкоторыя ея стороны. Я уже указывалъ на *блестки остроумія*, которыми разукрашена его статья. Теперь укажу еще на два другихъ украшенія ея, а именно: *мишуру прогрессивности и фейерверкъ учености*.

На двухъ неполныхъ страницахъ: 16 и 17 (января), г. Лесевичъ выпискою изъ „Мемуаровъ“ Милля, конечно, безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, голословно *внушаетъ* читателю, что его „научная философія“ прогрессивна, а что напротивъ, „интуитивная метафизика враждебна прогрессу“ и составляетъ „главный камень преткновенія прогресса человѣчества.“ Теоріи прогресса, какъ извѣстно, много, а такъ какъ не обозначено, какую теорію прогресса разумѣетъ г. Лесевичъ съ Миллемъ, то и слова о „враждебности интуитивной метафизики прогрессу“ не имѣютъ никакого смысла. Далѣе, такъ какъ метафизическихъ ученій также не мало и между ними несомнѣнно есть такія, которыя враждебны не только прогрессу, но и, какому бы то ни было, *здоровому смыслу и чувству*, то опять таки обвиненіе г. Лесевича интуитивной метафизики вообще не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, ибо не могутъ же однѣ теоріи отвѣчать за другія, потому только, что онѣ подводятся подъ общее понятіе метафизическихъ теорій. Въ такомъ случаѣ честный человѣкъ отвѣчалъ бы за преступника на томъ основаніи, что они оба люди. Позволю себѣ предложить г. Лесевичу выйти изъ области пустыхъ фразъ къ дѣлу и попытаться доказать, что метафизическія системы *выдающихся философовъ*, какъ напр. Платона, Аристотеля, Эпиктета или Марка Аврелія, Плотина изъ древнихъ; или Джіордано Бруно, Декарта,

Спинозы, Лейбница, Канта и другихъ въ новое время — „враждебны прогрессу и составляютъ для него камень преткновенія. „Разумѣется, при этомъ должны быть приняты во вниманіе собственныя теоріи прогресса названныхъ философовъ, ибо не могутъ же они служить чужимъ теоріямъ.

Напротивъ, по самому существу своему и по своимъ принципамъ, скорѣе всего можетъ быть враждебна прогрессу, если только она захочетъ *быть послѣдовательной*, философія Юма. Понятіе прогресса совершенно не мыслимо безъ признанія возможности какъ либо образовать понятіе объ идеальной *цѣли*, къ которой стремится *цѣлый міровой процессъ*, или, по крайней мѣрѣ, *природа человѣческая*, въ силу ея основныхъ свойствъ. Но какой прогрессъ можетъ быть признаваемъ философіею, которая отвергаетъ, по существу, и понятіе міра, и понятіе міроваго процесса и идеальныя *цѣли*?! Далѣе, *кто* будетъ стремиться къ осуществленію *цѣлей* прогресса, если нѣтъ вовсе никакихъ субстанцій и существъ, если люди, или столь часто употребляемые излюбленною философіею „мы“, суть не существа, а какіе то „совокупности, соединяемыя воображеніемъ“, значки, „названія для припоминанія“ какихъ-то фактовъ — и больше ничего. Если я вѣрно понимаю выписку, которую дѣлаетъ г. Лесевичъ изъ Милля¹⁾, то интуитив-

¹⁾ Вотъ эта запутанная выписка цѣликомъ. „Практическій реформаторъ, — разсуждаетъ Милль, — не перестаетъ требовать такихъ измѣненій, которыя опирались бы на могущественныя и сильно распространеныя чувства; онъ никогда не отступится отъ требованія, чтобы установленный порядокъ, представляясь необходимымъ и неприкосновеннымъ, былъ бы такимъ на самомъ дѣлѣ, и ему часто приходится вводить въ свою аргументацію поясненія какъ происхожденія этихъ могущественныхъ чувствъ, такъ и хода образованія возрѣвній, приведшихъ къ убѣжденію въ необходимости и неприкосновенности даннаго порядка вещей. Изъ этого видно, что между такимъ реформаторомъ и философіею, которая не желаетъ объяснить чувствованій и нравственныхъ явленій вообще — обстоятельствами и ассоціаціей идей, а предпочитаетъ раз-

ная метафизика“ будто-бы потому „враждебна прогрессу“, что она „чувствованія и нравственныя явленія вообще“ объясняет не „обстоятельствами и ассоціаціей идей“, а рассматривает ихъ, какъ „первичные элементы человѣческой природы“. Или, иначе говоря, эта антипрогрессивная метафизика вмѣсто того, чтобы бороться и уничтожать „чувствованія и нравственныя явленія“, вытекающія „изъ обстоятельствъ и ассоціаціи идей“ и мѣшающія осуществленію прогресса, объясняетъ ихъ „первичными элементами человѣческой природы“ и на этомъ основаніи позволяетъ имъ безпрепятственно царить по прежнему. Хотя и остается неяснымъ какія это „чувствованія и нравственныя явленія“, но положимъ, что интуитивная метафизика виновата, и затѣмъ спросимъ, какъ можетъ побороться и побѣдить такіа мѣшающія прогрессу чувствованія и нравственныя явленія человѣкъ, проникнутый „научной философіей“. При этомъ, конечно, допустимъ, что, какимъ-бы то ни было чудомъ, этотъ человѣкъ ¹⁾ призналъ прогрессъ и его требованія и возымѣлъ желаніе бороться за прогрессъ. Мнѣ кажется, что приводитъ въ исполненіе такое желаніе онъ могъ бы только, или, выбросивши изъ головы *принципы* „научной философіи“, или же въ состояніи безумія. Вѣдь, та же самая „научная философія“ устами и самаго основателя ея Юма, и устами вѣрной его копіи, т. е. Милля, проповѣдуетъ, что *ассоціація идей* имѣетъ такое же значеніе *въ мірѣ психическомъ*, какое имѣетъ *притяже-*

сматривать ихъ какъ первичные элементы человѣческой природы, неизбѣжна естественная вражда. Такой реформаторъ становится лицомъ къ лицу съ философіей, которая считаетъ долгомъ выдавать свои любимыя доктрины за откровенія наитія (интуиціи) и усматриваетъ въ этомъ наитіи голосъ природы или высшей силы, высказывающейся съ авторитетомъ, имѣющимъ для нашего разума рѣшающее значеніе и т. д.“ Такъ какъ у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, подъ рукою „Мемуаровъ“ то я не могу рѣшить, падаетъ ли грѣхъ неясности на самого Милля, или на его переводчика, т. е., г. Лесевича.

¹⁾ т. е. „соединяемая воображеніемъ совокупность.“

ніе матеріи въ міръ фізическомъ. Значить, устранить такіе либо продукты законовъ, управляющихъ ассоціаціей идей невозможно, а пытаться на это также безумно, какъ безумно пробовать устранять эффекты законовъ, управляющихъ взаимнымъ тяготѣніемъ матеріальныхъ тѣлъ. Какъ бы печально и непріятно ни было въ какомъ либо отношеніи, что по этимъ законамъ всякая вещь на земной поверхности падаетъ къ центру земли, но все таки никто ратовать противъ этого явленія и противодѣйствовать ему не станетъ, а примирится съ нимъ и постарается какъ либо приладиться къ нему. Точно также, если какія либо чувства и нравственныя явленія возникли вслѣдствіе всемогущихъ законовъ ассоціаціи идей, то откуда возьмемъ „мы“ (т. е. не разъ упомянутая „совокупность“) силу противодѣйствовать и устранять эти чувства и нравственныя явленія?! Конечно, по філософіи Юма, взять этой силы не откуда и придется сложить руки и ждать, пока „чувства и нравственныя явленія“, сложившіяся вслѣдствіе одной случайной ассоціаціи, не уступятъ мѣста какимъ либо другимъ чувствамъ и нравственнымъ явленіямъ, имѣющимъ сложиться вслѣдствіе другой, случайно явившейся, ассоціаціи...

Но можетъ быть читатель уже достаточно разсмотрѣлъ мишуру, которую г. Лесевичъ выдаетъ за чистое золото и серебро прогрессивности научной філософіи?! Если такъ, то я позволю себѣ указать ему на новое зрѣлище—на фейерверкъ учености, гдѣ г. Лесевичъ осыпаетъ своихъ читателей такимъ количествомъ названій книгъ и именъ писателей, что читатели легко могутъ быть ослѣплены этимъ фейерверкомъ. Но, конечно, это можетъ случиться съ неопытными писателями, (а ихъ большинство), незнающими, что въ наше прогрессивное время чрезвычайно легко, при посредствѣ и общихъ, и особенно спеціальныхъ журналовъ, не только понасобирать неисчислимыхъ массы этихъ именъ авторовъ и заглавій сочиненій, но даже сказать нѣчто и о содержаніи ихъ, не заглядывая ни въ одно. Такой неопытный читатель легко можетъ подумать, что г. Лесевичъ такъ далеко проникъ въ самую

бездну передовой и новѣйшей премудрости и такъ *преиспоменъ* научнѣйшею ерудиціей, что ему выполнѣ естественно и закономерно съ презрѣніемъ смотрѣть на жалкихъ „метафизиковъ“, тнущихъ старую „сказку о бѣломъ бычкѣ“, на основаніи оттрепанныхъ стародавнихъ книгъ и сочиненій.

Но, къ сожалѣнію, такой читатель будетъ введенъ въ заблужденіе *бенгальскими огнями*, которые онъ ошибочно приметъ за свѣтъ настоящей ученой эрудиціи и основательности. Несомнѣнно эта ученая основательность требуетъ самыхъ подробныхъ указаній на источники, изслѣдованія или сочиненія, на основаніи которыхъ ученымъ признаются какіе либо *факты* или принимаются тѣ или другіе *взгляды* и *мнѣнія*. Точно также выполнѣ необходимы и цитаты или указанія на сочиненія, гдѣ находятся *приводимыя слова* или мнѣнія какихъ либо авторитетныхъ лицъ, писателей и т. п. Но совершенно не нужны для доказательства или уясненія дѣла, ничего и никому не говорящія, списки книгъ или авторовъ, которые встрѣчаются у г. Лесевича. Другой цѣли, кромѣ засоренія глазъ читателя дешевою ученостью, такіе списки имѣть не могутъ. Приведу примѣры и образчики.

На страницѣ 12 и слѣдующихъ (ливарь) г. Лесевичъ совершенно справедливо настаиваетъ, что Милля нельзя считать позитивистомъ въ смыслѣ Конта или ученикомъ Конта и что, если онъ кое что и заимствовалъ у него, то заимствовалъ немного и съ разными оговорками, но что, въ главномъ и существенномъ, слѣдуя за Юмомъ, онъ былъ выполнѣ самостоятельнымъ относительно Конта. Во время этого разсужденія г. Лесевичъ совершенно *вскользь* (стр. 15) говоритъ, что хотя современная критика и находитъ въ трудахъ Милля недостатки, но все-таки Милль, по мнѣнію г. Лесевича, сдѣлалъ „массу цѣнныхъ вкладовъ“ въ научную философію. Къ этой *вскользь* сказанной мысли г. Лесевичъ вдругъ въ примѣчаніи присоединяетъ списокъ ¹⁾ статей и книгъ,

¹⁾ Списокъ этотъ помѣщенъ въ примѣчаніи подъ двумя звѣздочками на стр. 15 и 16.

касающихся Милля. Что хотѣлъ этимъ спискомъ сказать г. Лесевичъ, зачѣмъ нуженъ этотъ списокъ, что онъ доказываетъ? Обозначены ли въ сочиненіяхъ этого списка недостатки Милля, разбираются ли и опровергаются его идеи и положенія или же оправдываются? ничего не сказано. Пусть де читатель разъискиваетъ и рѣшаетъ это, какъ знаетъ. А между тѣмъ иному подозрительному читателю именно и интересно знать, ужъ не опровергается ли въ этихъ сочиненіяхъ какъ разъ та „масса цѣнныхъ вкладовъ“, о которыхъ говоритъ г. Лесевичъ и изъ которыхъ онъ малую толику привелъ въ своей статьѣ въ назиданіе „мистикамъ и метафизикамъ“. Но г. Лесевичъ ничего не сдѣлалъ для удовлетворенія любопытства подозрительнаго читателя. Списокъ приведенъ безъ малѣйшихъ объясненій.

Теперь возьмемъ другой образчикъ.

Во многихъ мѣстахъ (напр., стр. 6, 9 и др.). г. Лесевичъ внушаетъ читателю, что будто бы „метафизики, мистики и химеро-созидатели“ знаютъ, какъ позитивистовъ, только Конта и его послѣдователей и ратуютъ только противъ нихъ, забывая, что существуетъ въ Англіи, начиная съ Локка и Юма, множество позитивистовъ болѣе чистой воды и высшей пробы, которымъ Контъ, такъ сказать, и въ подметки не годится ¹⁾. Конечно, обвиненіе метафизиковъ, что будто бы они смѣшиваютъ позитивизмъ Конта съ позитивизмомъ Юма, Милля и пр., совершенно голословно и ничѣмъ не подкрѣплено. Правда на стр. 6-й и 14-й г. Лесевичъ внушаетъ, что будто бы г. Лопатинъ повиненъ въ этомъ смѣшеніи, но рѣшительно ничѣмъ этого не доказываетъ.

Но, какъ бы то ни было, г. Лесевичъ съ свойственной ему энергіей началъ сокрушительный походъ противъ заблуждающихся

¹⁾ Въ настоящее время г. Лесевичъ начинаетъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ высшаго англійскаго позитивизма, относиться, по моему, нѣсколько свысока къ Конту, чѣмъ напоминаетъ старую исторію человѣческой неблагодарности къ первымъ воспитателямъ и руководителямъ.

метафизиковъ, доказывая, что „контовская вѣтвь позитивизма зачахла и заглохла“, а что, напротивъ, „разросся позитивизмъ англійскій, который въ Европѣ никто не смѣшиваетъ съ первымъ.“ Далѣе г. Лесевичъ доказалъ, что Милль отрещивается отъ смѣшенія его съ Контомъ (стр. 12, 13 и 14 янв.) и что онъ считаетъ представителями научнаго позитивизма своего отца и Бэна. Потомъ г. Лесевичъ указываетъ, что даже Льюисъ, столь долго бывший приверженцемъ Конта, освободился отъ его вліянія, что наконецъ Гексли отрицалъ всякую „научную стоимость“ въ позитивизмѣ Конта (стр. 1 и 2 февр.), а что другой англійскій позитивистъ, Менъ, называетъ „смѣшеніе англійскаго позитивизма съ системой Ог. Конта не только ошибкою, но дерзостью“ (стр. 7 февр.). Казалось бы, послѣ всѣхъ этихъ указаній и доказательствъ того, что англійскій позитивизмъ и позитивизмъ Конта двѣ вещи совершенно разныя, г. Лесевичъ могъ смѣло успокоиться на лаврахъ и предоставить отечественнымъ „сокрушителямъ позитивизма и реставраторамъ химеръ“ воевать съ мертвымъ тѣломъ контовскаго позитивизма. Но не тутъ то было! Къ крайнему удивленію, онъ опять начинаетъ, уже *по истинѣ*, ту же „сказку о бѣломъ бычкѣ“. Спросивъ *иронически*, ужъ не боятся ли эти „сокрушители“, что „контовскій позитивизмъ гдѣ нибудь да процвѣтаетъ и преуспѣваетъ“, г. Лесевичъ вторгается съ своими поисками... Куда бы вы думали? Въ Португалію!! Оказывается, что тамъ есть не мало приверженцевъ контовскаго позитивизма; и г. Лесевичъ, по обычаю, приводитъ списокъ ихъ именъ и сочиненій (стр. 9 февр.) Затѣмъ онъ переходитъ въ Испанію, на философской биржѣ которой съ контовскимъ позитивизмомъ оказывается слабо. Далѣе слѣдуетъ Италія, гдѣ уже превозмогъ настоящій, научный позитивизмъ, гдѣ предпочитаютъ „метѣмпирику Льюиса“. Разумѣется вездѣ приведены г. Лесевичемъ имена ученыхъ и заглавія сочиненій. — Далѣе, въ Германіи контовскій позитивизмъ, по г. Лесевичу, не могъ пустить корней, потому что у нѣмцевъ и своихъ философовъ много, а въ числѣ ихъ они имѣютъ Канта, позитивизмъ котораго въ

„Критикъ чистаго разума“ болѣе высокой пробы, чѣмъ позитивизмъ Конта ¹⁾).

Для меня остается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ г. Лесевичъ, задача котораго состояла въ объясненіи русскимъ читателямъ понятія, принциповъ и цѣлей „научной философіи“, вмѣсто выполненія этой задачи безъ конца трепаль вопросъ объ успѣхахъ и неудачахъ контовскаго позитивизма въ разныхъ странахъ Европы. Не только съ точки зрѣнія цѣлей статьи г. Лесевича, но и вообще кому изъ русскихъ читателей можетъ быть какой либо интересъ и надобность въ именахъ и фамиліяхъ авторовъ и въ заглавіяхъ напечатанныхъ ими книгъ и статей за или противъ Конта въ Португаліи, Испаніи и Италіи?? Счастье для читателей г. Лесевича, что онъ, вѣроятно, не знаетъ румынскаго, ново-гре-

¹⁾ Совершенно справедливо на стр. 12 и 13 мнѣніе г. Лесевича, что послѣ Канта стало невозможнымъ обойти принципъ Канта, „ставящій теорію познанія въ основу всякой философіи“, но невѣрно то, что г. Лесевичъ ставитъ постановку этого принципа какимъ-то спеціальнымъ дѣломъ Канта. Заслуга Канта состоитъ только въ томъ, что онъ современному ему сенсуализму, скептицизму и психологизму Локка и Юма съ одной стороны, а съ другой догматизму вольфианцевъ напомнилъ, хотя и въ оригинальной формѣ, этотъ старый принципъ всѣхъ выдающихся представителей философіи. Можемъ-ли мы и какъ можемъ познать существующее? Этотъ основной вопросъ и его рѣшеніе мы находимъ и у Платона, и у Аристотеля, и у Джіордано Бруно, и у Декарта, и у Лейбница, однимъ словомъ, у всѣхъ болѣе замѣчательныхъ философовъ.—Но другое мнѣніе г. Лесевича (стр. 13), что „кантову теорію въ послѣднее десятилѣтіе многіе нѣмецкіе мыслители преодолѣли окончательно“, я буду считать голословнымъ утвержденіемъ, пока г. Лесевичъ не объяснитъ обстоятельно, какую теорію, кто и какъ преодолѣлъ.—Вообще позволю себѣ указать на ту же мою книгу: „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“, гдѣ высказано мое мнѣніе и о значеніи кантовой теоріи познанія.

ческаго и турецкаго языковъ ¹⁾. Иначе онъ угостилъ бы ихъ именами и списками и на этихъ языкахъ, потому что, вѣроятно, и тамъ уже (*tout, comme chez nous*) завелся и позитивизмъ низшаго класса, т. е., контовскій, а можетъ быть, и позитивизмъ высшаго класса, т. е., „научный“. Грѣшный человѣкъ! въ этихъ ни кому не нужныхъ экскурсіяхъ г. Лесевича я вижу только одинъ фейерверкъ!

Теперь я могу закончить свою статью. Въ ней я желалъ: 1) разоблачить инсинуацію г. Лесевича относительно моей литературной дѣятельности; 2) показать, что названіе „научной“, прилагавшееся имъ къ той философіи, которой онъ слѣдуетъ, отзывался рекламнымъ характеромъ, и что никакой общепризнанной научной философіи нѣтъ. Прилагаетъ же г. Лесевичъ это названіе *къ одному изъ* философскихъ направленій, по моему мнѣнію, менѣе всѣхъ имѣющему право претендовать на исключительную истину.

Но конечно, я ничего не имѣю противъ того, чтобы это направленіе оставало себя и тѣмъ менѣе противъ того, чтобы г. Лесевичъ, если оно ему кажется состоятельнымъ, принадлежалъ къ нему и защищалъ его всѣми находящимися въ его рас-

¹⁾ Но да не подумаетъ кто либо, что я не цѣню у г. Лесевича его знанія разныхъ европейскихъ языковъ. Напротивъ, отдаю въ этомъ ему полную справедливость и желаю, чтобы это знаніе онъ утилизировалъ и для философіи, не ради приведенія разныхъ ненужныхъ намъ именъ авторовъ и сочиненій въ неизвѣстныхъ европейскихъ литературахъ, но для открытія тамъ и сообщенія какой нибудь оригинальной философской мысли, или даже цѣлой системы, что вполне возможно, не смотря на низшій обще-научный уровень этихъ странъ въ сравненіи съ передовыми странами Европы,—Англіей, Франціей и Германіей.

пораженіи средствами. Но однако защита эта должна не нарушать требованій справедливости и происходить въ формахъ, приличествующихъ *серьезной и добросовѣстной борьбѣ мыслию и словомъ*.

На сколько я достигъ своей цѣли объ этомъ уже судить не мнѣ, а читателю.

А. Козловъ.

Отвѣтъ на рецензію г. Мокіевскаго.

Въ № 10 „Русскаго Богатства“ 1887 г. г. Мокіевскій помѣстилъ рецензію на мою книжку: „Очерки изъ исторіи философіи и пр. Кіевъ, 1887 г.“.

Рецензію эту я не могу оставить безъ отвѣта по естественному праву каждаго человѣка, выступающаго на судъ общественный съ литературнымъ трудомъ, устранить невѣрное пониманіе и толкованіе мыслей и цѣлей этого труда, какъ это произошло со стороны г. Мокіевскаго. Далѣе мои объясненія, по поводу рецензіи г. Мокіевскаго, можетъ быть, будутъ хоть сколько нибудь полезны для разъясненія основныхъ и важнѣйшихъ пунктовъ философіи, какъ науки, въ которыхъ, какъ извѣстно, царствуетъ разнъ и неопредѣленность понятій не только въ нашей, но даже и въ европейской литературѣ.

Начну отвѣтъ мой г. Мокіевскому съ благодарности за то, что онъ почтилъ своимъ вниманіемъ мой скромный трудъ и за то, что онъ на стр. 237 и 238 призналъ за мной маленькую заслугу, что я отстаивалъ, по мѣрѣ силъ, право философіи на существованіе, какъ отдѣльной и независимой науки, и на ея руководящее значеніе въ знаніи и жизни.

Затѣмъ, мнѣ остается пожалѣть, что „почти этимъ и ограничивается единогласіе“ г. Мокіевскаго со мной, а что „во всемъ

остальномъ онъ принужденъ постоянно оспаривать мои мнѣнія“ (стр. 238). Какъ ни горько разногласіе, но извѣстно, что въ нашемъ мірѣ только „du choc des opinions jaillit la verité!“ Признавая справедливость этой пословицы, я скажу только, что подъ *мнѣніями* должно разумѣть ясно и опредѣленно выраженные обѣими сталкивающимися сторонами мысли, а подъ *столкновеніемъ* дѣйствительное сопоставленіе не только *различныхъ* мыслей, но и чѣмъ либо *обоснованныхъ*. Голословное же отрицаніе какого либо мнѣнія безъ замѣны его другимъ, болѣе состоятельнымъ, едва ли будетъ полезно для выработки истины. Съ этими соображеніями я обращаюсь къ обзорѣнію случаевъ столкновенія моихъ мнѣній съ мнѣніями г. Мокіевскаго и поищу, не окажется ли въ результатѣ этого столкновенія какой либо истины.

Случай первый. *Столкновеніе не произошло, потому что г. Мокіевскій только махивался мнѣніемъ и сбивалъ, какъ говорится, на пустомъ.*

Я въ своей книжкѣ мнѣнія, отвергающія философію, какъ науку, раздѣлилъ на два класса: на „*скептицизмъ абсолютный*, утверждающій, что нѣтъ никакого знанія и науки, и слѣдовательно нѣтъ и философіи и *скептицизмъ относительный*, признающій существованіе знанія и наукъ, но отвергающій возможность философіи, какъ науки.“ Г-ну Мокіевскому не нравится эта классификація, но почему она неудовлетворительна и какая правильная классификація, это онъ оставилъ въ тайнѣ. Выписавши мою классификацію, онъ говоритъ: „мы не будемъ настаивать на неудовлетворительности этой классификаціи и на томъ, что авторъ слишкомъ легко раздѣливается съ абсолютнымъ скептицизмомъ;“ и затѣмъ переходитъ къ совершенно другому предмету ¹⁾. Могу только серьезно пожалѣть, что г. Мокіевскій не только не „настаивалъ“, но

¹⁾ Я покорнѣйше попросилъ бы моихъ читателей свѣрять мои показанія и со статьей г. Мокіевскаго и даже съ моей книгой, если и то, и другое можетъ случиться у нихъ подъ рукою.

даже ни однимъ словомъ не показалъ неудовлетворительность моей классификаціи и не замѣнилъ ее болѣе удовлетворительной. Далѣе, еще болѣе сожалѣю я о томъ, что онъ ничѣмъ не подкрѣпилъ свое утвержденіе, что я „легко раздѣлываюсь съ абсолютнымъ скептицизмомъ“ и тѣмъ до сихъ поръ оставилъ меня въ вредной *иллюзіи*, что мое опроверженіе абсолютнаго скептицизма состоятельно. Впрочемъ, тутъ, мнѣ кажется, г. Мокіевскій погрѣшилъ даже и передъ своими читателями. Хотя бы онъ привелъ для нихъ мое опроверженіе „абсолютнаго скептицизма“, такъ чтобы читатели и сами увидали, какъ „легко я раздѣлываюсь съ абсолютнымъ скептицизмомъ“ ¹⁾. А то они узнали отъ г. Мокіевского о моемъ легкомъ отношеніи къ абсолютному скептицизму, а въ чемъ оно состоитъ, такъ и не узнали.

Случай второй. *Г. Мокіевскій дѣлаетъ попытки къ столкновенію вмѣсто моихъ мыслей съ созданными имъ самимъ фантомами, отчего, разумѣется, никакой истины не происходитъ.*

На страницѣ 238 г. Мокіевскій отмѣчаетъ, что, будто бы „г. Козловъ въ разрядъ относительныхъ противниковъ философіи записываетъ не только потитивизмъ, но и „научную философію“, подразумѣвая подъ этимъ то философское направленіе, органомъ котораго въ Германіи является журналъ: *Vierleljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie*“. Во первыхъ, употребляя терминъ: „относительный скептицизмъ“, я *никогда* и *никогда* не употреблялъ, по моему, неудобнаго термина: „относительный противникъ“. Далѣе я и не думалъ подразумѣвать подъ терминомъ „научной философіи“ философское направленіе выше названнаго нѣмецкаго журнала. Не думалъ подразумѣвать потому, что совершенно не признаю какой-то особой специальной *научной философіи* и нахожу этотъ терминъ также страннымъ, какъ страненъ былъ бы для меня, никѣмъ не употребляемый, терминъ: научная физика или научная

¹⁾ Мое опроверженіе абсолютнаго скептицизма находится на первой страницѣ означенной книги.

химія, если бы кто либо такимъ терминомъ хотѣлъ сказать, что будто есть и установлены какая-то научная и не научная физика или химія (хотя несомнѣнно есть сочиненія или статьи по физикѣ, или химіи, не имѣющія научнаго достоинства, а потому могущія быть названы не научными сочиненіями или статьями).

А что г. Мокіевскій свою отмѣтку сдѣлалъ на основаніи не моихъ показаній, а *собственного воображенія*, вотъ доказательство. На стр. 2-й я говорю, что „скептицизмъ, отрицающій философію въ смыслѣ особой науки, рѣдко самъ называетъ себя скептицизмомъ, а разными другими именами, преимущественно же *позитивизмомъ*, и что въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ философіи онъ рѣдко употребляетъ прямо терминъ: философія, а отрицаетъ ее подъ терминомъ: *метафизика*. Бываетъ даже такъ, что этотъ скептицизмъ самъ признаетъ терминъ: философія, и противопоставляетъ себя философіи=метафизикѣ, какъ *научную философію*“. Изъ этого ясно, какъ день, что я ни единого слова не сказалъ, изъ котораго можно было бы какъ нибудь вывести, что я подъ научной философіей разумѣю направленіе¹⁾ „Vierteljahrschrift“ а. Ра-

¹⁾ Если, можетъ быть, иному читателю любопытно знать, какъ я отношусь къ этому журналу, то я вкратцѣ обозначу это отношеніе. Направленіе этого вообще почтеннаго и дѣльнаго журнала я совершенно отказываюсь окрестить какимъ нибудь опредѣленнымъ именемъ, потому что въ немъ встрѣчаются статьи различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, по направленію. Есть писатели, которыхъ тенденціи можно назвать позитивистическими, но есть и такіе, которые, очевидно, имѣютъ воззрѣнія метафизическія. Что касается до редакціи журнала, то болѣе строгимъ позитивистомъ былъ, по моему, покойный Герингъ. Воззрѣнія же теперешнихъ редакторовъ трудно окончательно опредѣлить: позитивисты могутъ считать ихъ своими, а метафизики могутъ основательно не уступать этого позитивистамъ. Что касается до ярлычка „научной философіи“, который припикиваетъ редакція къ своему журналу, то я, къ сожалѣнію, не только не нахожу для того логическихъ основаній, но даже, признаюсь, вижу въ этомъ ярлыкѣ рекламный характеръ.

зумѣлъ же я въ выписанномъ мною мѣстѣ подѣ терминомъ: „научная философія“, названіе, которое даютъ своимъ философскимъ воззрѣніямъ многіе писатели и помимо „Vierteljahrschrift'a“ какъ въ иностранныхъ литературахъ, такъ и въ нашей, чему примѣромъ можетъ служить хоть бы тотъ же г. Тесевичъ, давно уже выставляющій себя въ качествѣ научнаго философа (См. здѣсь же предыдущую статью). Да и покойный профессоръ Аландскій, о которомъ г. Мокіевскій говоритъ въ своей рецензій (стр. 237), тоже, вѣдь, считалъ свои мнѣнія научною философіею. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти писатели, присвоивающіе своимъ произведеніямъ титулъ „научной философіи“, принадлежатъ къ позитивизму. Кстати, я долженъ ужь и еще указать на одно мѣсто, гдѣ опять г. Мокіевскій невѣрно толкуетъ мои слова и приписываетъ мнѣ то, о чемъ я не говорилъ и не думалъ. На стр. 239 г. Мокіевскій говоритъ, что будто я „при перечисленіи философскихъ школъ упоминаю и о позитивизмѣ, феноменизмѣ и эволюціонизмѣ, хотя и заявляю, что эти направленія имѣютъ въ основаніи невыносимое, по моему, *contradictio in adjecto*“. Здѣсь опять я долженъ сказать г. Мокіевскому, что я названныя имъ направленія перечислялъ на стр. 22-й дѣйствительно, но никогда не заявлялъ, что эти направленія имѣютъ въ основаніи *contradictio in adjecto*. На стр. 22-й я именпо говорю: „въ сущности всѣ системы могутъ быть сведены къ философіи или *абсолютнаго бытія*, или *абсолютной перемѣны*. Первая признаетъ какое либо единое абсолютное начало въ основѣ всего, почитаемаго за сущее; вторая отвергаетъ единое начало и признаетъ только феноменальное бытіе (невыносимое, по нашему, *contradictio in adjecto*) въ абсолютной перемѣнѣ. Примѣромъ первой могутъ служить въ большинствѣ случаевъ идеализмъ, или спиритуализмъ, матеріализмъ, такъ называемый реализмъ, примѣромъ второй, — позитивизмъ, феноменизмъ, эволюціонизмъ, сенсуализмъ“.

Contradictio in adjecto называется въ логикѣ *ошибка*, состоящая въ такомъ соединеніи имени существительнаго съ прилагательнымъ.

тельнымъ, въ которомъ прилагательное противорѣчитъ смыслу того существительнаго, къ которому оно относится; напимѣръ, выраженіе: круглый квадратъ, есть *самое яркое и явное contradictio in adjecto*, потому что прилагательное: круглый, отрицаетъ смыслъ существительнаго: квадратъ. Такъ и въ выписанной мной фразѣ изъ моей книги я считаю за *contradictio in adjecto* выраженіе: „феноменальное бытіе“. Дѣло въ томъ, что феноменъ, т. е. явленіе, не имѣетъ, по моему, никакого смысла, если нѣтъ субстанціи, для которой что либо является, и съ другой стороны нѣтъ субстанціи, которой дѣйствіе или видоизмѣненіе составляетъ то, что называется явленіемъ. Явленіе существуетъ *въ субстанціи, для субстанціи, посредствомъ субстанціи*, поэтому, говоря точно, феноменъ, явленіе само по себѣ безъ субстанціи не существуетъ, не есть. Значитъ, въ выписанномъ мною мѣстѣ терминомъ: *contradictio in adjecto*, я обозначаю соединеніе существительнаго: „бытіе“, съ прилагательнымъ: „феноменальный“, т. е. „феноменальное бытіе“, (какъ не рѣдко выражаются позитивисты), а вовсе не какое-то „основаніе“ позитивизма, или феноменизма, какъ это толкуетъ г. Мокіевскій.

Случай третій. Г. Мокіевскій видитъ столкновение между собою моихъ мыслей, высказанныхъ въ разное время, и впадаетъ въ недо-разумѣніе, которое я надѣюсь объяснить.

Въ моей книжкѣ я такъ опредѣлилъ философію: „философія есть наука о мірѣ, его познаніи и его отношеніи къ познающему субъекту“. Г. Мокіевскій предпочитаетъ этому опредѣленію опредѣленіе, данное мною въ „Философскихъ этюдахъ“ 12 лѣтъ тому назадъ, а именно: „предметъ философіи есть міръ, какъ цѣлое“. Конечно, 12 лѣтъ дѣло не маленькое въ личномъ развитіи человѣка; и могло бы случиться, что я могъ бы совершенно измѣнить свой взглядъ на философію и совершенно иначе опредѣлять ея предметъ. Не могу сказать, чтобы мои философскія убѣжденія остались совершенно неизмѣнными въ теченіи этихъ 12 лѣтъ, но *опредѣленіе*

предмета філософії существенно осталось тѣмъ же. Какъ тогда, такъ и теперь я думаю, что предметъ філософії есть міръ, какъ цѣлое, но только теперь я высказалъ это опредѣленіе, по моему, полнѣе и точнѣе. Развивая понятіе науки, или знанія въ приложеніи его къ міру, я пополняю опредѣленіе: „філософія есть наука о мірѣ“, словами: „его познаніи“. Далѣе, такъ какъ для познанія нужно, чтобы былъ познающій и далѣе, такъ какъ этотъ познающій можетъ быть и есть въ другихъ отношеніяхъ къ міру кромѣ познанія, то я добавляю „и его отношеніи къ познающему субъекту“. Такимъ образомъ у меня и вышло: „філософія есть наука о мірѣ, его познаніи и его отношеніи къ познающему субъекту“.

Конечно, возможно, что какъ прежнее опредѣленіе, такъ и теперешнее неудовлетворительно, и, если бы мнѣ кто либо объяснилъ эту неудовлетворительность и указалъ на болѣе удовлетворительное, то я былъ бы чрезвычайно благодаренъ и несомнѣнно отказался бы отъ своего опредѣленія, но признать его неудовлетворительнымъ на основаніи, которое ставитъ г. Мокіевскій, я не могу. „Новое опредѣленіе філософій“, говоритъ онъ, „данное г. Козловымъ, страдаетъ существеннымъ недостаткомъ: оно какъ бы ставитъ субъектъ внѣ міра. Въ самомъ дѣлѣ предметъ філософії есть міръ и отношеніе этого міра къ познающему субъекту. Точно отношеніе познающаго субъекта къ познаваемому не есть одно изъ явленій міра!“.

Я не вижу, чтобы, предполагая науку, или ученіе объ „отношеніи міра къ познающему субъекту“, мы тѣмъ самымъ ставили бы „субъектъ внѣ міра“. Точно также предполагая ученіе объ отношеніи государства къ гражданину, или члену государства, мы тѣмъ самымъ, вѣдь, не ставимъ гражданина внѣ государства. Конечно, отношеніе познающаго субъекта къ міру выражается въ явленіяхъ, принадлежащихъ къ міру же; но отчего женельзя сказать, что філософія, какъ наука о мірѣ, заключаетъ въ себѣ, какъ

самую важную сторону, отношеніе субъекта къ міру въ познаніи и кромѣ познанія въ другихъ дѣятельностяхъ, гдѣ міръ становится для субъекта средствомъ для его цѣлей? Сказать особо объ этомъ отношеніи кажется мнѣ тѣмъ болѣе нужнымъ, что важнѣйшая сторона дѣятельности человѣка въ мірѣ, именно этическая, составляетъ необходимую принадлежность философіи. Конечно, я оспаривать не стану, что, какъ говоритъ г. Мокіевскій (стр. 239), „этика не имѣетъ смысла внѣ общества“, но нахожу этого недостаточнымъ. Этика не имѣетъ смысла не только внѣ общества, но и вообще внѣ міра. Этическія дѣйствія наши не исчерпываются нашимъ отношеніемъ къ однороднымъ съ нами существамъ, но могутъ быть по отношенію и къ разнороднымъ. Точно также не безъ основанія я сказалъ, что „этика есть ученіе объ идеалѣ, соотвѣтствующемъ метафизической сущности міра“. Основаніе для этихъ словъ лежитъ въ томъ моемъ воззрѣніи, что *должное* или *долженствующее быть* есть основное понятіе этики. Такъ какъ объективно это *должное*, которое рѣшительно не должно быть смѣшиваемо съ будущимъ ¹⁾, не подлежитъ пространству, времени и причинности, то, конечно, оно всегда *идеально* по отношенію къ нашимъ дѣйствіямъ, происходящимъ во времени, а потому и эти временныя наши дѣйствія тогда только получаютъ характеръ моральныхъ, когда руководящимъ принципомъ нашего дѣйствія служитъ *этотъ идеалъ*, совпадающій не съ временнымъ, а съ вѣчнымъ неизмѣннымъ міропорядкомъ, связующимъ все бытіе міра въ безусловное единство ²⁾.

1) Будущее не есть *должное*, а механически необходимое, вытекающее неизбежно изъ прошедшаго и настоящаго.

2) Къ сожалѣнію я теперь не могу пуститься въ изложеніе своихъ воззрѣній на этику и замѣчу только, что для меня, такъ называемая, эмпирическая этика представляется крупнымъ недоразумѣніемъ и смѣшеніемъ понятій. Но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Если на сказанное мною сейчас г. Мокіевскій или кто либо другой можетъ сказать, что зачѣмъ же я всего этого не объяснилъ въ своей книжкѣ, то я отвѣчу слѣдующее.

Разбираемая г. Мокіевскимъ книжка представляетъ начало задуманнаго мною курса исторіи философіи, если не всей, то хотя части, именно древней философіи. Само собою разумѣется, что этому курсу я долженъ былъ предпослать самое краткое изложеніе общихъ понятій, относящихся къ философіи, напр., опредѣленіе философіи, ея составъ, ея отношеніе къ другимъ наукамъ, ея системы и т. п. Конечно это краткое объясненіе не могло быть вполне обоснованнымъ и развитымъ изложеніемъ самой философіи или, говоря точнѣе изложеніемъ той философской системы, которой я слѣдую; поэтому обосновка, доказательство основныхъ понятій философіи мною не могли быть даны подробно, хотя и предполагаются имѣющимися у меня. Однимъ словомъ, исторія философіи есть совсѣмъ *различное дѣло* съ системой философіи; и я думаю, что въ главахъ, озаглавленныхъ мною рубриками: понятіе философіи и понятіе исторіи философіи, я сдѣлалъ во всякомъ случаѣ не меньше того, что сдѣлано и въ другихъ курсахъ исторіи философіи, и требовать съ меня больше было-бы несправедливо.

Точно также и въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи, мнѣ кажется, г. Мокіевскій предъявляетъ ко мнѣ незаконное требованіе. Онъ сожалеетъ (стр. 241), что я „слишкомъ бѣгло прошелъ вопросъ о причинахъ разнообразія философскихъ системъ“ и, что я „не остановился и не подвергъ эту причину спеціальной разработкѣ“. „Тогда“, говоритъ г. Мокіевскій, „дѣло представилось бы нѣсколько въ иномъ видѣ, и объединеніе философіи едва ли показалось бы автору такимъ легкимъ дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые философы видятъ причину разногласія въ грозныхъ антиноміяхъ, стоящихъ передъ философски мыслящимъ умомъ. Такъ, напр. Ренувье въ своемъ двухтомномъ сочиненіи: „Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques“, признаетъ существованіе шести таковыхъ антиномій и т. д.“.

Смѣю увѣрить моего почтеннаго рецензента, что мнѣ знакомо не только имъ обозначенное сочиненіе Renouvier, но и многія другія его сочиненія, и что я, вѣроятно, первый сказалъ нѣскольکو словъ о Renouvier въ Россіи въ книгѣ, изданной въ 1878 г. („Философія дѣйствительности и пр.“ А. А. Козлова 1878 г. см. стр. 129). Далѣе, смѣю увѣрить г. Мокіевскаго еще и въ томъ, что мнѣ извѣстны классификаціи системъ не только Renouvier, но и многихъ другихъ философовъ, и что всѣ эти извѣстныя классификаціи были приняты мною въ соображеніе, когда я размышлялъ объ этомъ важномъ предметѣ. Но эти классификаціи показались мнѣ неудовлетворительными, и я послѣ долгихъ сомнѣній остановился наконецъ на классификаціи, высказанной мною въ разбираемой г. Мокіевскомъ книгѣ. Но по сейчасъ означеннымъ причинамъ я въ этой же книжкѣ, конечно, не могъ объяснить, почему неудовлетворительна извѣстная мнѣ классификаціи Renouvier или какого либо другаго философа. Вся эта внутренняя работа сомнѣній, колебаній, взвѣшиваній и критическихъ соображеній можетъ быть только тогда высказана, если я когда либо буду писать систематическое сочиненіе по философіи. Точно также я не могу войти теперь въ изложеніе основаній моего несогласія съ Renouvier, ибо это изложеніе должно было бы разростись въ очень большую статью.

Этимъ я и ограничусь въ своемъ объясненіи съ г. Мокіевскимъ по поводу его рецензіи. Въ заключеніе я еще разъ поблагодарю г. Мокіевскаго за вниманіе къ моей книгѣ и заявляю, что въ его замѣчаніяхъ на мою книгу не вижу никакой предъумышленности и предвзятости. Нѣкоторыя же ложныя истолкованія моихъ словъ я объясняю его поспѣшностью и рвеніемъ обличить ошибки и заблужденія *завзятаго метафизика*, имѣющаго дерзость въ наше „научное“ время открыто, безъ всякихъ умолчаній и прикрытій, провозглашать законность только одной метафизической философіи и отрицать философское значеніе „позитивизма, феноменизма и эволюціонизма“.

Въ доказательство же моихъ самыхъ искреннихъ отношеній къ г. Мокіевскому я на прощаніе пожелаю и ему перейти всецѣло въ лагерь метафизиковъ, если, какъ вѣроятно, онъ въ немъ не находится.

А. Козловъ.

Отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“.

Въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ въ „библіографическомъ отдѣлѣ“ помѣщена на ту же мою книжку рецензія совсѣмъ иного, болѣе ядовитаго характера, чѣмъ рецензія г. Мокіевскаго. Вообще я ничего не имѣю противъ *псевдонима* и *анонима*; иногда прибѣгать къ нимъ заставляютъ писателя самыя серьезныя и вполнѣ извинительныя побужденія. Но во всемъ должна быть мѣра. Есть случаи, и есть литературныя произведенія, гдѣ анонимъ долженъ быть или совсѣмъ, или почти устранимъ; такой случай представляетъ критика и рецензія научныхъ и художественныхъ произведеній. Въ этомъ случаѣ не только для большинства публики, вовсе не обладающей энциклопедическими и спеціальными познаніями, но даже и для спеціалистовъ, знающихъ одну отрасль науки, но мало свѣдущихъ въ другихъ, одной изъ самыхъ важныхъ *гарантій* компетентности критической оцѣнки того или другого произведенія можетъ быть только *имя* ученаго или писателя, пишущаго критику. Но когда пишутъ о всѣхъ отрасляхъ знанія и безапелляціонно судятъ и рядятъ *de omni re scibili et quibusdam aliis* неизвѣстные анонимы, то такое явленіе въ литературѣ едва ли можетъ быть оправдано и едва ли можетъ служить цѣлямъ настоящаго общественнаго просвѣщенія и образованія.

Но, не смотря на анонимъ, по нѣкоторымъ пріемамъ и слѣдамъ знакомаго остроумія, кажется, я не ошибаюсь, видя въ авторѣ рецензіи самого „научнаго“ философа. Главная цѣль этой рецензіи не доказать, а *внушить* читателю, или, пожалуй, *уговорить* его, что де книгу г. Козлова читать не стоитъ, потому что это „стародавняя, нѣсколько уже прискучившая пѣсня“. Дѣлая свои внушенія, авторъ тщательно избѣгаетъ чего либо, хотя бы имѣющаго отдаленное сходство съ *изложеніемъ содержанія* книги, даже не приводитъ изъ нея, имѣющихъ какой либо опредѣленный смыслъ выписокъ. Если и сдѣланы коротенькія выписки, то только для того, чтобы этою краткостью, безсвязностью и отрывочностью дать *кажущееся подтвержденіе* внушеніямъ и инсинуаціямъ критика. Представляю два, три примѣрчика этихъ внушеній.

Какъ уже сказано было въ предъидущей статьѣ, я имѣлъ въ виду составить курсъ по исторіи философіи, если не всей, то хотя древней. Очень возможно, что вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, я не смогу выполнить этого предпріятія. Имѣя это въ виду, я желалъ бы оградить себя отъ всякихъ упрековъ въ невыполненіи своего предположенія, а потому и далъ своему сочиненію названіе не курса, а „Очерковъ изъ исторіи философіи“. Затѣмъ къ этому общему заглавію я счелъ нужнымъ присоединить *подзаглавіе*, которымъ я хочу только сказать публикѣ о томъ, что я въ данную минуту ей предлагаю. Дѣлаю я это для того, чтобы она ни подъ какимъ видомъ не заблуждалась, непременно считывая на продолженіе этого курса, отъ котораго я, впрочемъ, совсѣмъ не отказываюсь. Будетъ у меня возможность, силы и время, я начну обрабатывать исторію греческой философіи цѣлой, или по періодамъ; во всякомъ случаѣ эти отдѣльныя части не будутъ имѣть такой необходимой связи, чтобы нельзя было пользоваться одной безъ пользованія другой. Кажется, ясно, что все высказанно: сейчасъ объясненіе не есть выраженіе какого нибудь внутренняго плана сочиненія, плана, соответствующаго принци-

памѣ науки вообще или исторіи философіи спеціально. Но остановиться на такомъ простомъ смыслѣ моего объясненія, высказаннаго въ предисловіи „Очерковъ“, вовсе не соотвѣтствовало цѣлямъ моего рецензента, ибо тогда нельзя было бы разыгрывать внушеній и намековъ на отсталость, пустословіе, ненаучность и т. под. качества какъ автора „Очерковъ“, такъ и самихъ „Очерковъ“ ¹⁾. Г. рецензенту надо было словамъ: *связь*, *планъ*, придать значеніе не внѣшней связи издаваемыхъ книжекъ или выпусковъ, а внутренней связи, истекающей изъ научныхъ *началъ* и логическихъ *принциповъ*. Ему нужно было, играя на этомъ словечкѣ: „связь“, удивляться, что „одно заглавіе указываетъ на связь частей предполагаемой исторіи философіи, а другое на отсутствіе этой связи“; ему нужно было съ ужасомъ спрашивать, что „если связь будетъ“, то неужели она „проявится въ единствѣ только общаго заглавія“ (стр. 68). Какія громкія слова и какая остроумная иронія! Но сейчасъ же окажется, что эти *громкія* слова суть *дутыя* слова.

„Не сказавъ ни слова, продолжаетъ г. рецензентъ, о связующемъ принципѣ, авторъ (т. е. я, Козловъ) все таки полагаетъ, что онъ ознакомилъ читателя съ планомъ своего сочиненія; пожалуй, но планъ этотъ-планъ издательскій; авторскаго плана нѣтъ здѣсь и слѣда“.

Совершенно *отърно* изволили сообразить, г. рецензентъ; планъ, о которомъ сказано было мною въ предисловіи былъ именно „*планъ издательскій*“, о чемъ, въ большинствѣ случаевъ, и повѣствуется въ предисловіяхъ. О какомъ то „планѣ авторскомъ“ я и не думалъ, ибо не постигаю, что за штука такая спеціально „планъ авторскій“! Значить совершенно напрасно г. рецензентъ издувалъ *мыльный пузырь* изъ громкихъ словъ: „авторскій планъ, связь, связующій принципъ“, и совершенно по пусту утомлялъ лег-

¹⁾ Я опять покорнѣйше прошу моихъ читателей, если имъ возможно, провѣрить мои слова рецензією „Русской Мысли“.

кія *передовыхъ подростковъ*, которые сильно волновались отъ спеціально для нихъ изобрѣтеннаго и выработаннаго остроумія.

Что же касается до *связующихъ принциповъ, общелогическихъ и спеціально относящихся къ исторіи философіи*, то они были несомнѣнно высказаны мною, хотя и безъ означенія того посредствомъ особыхъ ярлычковъ и надписей и, по мѣрѣ моихъ силъ, *проведены* даже въ этой маленькой книжкѣ и будутъ проведены также и въ другихъ книжкахъ, если я ихъ составлю. Такимъ принципомъ, напримѣръ, можетъ служить хоть та мысль, что всякая философская система заключаетъ въ себѣ *три* неразрывно соединенные элемента: 1) о познаніи сущаго (теорія познанія), 2) о мірѣ какъ сущемъ, въ его цѣломъ (метафизика) и 3) о должествующемъ быть (этика). Указанія на эти три элемента сдѣланы мною и при изложеніи весьма невыработанной китайской философіи, и при изложеніи болѣе выработанныхъ индусскихъ міросозерцаній. Сказано также и объ относительномъ значеніи и преобладаніи другъ надъ другомъ этихъ трехъ сторонъ въ изложенныхъ системахъ философіи. Если я буду излагать исторію греческой философіи, то и тамъ читатель найдетъ проведеннымъ какъ этотъ, такъ и другіе принципы. Но г. рецензентъ „Русской Мысли“ вмѣсто того, чтобы искать „руководящихъ принциповъ“ научнаго изложенія въ самомъ ихъ осуществленіи, т. е., въ этомъ изложеніи, искалъ какихъ-то ярлычковъ и надписей надъ какимъ-то „авторскимъ планомъ“. Впрочемъ, едва ли онъ искалъ чего нибудь, кромѣ *принциповъ* для вышеозначенныхъ внушеній своимъ читателямъ!

Затѣмъ я оставляю безъ всякаго разсмотрѣнія внушенія г. рецензента, что я остаюсь „при стародавнемъ понятіи философіи“, что „я дѣлю ея содержаніе между метафизикой, теоріей познанія и этикой и не свожу это содержаніе къ какому нибудь высшему обобщенію ¹⁾“, что я „не обратилъ вниманія на разли-

¹⁾ Я не дѣлю содержанія философіи, по моему, составляющаго неразрывное единство, на три части: теорію познанія, метафизику и

чіе ¹⁾ въ опредѣленіяхъ понятія познанія“, что я будто бы „въ Вундтѣ ищу себѣ неподходящаго союзника“ и т. под. ²⁾). Всѣ эти голословныя внушенія и искаженія моей мысли не могутъ подлежать здѣсь разсмотрѣнію, потому что въ нихъ затрогиваются самыя основныя вопросы философіи, а также и главные пункты моего несогласія съ яко бы „научной“ философіей и г. научнымъ рецензентомъ ³⁾).

этику, но называю этими именами различныя стороны философіи, которыя сопринадлежны и взаимно проникаютъ и поддерживаютъ другъ друга и составляютъ цѣлую систему. Поэтому, теорія познанія и этика никогда не могутъ быть независимыми и самостоятельными науками, какъ думаетъ о нихъ г. научный философъ. Что же касается до какаго то сведенія „содержанія философіи“ къ какому то „вышему обобщенію“, то я не понимаю, что хочетъ этимъ сказать г. научный философъ и желалъ-бы посмотрѣть, какъ онъ совершаетъ искомое высшее обобщеніе.

¹⁾ Не знаю, зачѣмъ нужно было обратить вниманіе на это различіе, по г. научному рецензенту; самъ же я думаю, что, изучая въ исторіи философіи различныя опредѣленія, данныя философами понятію познанія, достаточно, по моимъ силамъ, изслѣдоваль, сравнилъ и оцѣнилъ эти различія.

²⁾ Въ Вундтѣ я вовсе не искалъ себѣ союзника, а только желалъ мнѣніемъ этого авторитетнаго ученаго подкрѣпить свою мысль о томъ, что *всѣ частныя науки неизбѣжно указываютъ на философію и приводятъ къ ней*. Затѣмъ, если г. научному философу хочется взять Вундта въ свое исключительное обладаніе и не дать намъ, метафизикамъ, ни одного волоска съ головы Вундта, то я, во избѣжаніе распри и спора, охотно уступаю Вундта ненасытному „научному“ аппетиту г. рецензента.

³⁾ По поводу этихъ основныхъ вопросовъ о философіи, ея направленіяхъ и методахъ и проч., я хотя и не въ систематическомъ, спеціально посвященномъ этому предмету, трудѣ, но однако не разъ высказывался болѣе или менѣе обстоятельно во многихъ моихъ сочиненіяхъ,

Наконецъ, мнѣ остается немножко разверстаться съ г. рецензентомъ по поводу еще одного внушенія, пущеннаго имъ на стр. 70-й. „О философіи восточной“, говоритъ онъ, „мы распространяться не станемъ; замѣтимъ только, что мы очень сочувственно относимся къ мысли автора—включить ее въ исторію философіи. Очень желательно, чтобы восточная философія и впредь не исключалась изъ курсовъ. При знакомствѣ съ англійскимъ языкомъ она можетъ быть обработана гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ это сдѣлано у г. Козлова, а при иной точкѣ зрѣнія, окажется, конечно и гораздо поучительнѣе“.

Допуская, что утвержденіе о моемъ незнакомствѣ съ англійскимъ языкомъ справедливо, я рѣшительно не могу понять, какая необходимость въ англійскомъ языкѣ для общаго курса по исторіи философіи въ томъ объемѣ, въ какомъ является начало этого курса въ „Очеркахъ“. Скажутъ, что необходимость эта обусловливается тѣмъ, что европейскіе изслѣдователи литературы китайской и санскритской были по преимуществу англичане. Преимущественно такъ, но далеко не исключительно; не мало знаменитыхъ изслѣдователей этихъ литературъ между нѣмцами и французами. Конечно, для спеціальнаго сочиненія по исторіи восточной философіи Китая или Индіи и даже по исторіи одной какой нибудь системы, напр. вѣданты, буддизма, конфуціанизма, было бы необходимо знаніе не только англійскаго, но даже санскритскаго или китайскаго языковъ. Но для самаго обыкновеннаго курса ни то, ни другое вовсе не необходимо.

а именно: въ „Философскихъ этюдахъ“ не только въ 1-й ч. (СПб. 1876), но даже и во 2-й (Кіевъ. 1880 г.). а также весьма подробно въ полемическомъ сочиненіи: „Философія, какъ наука“ (Кіевъ. 1877 г.), или въ сочиненіи: „Философія дѣйствительности“ (Кіевъ. 1878 г.). Далѣе высказывался въ полемическихъ моихъ статьяхъ противъ Н. Я. Грота, въ „Генезисѣ теоріи пространства и времени Канта“ (Кіевъ. 1884 г.), въ „Философскомъ трехмѣсячникѣ за 1886 г.“.

Мнѣ для моей цѣли нужно было получить самое общее, но *тѣмное* понятіе объ основныхъ положеніяхъ буддизма, вѣданты или конфуціанизма, о времени ихъ возникновенія и послѣдующаго ихъ развитія и объ оцѣнкѣ ихъ значенія въ области философской мысли вообще. Для этого мнѣ нужно было прежде всего имѣть вообще знанія по философіи и по исторіи философіи, потомъ знанія по исторіи и далѣе имѣть, что называется, достаточную степень умственного и научнаго развитія. Затѣмъ, мнѣ нужно было въ моемъ дѣлѣ руководиться нѣсколькими извѣстными *общими курсами* по исторіи философіи¹⁾. Наконецъ, мнѣ нужно было ознакомиться съ хорошими новыми учеными сочиненіями, принадлежащими извѣстнымъ ученымъ спеціалистамъ и касающимся философіи восточной. Все это я и исполнилъ.

На стр. 25-й и 26-й, а также на стр. 65-й указано мною болѣе 20 именъ писателей спеціалистовъ и ихъ сочиненій, которые были моими руководителями спеціально по исторіи восточной философіи и между ними есть такіа извѣстныя имена, какъ Макса Мюллера, Дармштетера, Поля Реньо, Бюрнуфа, Васильева, Олденберга, Дёйссена, Потье, Бартелеми—С. Илера, Керна, Барта. Даже г. Лесевичъ съ его списками былъ моимъ руководителемъ, какъ значится на стр. 65-й. Конечно, г. научный рецензентъ можетъ сказать: „вѣдь это очень немного сравнительно съ тѣмъ, что существуетъ и что можно было бы изучить и прочесть“. Не спору, что немного, но совѣсть моя покойна въ томъ, что это немногое только и было мнѣ доступно и что я, обыкновенный смертный, не имѣлъ ни силъ, ни средствъ, ни времени изучить все или много больше того, что я изучилъ. Затѣмъ, совѣсть моя покойна еще и въ томъ, что приведенныя немногія имена и сочиненія были дѣйствительно прочтены мною, а не указаны только въ спискахъ и ссылкахъ, какъ это иногда бываетъ, и что поэтому я въ каждой

¹⁾ Эти руководящіе „общіе курсы“ я обозначилъ въ предисловіи „Очерковъ“.

фразѣ, написанной мною въ моихъ Очеркахъ“ могу дать *подробный отчетъ* и указать ея основанія.

Что вѣтъ необходимости для обыкновеннаго курса по исторіи философіи обрабатывать главу о восточной философіи непременно по англійскимъ источникамъ (впрочемъ, почему Максъ Мюллеръ, напр., не англійскій источникъ?) доказываетъ примѣръ Фуллье, которымъ по исторіи китайской и индійской философіи не приведено, кромѣ Макса Мюллера, никакихъ другихъ англійскихъ источниковъ, а изъ приведенныхъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ у меня, нѣкоторые тѣже, что и у меня ¹⁾

И такъ дѣло не въ *знакомствѣ* съ англійскимъ языкомъ, а въ *выполненіи* моей задачи, т. е., въ основательной *обработкѣ* и разумномъ *приспособленіи* къ требованіямъ курса по исторіи философіи данныхъ, взятыхъ мною, хотя и не у англійскихъ, но у несомнѣнно *компетентныхъ* и *общепризнанныхъ* французскихъ, нѣмецкихъ и даже русскихъ ученыхъ! Основательно ли сдѣлана мной эта обработка данныхъ и разумно ли я ихъ приспособилъ? Вотъ, въ чемъ вопросъ, интересный и для меня, и для русскихъ читателей, имѣвшихъ несчастье взять въ руки мою книжку до знакомства съ рецензіей г. научнаго критика? Я ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что въ обработкѣ вышеозначенныхъ данныхъ есть *много* недостатковъ, которые могли бы быть избѣгнуты другимъ, способнѣйшимъ меня, составителемъ курса при тѣхъ же источникахъ. Несомнѣнно также и то, что я бы эти недостатки не допустилъ, или исправилъ, если бы я ихъ зналъ. Конечно, ихъ могла

¹⁾ Да не подумаетъ читатель, что я своею ссылкою на Фуллье хочу какъ либо поставить себя на одну доску съ этимъ ученымъ, пользующимся европейскою извѣстностью. Я только хочу сказать моему рецензенту, что слѣдовать примѣру Фуллье въ способѣ обработки курса по исторіи философіи мнѣ, скромному работнику на томъ же поприщѣ, и Богъ велѣлъ.

бы мнѣ указать и критика, но *не такая* критика, которую производитъ г. „научный“ рецензентъ. Если бы г. Козловъ былъ знакомъ съ англійскимъ языкомъ, то восточная философія, внушаетъ г. рецензентъ, „могла бы быть обработана гораздо обстоятельнѣе“, но больше ни слова! Чему могу я научиться изъ подобной критики, въ чемъ моя необстоятельность и чѣмъ бы мнѣ помогъ англійскій языкъ?! На все это нѣтъ отвѣта!

„А при иной точкѣ зрѣнія“, внушаетъ далѣе мой критикъ, очеркъ восточной философіи г. Козлова былъ бы „гораздо поучительнѣе“. Опять не знаю, какъ я долженъ былъ измѣнить свою точку зрѣнія, чтобы мой очеркъ сталъ поучительнѣе! Есть у меня подозрѣніе, что, можетъ быть, для поучительности мнѣ слѣдовало, подъ вліяніемъ одного изъ моихъ руководителей, при разсмотрѣніи восточной философіи, *пришпилить* какъ либо *психіатрію* и въ продуктахъ индійской философской мысли усмотрѣть какія либо „психическія или псевдо-галлюцинаціи“, но... но, къ сожалѣнію, для меня во первыхъ, понятіе „психической или псевдо-галлюцинаціи“ представляется *неудобомыслимымъ*, а во вторыхъ это, вѣдь, только одно подозрѣніе! Г. „научный“ рецензентъ вовсе не говоритъ прямо, что для большей поучительности моей статьи объ восточной философіи нужно было стать на точку зрѣнія „психической или псевдо-галлюцинаціи“.

Я окончилъ свое объясненіе съ г. рецензентомъ „Русской Мысли“. Не могу сказать, что у меня есть охота еще разъ встрѣтиться съ нимъ, но, если въ темномъ лонѣ будущаго уже *есть* такое печальное событіе, то, надѣюсь, встрѣчу его безъ страха и трепета.

А. Козловъ.

Издатель „Своего Слова“ предполагает и на будущій годъ издать 2-ю книжку сборника, о чемъ постарается своевременно извѣстить читателей.

Въ Кіевѣ, у профессора А. А. Козлова (Тимофеевская ул. д. № 7, кв. № 4) продаются слѣдующія его сочиненія:

1. Философскіе этюды. Часть 1-я. Цѣна 1 р. 50 к.
2. Философскіе этюды. Часть 2-я. Цѣна 1 р. 50 к.
3. Критическій этюдъ о книгѣ г. Грота: „Къ вопросу о реформѣ Логики“. Цѣна 75 к.
4. Генезисъ теоріи пространства и времени Канта. Цѣна 2 р.
5. Тардъ и его теорія общества. Переводъ, изложеніе и замѣчанія А. А. Козлова (Отгискъ изъ „Философскаго Трехмѣсячника“). Цѣна 60 коп.
6. Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. (Отгискъ изъ „Философскаго Трехмѣсячника“). Цѣна 50 коп.
7. Очерки изъ исторіи философіи. Понятіе философіи и исторія философіи. Философія восточная. Цѣна 1 р.
8. „Свое Слово“. Философско-литературный сборникъ. № 1. Цѣна 2 р.

ПЕРЕСЫЛКА НА СЧЕТЪ АВТОРА.

Книгопродавцамъ, выписывающимъ вышеозначенныхъ книгъ на десять руб. (10 руб.) или болѣе, дѣлается кромѣ того уступка 20% съ рубля.
